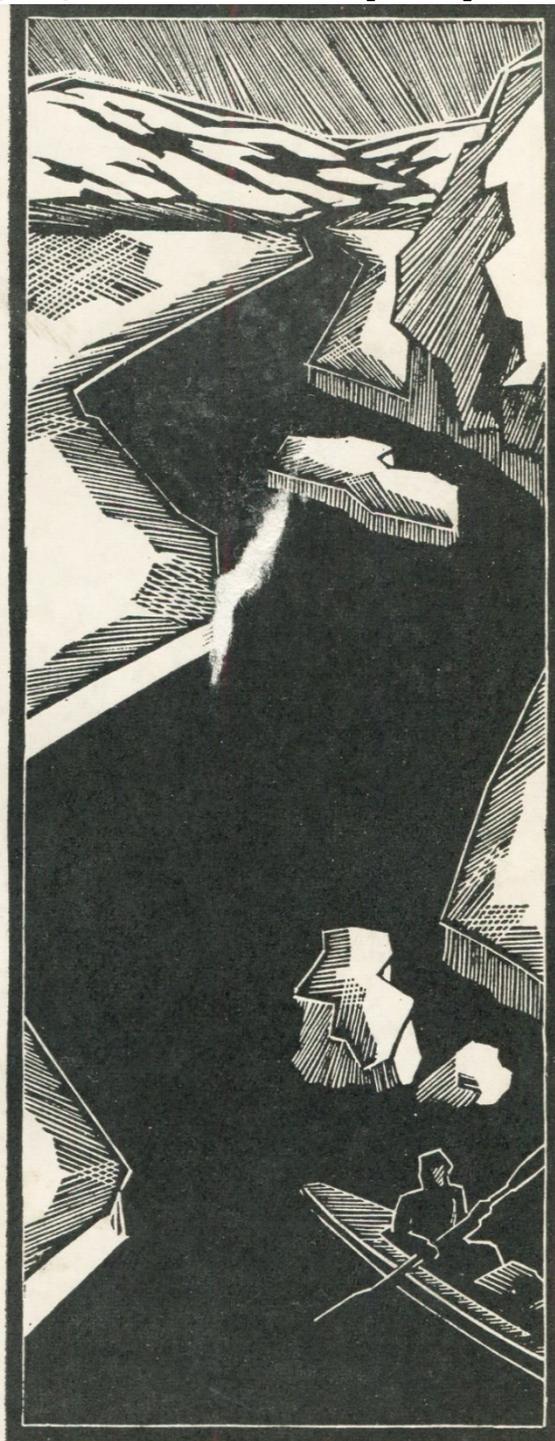
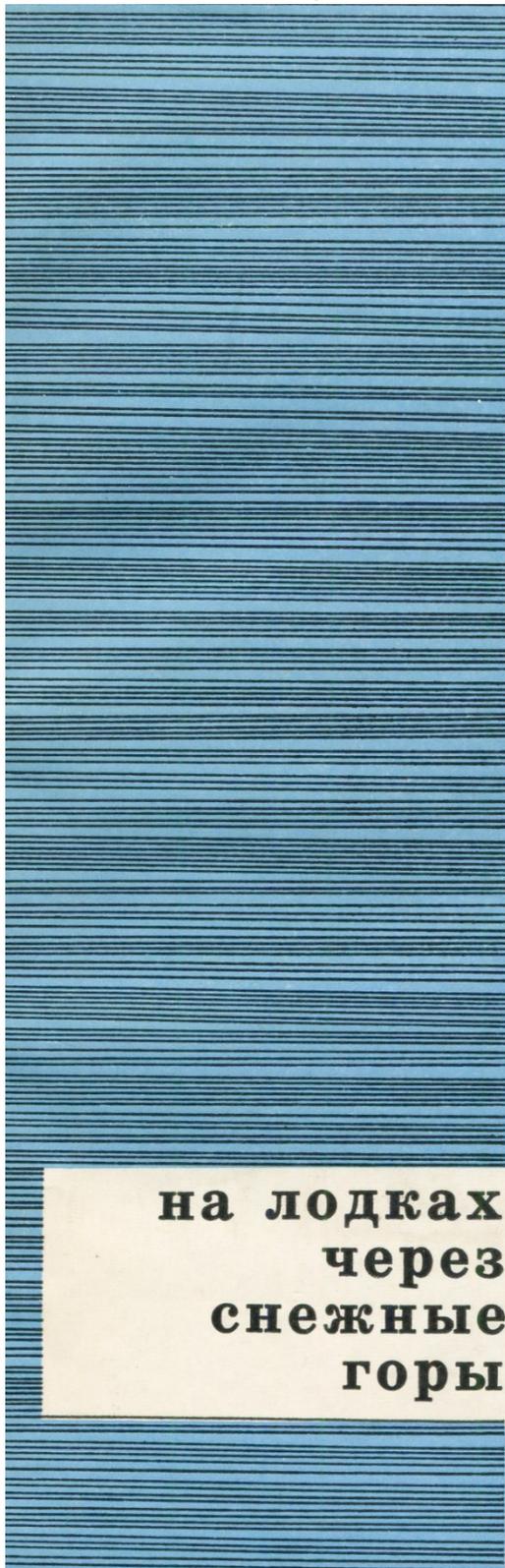


Станислав Борисович Елаховский.

На лодках через снежные горы

(Повествование с отступлениями о двух путешествиях на Полярный Урал)



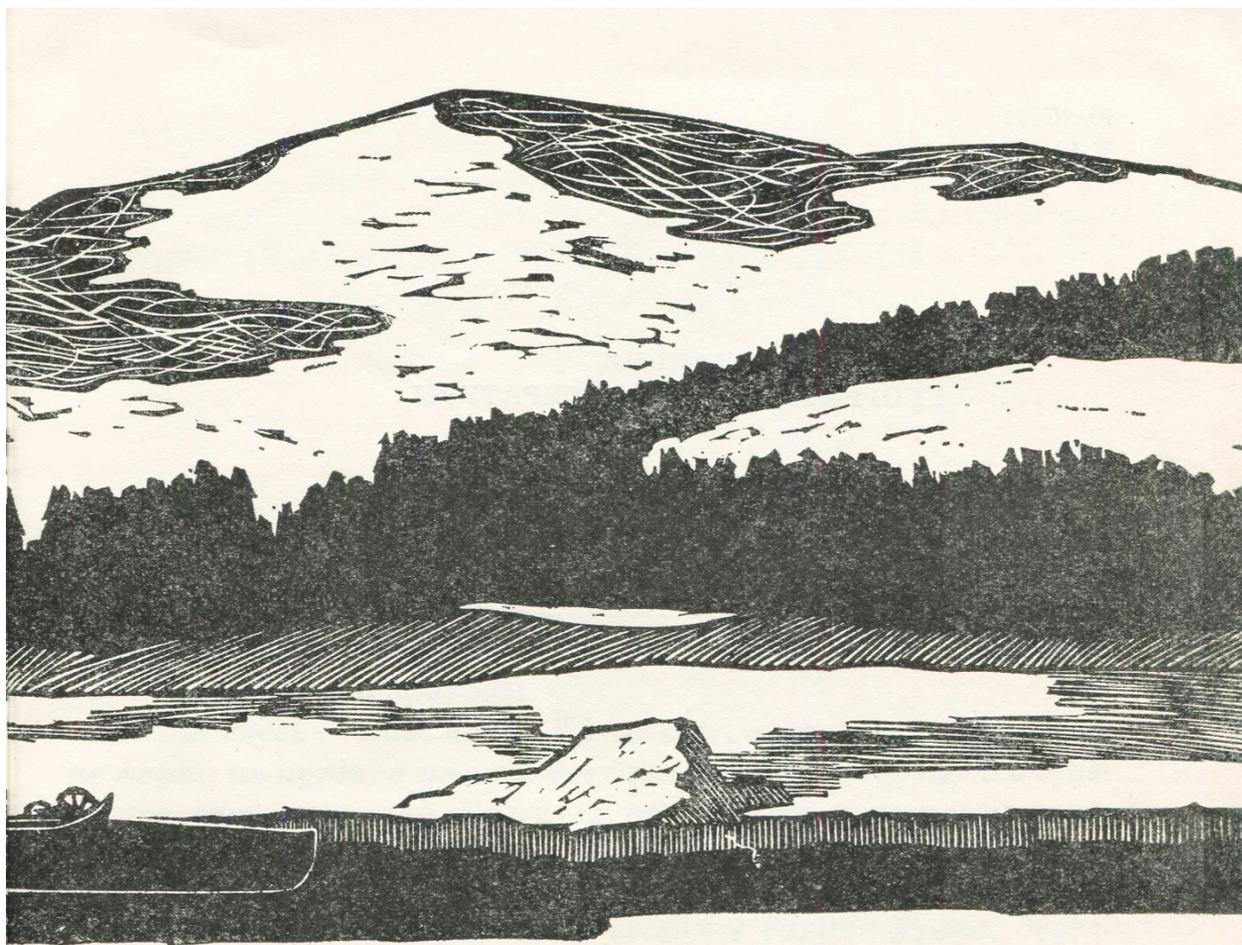
Станислав  
Елаховский

Книга оцифрована и предоставлена для скачивания в рамках некоммерческого, культурно-просветительского проекта:



Данный проект направлен на поддержку писателей-путешественников, распространение знаний об Уральском регионе, предоставление доступа к редким книгам всем интересующимся.

Электронная библиотека проекта: <https://book.exje.ru>



Станислав  
Елаховский

## НА ЛОДКАХ ЧЕРЕЗ СНЕЖНЫЕ ГОРЫ

(Повествование с отступлениями  
о двух путешествиях на Полярный Урал)

Как зной для пустынь Средней Азии, как ветер для зимней Чукотки, так весной для Полярного Урала – свет. Единственное состояние и единственное слово, которым можно выразить облик весенней его природы.

Весна здесь – май, июнь. Когда свет, а не его предчувствие, не мороз, не пурга, а именно свет становится сущностью очнувшихся от спячки гор. Светится все, и потому наплывающие временами снежные тучи не могут уже противостоять натиску света и от соприкосновения с ним просветляются сами.

Для того чтобы окунуться в весеннее сияние Урала, достаточно в эту пору сойти с поезда вблизи хребта на одном из разъездов ветки Сейда – Лабытнанги. Но лучше забраться вглубь гор, подальше от лязга и гудков железной дороги, и – побыть с Уралом наедине.

В глубь гор, конечно, лучше: ведь особенно дорого то, что достается трудом и насыщено путевыми переживаниями.

В этой книге описаны два весенних путешествия на Полярный Урал. Они, как убедится читатель, не страдали отсутствием острых случаев, они даже могут показаться опасными, но то была, пожалуй, лишь видимость риска. Во всяком случае настолько, насколько это зависело от самих участников; походов, считавших, что безаварийность должна быть основной заботой сложного путешествия, и принявших все необходимые для ее достижения меры – от изучения возможных капризов природы до подбора и подготовки снаряжения.

Если эту книгу рассматривать как руководство для проникновения в полярную весну, то она адресована лишь бывалым путешественникам, нашим единомышленникам в вопросе о безопасности. Однако автор надеется, что она заинтересует и тех, у кого трудные дороги еще не числятся в ближайших планах, а также тех, кто любит природу безлюдных и нетронутых районов Севера.

## НА ХВОСТЕ ЗИМЫ

### Тундра и солнечная ночь

Мы проснулись и вылезли из палатки. На термометре было минус десять, на часах – семь. Семь вечера. Это нетрудно было понять, так как солнце находилось на западе. Оно, наверное, вывалилось из облаков вскоре после того, как мы легли, и светило весь день: с южной стороны на угловых веревках палатки выросли сосульки. И спать было тепло. Так тепло, что среди сна мы вылезли из спальных мешков, а Борис даже стянул с себя рубашку и, широко раскинувшись, лежал в майке. Но, несмотря на яркое солнце, днем не отпустило – снег на боковых стенках в тени так и лежал, как был, привалившись к палатке и ничуть не подтаяв. Ветер, остановивший нас в пять утра и заставивший делать защитную снежную стенку, стих совсем.

– Что будем варить? – спросил Петр.

Он дежурил по кухне, и это ему полагалось думать о том, что варить. Нам все равно: что сварит, то и будем есть. А вообще – то мы и так знали, чем нас будут кормить. И сам Петр знал.

Все промолчали, потом Вилен Шустваль заказал:

– Борщ из свежей капусты. И печенку жареную с гречкой. Ну и кофе черный с лимоном.

– Борщ – то со сметаной?

– Конечно. Какой же это борщ без сметаны? – Вилен вытряхнул снег из ботинка. – И без свеклы это тоже не борщ, а так себе... щи зеленые.

Петр извлек из большого брезентового мешка другой мешок, поменьше, а из него – мешочек с вермишелью и достал две банки тушеного мяса. Перед началом трудового дня, когда нет дичи и рыбы, меню уже отработано: густой суп (или жидкая каша) с тушенкой и кофе со сгущенным молоком. Правда, у нас остались от предыдущего дня три куропатки, но ясно было, что Петр перед выходом не намерен с ними возиться. Вдобавок не было воды, чтобы обмыть их.

Однако Петр очень удивил всех нас, и в особенности Вилену, вытащив из рюкзака еще и лимон. Он положил все это на красную фанерку перед железной

печкой, растопырившей свои тонкие ноги на дюралевом листе у входа в палатку, и стал разводить огонь.

Горы сочилились ослабевшим к вечеру солнцем. Было очень тихо. Горы нежились на солнце, отогревая настывшие за зиму и все еще белые бока.

Петр замычал какую-то сложную мелодию. У него было хорошее настроение и у нас у всех - тоже.

Облив головку паяльной лампы бензином, Петр зажег спичку, с шумом полыхнуло. Затем он набил две кастрюли снегом, истратив на это один кирпич с защитной стенки, и опустил кастрюли в круглые отверстия печки.

- Минус двенадцать - сказал Вилен, высунувшись из палатки и взглянув на термометр, висевший на угловой веревке.

Наш "штатный" кинооператор Борис тоже вылез наружу, накрутил пружину кинокамеры "Киев" и отошел от палатки, выбирая точку для съемки.

- Если так будет всю ночь, тихо и морозно - сказал он громко и не отрываясь от камеры - то мы сможем за один переход выйти к Уралу. Правда? Смотрите, какие высокие и четкие облака... Это к погоде.

Облака были действительно очень высокие и похожие на мазки краски на холсте. С одного конца округлые, с резкой и чуть потемневшей кромкой, а с другого - острые и в то же время расплывающиеся, словно краску слегка смазали. И золотистые.

- На Кольском, - заметил Петр - когда мы поднялись на плато Чивруай, вечером тоже были такие облака, а ночью как дунуло!

- Не поморозились? - спросил Вилен.

Петр не успел ответить: пока он рассматривал облака, снег в одной кастрюле растаял, она наклонилась, и на печке зашипело, повалил густой пар. Петр подхватил кастрюлю рукавицей, выправил и подсыпал в нее еще снега. Паяльная лампа, вставленная головкой в отверстие торца печки, продолжала ровно и сильно гудеть, накаляя докрасна ее стенки. Посматривая за кастрюлями, Петр сложил свой рюкзак, скатал тугой трубкой спальный мешок, вытряхнул из палатки снег. Потом соорудил из одних нарт стол, из снежных кирпичей стулья, постелив на них кусок брезента. Мы тоже перетасили рюкзаки в одно место, чтобы увязать все веревками, но в это время Петр крикнул:

- Завтрак готов!

- Ужин, товарищ Лукоянов, ужин, а не завтрак - сказал Вилен, вынимая ложку из кармана штормовки.

Действительно, какой, к лешему, завтрак, когда уже половина девятого вечера. И вообще, долго мы еще будем путаться - ночь, день, ужин, завтрак? Ничего непонятно, когда в полночь солнце. Когда мы двигаемся, стараясь ухватить мороз, не днем, а ночью.

Мы ели и говорили о погоде, о ветре и облаках, о том, возможен ли дождь, и если будет, то какой - проливной или нудный, северный.

Хорошая тема - погода. О ней можно говорить бесконечно. Но для нас это был не тот разговор, что заводится при первом знакомстве или вообще когда не о чем говорить. Мы эту погоду чувствовали своими боками. Мы давно знали, что погода для нас - это все. Поэтому и начали говорить о ней еще в Москве. От погоды зависело состояние снега, скольжение лыж и нарт, а значит, и то, какими усилиями достанется нам подъем с большим грузом на Урал.

Вчера, например, была оттепель, и нарты скользили так плохо, что мы еле выволокли их на плоскогорье. А когда после остановок мы трогались с места, приходилось ставить лыжи елочкой и дергать нарты рывком. Но больше всего мы опасались сильного встречного ветра. Сильного ветра вообще, потому что на ровной поверхности тундры мы были как букашки на столе.

Петр вздохнул и оглядел небо.

- Сейчас тихо, а через пару часов как дунет... Как тогда на Кольском. И будем сидеть.

У Петра это называется шаманить. Подчеркнуто представлять метеорологическое будущее в самом плачевном виде. Авось кто-то там, от кого все зависит, возьмет и назло сделает все наоборот: вместо дождя, вместо ветра, как "предсказывали", нате, пожалуйста, мороз, тишь и солнышко. Однажды это получилось. Накануне, когда вышли из Елецкого, была оттепель, сыпал мокрый снег. Петр и запел тогда. Вот, мол, хорошо. Тепло, уши не отморозишь. И спать можно в тонких тренировочных брюках без шерстяных носков

и брезентовых бахил. Подольше бы так – пухлый снежок, да еще бы дождичек. "Услыхали" ведь Петра: перед следующим переходом, ближе к ночи, прояснело, подморозило, и мы понеслись, делая с тяжелыми нартами километра по два, а то и по три в час. Но видно, слишком обрадовались – на небольшом спуске Борис и Вилен поторопились, лихо, как слаломисты, развернулись – и на кочку. Лыжа пополам. Два часа ушло на ремонт, а тут как раз ветер в лоб, все сильнее и сильнее. Еле дотянули до речки Средней Кечпели. До кустов, в оторых можно было хоть немного укрыться. А потом Петр как-то забыл заплакаться, и вот, пожалуйста, оттепель, и снова пришлось пыhtеть по мокрому липучему снегу.

Шаманить надо. Это уж точно.

Петр справился с ужином раньше всех. Выскоблил снегом ложку, перевернул и ввинтил в снег миску. Так у него выглядела операция "мытьё посуды".

– Командор, я готов.

Это он мне. Когда солнце, когда хорошее настроение, он называет меня так торжественно и насмешливо – "командор", а когда дождь либо что не так, не сходимся в чем-то, зовет подчеркнуто вежливо, полным именем.

Вилен и Борис тоже вымыли снегом свои миски. Петр вытряхнул на снег из кастрюли заварку – комок разопревших, вываренных чайнок. Пошел густой пар, комок остывал, но в нем еще было много тепла, и он медленно погружался в снег.

Над палаткой пролетели две куропатки и сели метрах в тридцати. Белая самочка, сразу пропавшая на снегу, и самец с черным ошейником. Самец закричал пронзительно и тоскливо, и крик этот затем перешел в Человеческий хохот. Я поднялся со снежного стула, чтобы посмотреть на куропаток, но взгляд мой вдруг задержался на чем-то необычном. Возле палатки, привалившись к снежной стенке, стоял высокий мешок с частями байдарки "Луч". Из мешка торчала и блестела на солнце лопасть весла. Утром весло лежало под веревкой на верхнем ряду снежных кирпичей – его подложили, чтобы натянутая веревка не резала стенку. А потом, наверное, Борис, когда бродил по лагерю с кинокамерой, выставил его перед палаткой как эффектную деталь.

Весло на заснеженной равнине у подножия Урала. Сюда бы еще велосипед...

Когда все поели, вытащили вторые нарты, которые перед сном закопали в снег, чтобы не унесло ветром, и стали грузиться, плотно укладывая на нарты рюкзаки и все свое походное имущество. На каждые нарты приходилось килограммов по сто груза, но по крепкому ветровому насту, да еще в начале перехода нарты пошли легко, вздрагивая лишь на мелких буграх.

Солнце зашло вблизи горизонта за облако. Вокруг все стало каким-то призрачным. Бее белое – высокие горы впереди, ближние увалы и небо в пелене облаков. Белое на белом. И все это, не сливаясь, повисло в недвижимом стеклянном воздухе, лишая нас привычного ощущения пространства. Белое на белом в пустоте. И сами мы словно растворялись в этой белой вечности.

...- Стоп! – крикнул сзади Борис. Он поднял над головой футляр с кинокамерой: мол, подождите, обгону и буду снимать.

Мы остановились. Петр поправил свою белую с кисточкой шапочку, выдернул из мешка кончик лопасти весла. Петр знает толк в киносъёмке. Но он еще не знает, что скоро нам надоест позировать, что и без этих пристроенных в кадре весел будет такое... Однако нельзя же ждать, когда кадры посыплются на тебя сами. Не откладывай – вот одна из заповедей путевого документального кино. Спешите снимать, не оставляйте ничего на потом. Спешите, пока удачное освещение, пока есть желание держать в руках кинокамеру, пока она не сломалась или не утонула.

А весло запомнилось Петру, наверное, еще со стоянки. Я тоже невольно смотрю на весло и стараюсь в мыслях привести в соответствие эти несовместимые вещи. Весла. Горы. Байдарки. Снег. Не слишком ли все нелепо и надуманно?

А началось все с размышлений о том, что волна "великих водных спортивных походов и открытий", которая всколыхнулась где-то в конце 40-х годов и все росла с тех пор, прокатилась уже по таким местам, как Алтай, Кольский, Урал, Саяны, и закрепила на карте почти все пунктирные ниточки – сложные, неведомые реки. Все пройдено. Как к XX веку известными стали все материки и обширные горные системы, так теперь, в конце второй трети века, покорены многие вызывающие уважение реки: Казыр, Каа-Хем, Ока (сибирская), Ципа, Катунь. Осталось, конечно, еще много и нетронутого, в основном в

труднодоступных далях Северо-Востока страны и поближе – на Алтае и Памире. Еще на Кавказе. Этого хватит на пять, на десять лет. А дальше что? Когда любителей водных подвигов станет во много раз больше? Плавать по бурным рекам гуськом? Записываться на очередь в верховьях? Можно и так, но вряд ли это придется по душе современным Колумбам и Пржевальским. Но разве новые возможности только в расширении географии путешествий? А если, например, раздвинуть границы сезона, подходящего для сложных водных походов? И вот уже она, идея – путешествие на стыке зимы и весны.

Все очень просто – на лыжах и с нартами. На нартах байдарки и обычный походный груз – продукты, вещи, палатки. Выходим со всем этим имуществом в верховья реки к началу половодья, собираем байдарки – и вниз. С большой водой, вместе с ледоходом, вдоль снежных берегов. Район для такого необычного похода? Крайний Север. Там плотный, спрессованный ветрами снег, там весной светло и по ночам, там ночью, когда ненадолго скрывается за горизонтом солнце, бывают и морозы. А морозы нужны, чтобы лучше скользили лыжи – наши собственные и те, на которых нарты.

Итак, Крайний Север. А точнее – Полярный Урал. Безлюдные, дикие горы, край быстрых и бурных рек.

Все очень просто, но многое неясно. Например, как угадать, когда там сходит снег и когда вскрываются реки? И нет ли между этими двумя явлениями природы слишком длительной паузы? И есть ли она вообще: может быть, и последний снег, и первая вода на реках по срокам наезжают друг на друга? И каков он, весенний снег, в тундре и в горах – такой же крепкий, как и зимой, и не разрыхляется от солнца? А ледоход – как он выглядит на горных реках? Наконец, можно ли вообще плыть по ним в такое время?

...Забавно мы уезжали тогда, 22 мая, из Москвы.

Деревья были в плотной листве, а женщины в легких, цветастых платьях, когда, ошетилившись лыжами, мы шли по улицам к Ярославскому вокзалу. Нас смущали деревья и женщины, мы думали: неужели там, куда едем, еще лежит снег?

А наши лыжи смущали встречных. Они подолгу разглядывали нас, но потом успокаивались, решив, видимо, что, потревоженные весной, мы возвращаемся с какой-нибудь высотной горнолыжной базы, с Памира, например. Никто и не замечал, что наши лыжи – простые, равнинные, старенькие доски с полужесткими креплениями (чтобы можно было шлепать на них, если заставит весна, и в ботинках, и в резиновых сапогах). Могло ли также встречным прийти в голову, что кроме лыж мы везем с собой и байдарки?

В поезде мы ждали, когда появится снег, но увидели его лишь в конце пути, за Интой. Снег был свежий, ослепительно белый и непрочный. Он мягко ложился на прошлогоднюю жухлую траву и быстро таял. Потом появился и зимний снег: вдали, справа от железной дороги, забелел Урал. Наконец настоящий снег вынырнул откуда-то из чахло-лиственничника и стал сжимать черную полосу земли вдоль полотна железной дороги. В Елецком же, откуда мы наметили начать свой путь к Уралу, на улицах высились сугробы.

Все начиналось хорошо, и вдруг...

В Елецком я попал в больницу. Температура тридцать восемь, ангина, высунулся, видимо, разгоряченный из окошка поезда, торопясь увидеть снег. Я знал свои ангины, обычно они на неделю, не меньше. Я знал свои ангины и решил, что все кончено. Провалился, так и не начавшись, наш необычный опыт. Повисла в воздухе идея новых путешествий, с которой мы столько носились перед отъездом. И дело, главное, не в том, что не положено идти без руководителя группы. Без меня просто было нельзя, и прежде всего потому, что оставалось трое. На две байдарки, на двое нарты, на кучу груза, на сотни километров неведомой дороги. Без меня, к сожалению, пришлось бы заворачивать обратно... Но то ли мне очень хотелось посмотреть, каковы весной северные горы и реки, то ли медсестры в елецкой больнице хорошо поработали, неустанно вкалывая мне пенициллин, не знаю уж что главное, но к концу второго дня с нормальной температурой я уже стоял на лыжах.

Борис с Виленом проехали с нартами мимо нас, потом остановились. Борис зашел вперед и, приложившись к кинокамере, махнул рукой. Перед тем как двинуться с места, я оглянулся, чтобы представить, как будут выглядеть кадры и что станет фоном для движущихся по снежному плоскогорью фигурок.

Тонкая полоса облаков над горизонтом плавилась по кромке. Угадывалось

уже место, где солнце, как золотая рыбка, выскользнет из сетей облаков. Еще минут десять, и горы вокруг нас вспыхнут. И все белое перестанет быть белым и заиграет малиновыми бликами. А еще через полчаса, то есть примерно в половине второго ночи, мы тоже окунемся в солнце.

Натянутая веревка ослабла. Это нарты, пристывшие, пока мы стояли, стронулись и пошли легко, словно под уклон. Мы с Петром двинулись вперед, сильно отталкиваясь палками и догоняя Вилена, который тянул нарты один. Борис, прильнув к кинокамере, стоял на остроконечном камне у нас на пути.

### **Гидрометеорологическое отступление. О снеге, весеннем половодье и ветрах**

Небольшое предисловие к первому и последующим отступлениям.

При подготовке к весенним путешествиям на Полярный Урал автору и его друзьям по походам пришлось прочитать немало книг и справочников в поисках разнообразной информации об этих краях, о северной природе весной. В иных книгах такая информация содержалась пластами, но чаще приходилось собирать ее по крупицам, порой из редких, специализированных или старинных изданий. Чтобы результаты этих изысканий могли использовать и другие и чтобы нашим последователям (а таковые могут быть, как наивно полагает автор) не пришлось начинать книжные изыскания сначала, очевидно, следует сообщить хотя бы самое основное.

Приняв это решение, автор оказался перед необходимостью выбрать способ преподнесения интересных и деловых сведений в книге, которая в общем-то посвящена событиям и людям. В путевых очерках, книгах о профессиональных путешествиях и спортивных походах, опубликованных в разные времена, а также в неопубликованных рукописях о вольных странствиях, с которыми автору довелось ознакомиться, используется несколько основных способов, которые и была сделана попытка проанализировать.

Способ первый. Он носит условное название "Подошел старик". Дело обычно происходит так. Где-нибудь, например на берегу Байкала, сидят путешественники и любуются разбушевавшимся озером. В это время подходит старик. Седой, но моложавый (дают ему шестьдесят, а оказывается, что восемьдесят четыре), с суковатой палкой в руке. Происходит знакомство, затем начинаются разговоры о погоде, о здоровье, о возрасте. И вот уже старик, начав, конечно, со знаменитого "однако" и удачно вставляя его в дальнейшем, рассказывает легенду о том, как красавица Ангара убежала от своего отца, свирепого Байкала, к красавцу Енисею. Попутно он сообщает, что Байкал самый глубокий в мире пресный водоем (1742 метра, а по новым данным – 1620) и что в нем водится глубоководная рыба голомянка, "такая жирная, что когда ее, того-этого, на палубу выволочешь, то все кости наскрозь видно". И тает она "не только на сковороде, а прямо на солнце, как сосулька". Если старик попадет разговорчивый, то читатели получают и подробные сведения о произрастающем в Прибайкалье реликтовом растении мегадении ("из семейства крестоцветных однако").

Способ проверенный, но в данном случае он не подходит, и прежде всего потому, что район наших путешествий, Полярный Урал – очень мало населенный и читателям наверняка покажется подозрительным, если образованные старики будут подходить к нам очень часто.

Второй из рассмотренных способов более универсальный. А также очень непринужденный и весьма современный. Состоит он в следующем. Предполагается, что среди участников путешествия находится этакий юный умник. Эрудит. Обычно он физик, математик или специалист по вычислительной технике – словом, "кибер". Сам он, несмотря на небольшой производственный стаж и возраст, уже выдающийся авторитет в своей области знаний. Но, кроме того, он попутно и глубоко интересуется историей буддизма, техникой хождения под парусом на полинезийских катамаранах, систематикой чешуекрылых (то есть попросту бабочек), японским искусством икебана, а также выращиванием карликовых деревьев в цветочных горшках. Кибер этот по всем вопросам вступает в споры с оказавшимися в путешествии узкими специалистами – историками, гидрологами, ботаниками – и всех, конечно, побивает. Но главное не в его победах, а в том, что от сталкивающихся лбов спорящих во все стороны летят искры и

шаровые молнии знаний, озаряя остальных. Серых.

Этот заманчивый способ сообщения полезной информации тоже был отвергнут и также по соображениям достоверности, этого краеугольного камня жанра документального повествования. Дело в том, что, придерживаясь принципа достоверности, просветительские обязанности юного всезнайки должен был бы взять на себя автор, так как именно он, будучи инициатором весенних путешествий на Полярный Урал, а также их руководителем, в основном и копался в книгах. По вполне понятным причинам описывать себя в роли эрудита автору показалось делом неподходящим. Кроме того, он не очень юн. А также не кибер.

Еще способ. В книгах о путешествиях, не совсем новейших, но тем не менее очень интересных, с проблемой сообщения познавательной информации часто обращаются весьма просто, помещая ее без оформления, так сказать, в голом виде, там, где это придется к месту. Надо признаться, что такая честная прямота автору по душе и кажется вполне современной. Однако, стремясь избавить заинтересованных читателей от необходимости выуживать нужные им сведения и, по нескольку раз перечитывая книгу, ставить галочки на ее полях, он решил пойти по пути концентрации всех любопытных и практических сведений, разделяя их лишь по темам.

Итак, о снеге, весеннем половодье и ветрах.

Снег на Полярном Урале и в предгорной тундре выпадает круглый год, в том числе в июле и августе, но летом он бывает редко и быстро сходит. В остальное же время года, то есть девять месяцев, снег идет регулярно, и поэтому образуются большие его запасы. На Уральском хребте, например, средняя толщина снега к концу зимы доходит обычно до метра, а в иные годы бывает и значительно больше. В тундре западнее Урала толщина снежного покрова заметно меньше, и не потому, что снега там выпадает мало: просто ветрами уносит его к Уралу и за хребет. Из-за ветров и распределение снега по тундре и в горах очень разное: ровные места и особенно бугры едва прикрыты, а понижения, русла рек, впадины и овраги забиты слоем снега толщиной в несколько метров. Вот почему нередко поздней весной, даже летом, когда реки, стекающие с Полярного Урала, очищаются от льда и давно уже стоит теплая погода, наблюдатели на метеостанциях, например в Елецком, отмечают, что треть, а то и половина площади тундры еще под снегом. Таким образом, снежная дорога на безлесных пространствах Севера сохраняется долго; факт этот очень важен с точки зрения возможности там весенних путешествий с тяжело груженными нартами.

Снег на Севере не только долговечный, но и плотный. И опять-таки из-за зимних ветров. Уплотняющая снег работа ветров настолько добросовестна, что уже в середине зимы на поверхности его образуется толстая и крепкая корка - ветровая доска, как называют ее метеорологи. Толщина этой "доски" достигает тридцати сантиметров, а плотность местами близка к плотности льда. По снежной ветровой доске на открытых участках тундры и в горах Полярного Урала можно спокойно ходить без лыж и ездить с грузом на автомобиле.

Облегчает зимнее движение на Севере и то, что поверхность снега в тундре ровная. Довольно странное явление - открытые пространства, много ветров, а снег словно приглаженный. В степях, например вблизи Южного Урала и в Казахстане, зимой под действием ветров образуются жесткие и крутые снежные волны - заструги. По ним не только на аэросанях или на колесном буере - трудно проехать просто на лыжах. В тундре же застругов почти нет. Лишь кое-где, вблизи высоких кочек, выступающих камней и одиноких кустов. Очевидно, это можно объяснить тем, что на Севере ветры обычно не прекращаются и в большие морозы, снежинки при этом становятся твердыми, как песчинки, и стачивают еще "в зародыше" появляющиеся на поверхности снежные бугорки. Да и ветры на Севере посильнее: несущиеся вдоль земли снежинки срезают не только снежные волны, но и торчащие над ними верхушки кустов.

Работяги северные ветры, прокладываящие во все стороны по тундре дорожное полотно, изготавливают заодно и строительный материал - прессованный снег. Материал этот сезонный, но необычайно дешевый и удобный в обработке и при строительстве.

Снежная архитектура уходит своими корнями в глубокую древность. Ее родоначальники - эскимосы, и поныне строящие себе хижинки из снега - иглу. Иглу бывают разных размеров - от маленькой снежной клетушки на одного человека до целого дома на тридцать - сорок жителей, строительство которого

требует нескольких часов.

Куполообразные иглу эскимосы сооружают из снежных кирпичей, вырезая их в ветровой доске ножами, в былые времена костяными, а теперь – металлическими. Снеговой нож у каждого эскимоса всегда на поясе.

Как во всяком жилище, в эскимосском иглу есть очаг и светильники, при помощи которых даже раньше, когда в качестве горючего использовался лишь тюлений жир, температура в иглу доводилась до тридцати градусов жары (конечно, жары – на Севере такую температуру иначе и не назовешь).

Жилые постройки из снега давно уже применяют и полярные исследователи.

В хижине из льда и снега была обсерватория во время знаменитого дрейфа "Фрама" в 1895 году.

Снежные склады и помещения для научных наблюдений применялись и во время экспедиции Седова к Северному полюсу в 1912–1914 годах.

Известный исследователь Антарктиды американец Бэрд в одну из зимовок на ледяном континенте несколько месяцев прожил в неотопливаемой снежной хижине, когда мороз снаружи доходил до шестидесяти.

Амундсен и его спутники в своем успешном походе к Южному полюсу сооружали из снега специальные ориентиры, чтобы прометить ими обратный путь. На расстоянии полутора тысяч километров они сложили сто пятьдесят двухметровых снежных столбов, вырезав при этом из снега девять тысяч больших кирпичей.

Во многих районах Крайнего Севера и на полярных станциях постройки из снега применяются и сейчас – как склады и временные "рабочие кабинеты" для метеорологов.

Ведутся исследования по строительству снежных галерей на выемках проходящих в тундре железных дорог, чтобы защитить дороги от заносов и обеспечить бесперебойное движение поездов.

Не обходится без снежного строительства, конечно, и в зимних спортивных путешествиях по тундре, по северным горам. Чтобы не сдуло палатку, ее обязательно прикрывают от ветра снежной стенкой. А в последние годы появились сторонники Сложных походов и вовсе без палаток. С ночевками в снежных хижинах. Современные поклонники иглу утверждают, что при небольшом навыке построить иглу можно быстрее, чем поставить палатку со снежной стенкой. Кроме того, говорят они, иглу крепче, надежнее, ну и, конечно, романтичнее.

"Скользкость" снега. Не слишком ли она ухудшается весной под действием солнца, туманов и дождей? Конечно, на Севере, как и всюду, в оттепель лыжи скользят хуже. Как и всюду, во время бурного весеннего снеготаяния на Севере велика разница дневных и ночных температур. Нередко даже в июне, не говоря о конце мая, по ночам в тундре бывают морозы. Но зато на Севере, и этого уж нет нигде, весенними ночами светло, как днем, и можно идти на лыжах, плыть – в общем передвигаться. Последнее обстоятельство очень важно для весенних путешествий на Севере, но, не уповая только на него, мы внимательно прочли книгу Л. В. Новикова "Снеговые и ледяные дороги". Книге этой уже больше тридцати лет, она была задумана как справочное руководство для работников конного транспорта и потому оказалась адресованной и нам, решившим волочить с собой в парных упряжках двое нарт, на каждые из которых приходилось килограммов по сто груза. Условно приравняв себя к четвероногим труженикам, мы установили из этой книги, что при длительной работе рекомендуемая нагрузка, то есть тяга, должна составлять на каждого из нас по одной пятой его собственного веса. Мы провели несложные вычисления для предполагаемых условий движения с нартами – твердый снег, слабый мороз, небольшой подъем (в книге есть все необходимые для расчета коэффициенты), и получилось, что тяга на каждый наш "живой килограмм" меньше, чем полагается средней лошади.

Этот неожиданный итог расчетов нас, конечно, вдохновил, и мы уже стали воображать, что часть пути нам удастся преодолеть рысцой, однако расчеты для оттепели нас остудили. Коэффициент скольжения оказался вдвое хуже, и на каждого пришлось уже больше нормальной лошадиной дозы.

И все же мы решили, что это не страшно. Утешения такие. Первое: мы ведь тренированные люди. Почему же спортсмены должны уступать, простите, лошадям? Второе: бедные животные работают со своей "нормальной" нагрузкой круглый год (летом, с телегами, им приходится не легче), а нам тянуть нарты всего дней пять. Третье: лошадям никогда не натирают полозья саней лыжной мазью, а

мы-то можем надраить лыжи нарт, например, "серебрянкой" – смесью парафина с алюминиевым порошком. Наконец, четвертое: не всегда же будет оттепель! Должно же иногда и подмораживать.

К стыду своему, при первом чтении книги о снеговых дорогах, еще до похода, мы как-то не разглядели в ней известия о том, что коэффициент трения при скольжении по снегу у металла примерно вдвое ниже, чем у дерева. Зная это, мы уж обязательно подбили бы лыжи своих нарт хотя бы жестью от консервных банок.

Интересна и еще одна наша "добыча" из книги Новикова – таблица, позволяющая определить уменьшение фактической тяги каждой лошади в зависимости от числа их в одной упряжке. Имеется в виду склонность лошадей при совместной работе слегка надеяться друг на друга. Замечено при этом, что, если лошадей в одной упряжке только две, тяга каждой уменьшается ненамного, процентов на пять, когда четыре – уже на пятнадцать, а для шести – на тридцать. То есть четыре лошади поодиночке тянут в сумме почти такой же груз, как шесть в одной упряжке!

Разумеется, к "лошадиным данным" нельзя относиться очень серьезно, но все же, намечая сложные зимние походы на Крайнем Севере и определяя необходимое количество нарт, не вредно об этих цифрах и вспомнить. Кто знает, может быть, трудолюбивые коняги работают согласованнее, чем мы, грешные... Как существа, несомненно, более развитые, попав друг с другом в одну упряжку, мы каждый в отдельности ослаблять свои усилия будем, видимо, еще в большей степени – любуясь природой, погрузившись в размышления или просто так, отдыхая.

При подготовке к путешествию особенности и различные свойства северного весеннего снега интересовали нас лишь до тех пор, пока мы планировали свое движение с нартами по тундре и горам. Но стоило нам вывести на карте свой маршрут к реке, как появились новые вопросы. Что будет с рекой – вскрыется она к тому времени или нет? И вообще каковы весенние причуды рек, текущих с Полярного Урала на восток? Узнать характер реки не легче, чем характер человека. Во всяком случае времени для этого требуется больше, так как река различные черты своего характера проявляет хоть и регулярно, но редко. Весенний ледоход, например, бывает в году лишь однажды, а видеть его нужно раз двадцать, не меньше, чтобы судить о том, когда же ледоход начинается в среднем и когда наблюдается раннее или позднее вскрытие реки.

Систематические наблюдения за реками ведутся на гидрометеостанциях и водомерных постах.

К сожалению, режимы рек восточных склонов Полярного Урала регулярно никто не изучает. Эти реки слишком малы, чтобы на всех на них устраивать посты. Исключение сделано лишь для Соби, в верховьях которой гидрологические наблюдения ведутся с 1952 года. А так как все другие реки такого размера к юго-западу от Соби похожи на нее, по этим наблюдениям можно судить и об остальных.

Характер у Соби неровный, капризный. Были весны, когда лед на ней в верховьях трогался и 11 мая, и 14 июня. Вот и попробуй тут угадай, когда она вскрыется в твою весну. Существуют, конечно, методы предсказания поведения рек – гидрологические прогнозы. Но они разработаны пока лишь для главных северных рек – для Оби, Печоры, Вычегды, Северной Двины. Для рек с большими бассейнами, когда можно учитывать лишь главные атмосферные явления и закономерности, влияющие на величину снегозапасов, таяние снега и сроки вскрытия рек. Прогнозы по крупным рекам обычно неплохие даже на месяц вперед, а на более короткие сроки – на неделю, на две – они вполне надежны.

Разная же речная мелкота – Собь, Войкар, Уса в верховьях, Хара-Маталоу – прогнозам пока не поддается. Предвидеть изменения режима этих небольших рек чрезвычайно трудно, и прежде всего потому, что, имея маленькие бассейны, они полностью зависят от своей, местной, погоды. А погода эта крайне неустойчива, особенно вблизи Полярного Урала, где нередко, главным образом весной, проходят жестокие воздушные бои между теплом и холодом и где "фронтальная линия" порой решительно меняется в течение нескольких часов.

Ветры. Без ветров Полярный Урал это не Полярный Урал. Сильные ветры – такая же его характерная черта, как и обилие света весной. Недаром Полярный Урал считают вторым (после Антарктиды) районом по величине средней за год скорости ветра. Ураганных ветров, подобных тем, что в тропических широтах

разрушают каменные здания, на Полярном Урале не бывает, но ветры, доходящие до сорока и даже до шестидесяти метров в секунду, не так уж редки. При ветре, дующем со скоростью сорок метров в секунду, можно, не отрывая ног от земли, лечь грудью на тугую, упругий воздух и держаться на нем устойчиво в наклонном положении. Как в прыжке на лыжах с трамплина. При ветре в пятьдесят метров недолго, пожалуй, и взлететь. В такой ветер никто не рискует выходить из помещения, чтобы не превратиться в несшийся по горной тундре шар "перекати-поле".

Таким ли ветром или посильнее в декабре 1953 года вблизи Полярного Урала на железнодорожной ветке Сейда - Лабытнанги сбило с рельсов поезд. К счастью, пассажиры не стали вылезать из перевернутых вагонов, а сидели в них, покорно пережидая непогоду. Лишь один из них рискнул пробиваться к ближайшему разъезду пешком и погиб в пурге.

Сильные ветры на Полярном Урале бывают чаще всего с декабря по февраль, но не редкость они и весной. При этом сильные ветры иногда сопровождаются резким похолоданием. Вот несколько цифр из наблюдений на метеостанции Рай-Из, расположенной вблизи хребта на высоте восьмьсот девяносто метров.

24 мая 1946 года в течение двенадцати часов дул ветер со скоростью сорок метров в секунду. Температура воздуха была от двенадцати до шестнадцати градусов мороза.

9 июня 1959 года с семи утра до полудня при температуре минус восемь градусов был северный ветер со скоростью тридцать пять метров в секунду. (Интересно, что за три дня до этого, 6 июня, стояла тихая и солнечная погода, а температура в тени поднималась до десяти градусов тепла.)

В мае и в июне это бывает тут часто: то дождь, то снег, то затишье, то солнечное пекло, а то и крепкий мороз. Такое уж время на Полярном Урале. Царство света, царство ветра и восхитительное непостоянство. Горная северная весна.

### **Бросок через горы**

- Не пойду! Дальше не пойду. Пора ставить лагерь. Надо выспаться, отдохнуть и тогда уже лезть выше... Борис обращается не то ко мне, не то ко всем сразу. Говорит он это очень зло, и поэтому никто ему не отвечает. Только Петр удивленно взглянул на Бориса, хотел что-то сказать, но промолчал. Мы только что закончили подъем по долине крутого ручья и вышли к тому месту, откуда надо было карабкаться прямо на хребет по ребру горы Сомкен-Пай. Путь по ручью оказался удобным - ровная лента с крепким снегом и длинными ледяными натеками в русле. Мы прошли по ручью метров триста, пока догадались скинуть лыжи, привязали их к нартам и пошли дальше просто в ботинках. Двигаться стало легче, уверенней держалась нога на снегу, и Петр даже сказал, когда мы остановились дожидать вторые нарты, что зря не шли без лыж и раньше, по тундре на подходе к Уралу. Снег там почти повсюду крепкий. Мне трудно было ему возразить даже просто так, для поддержания разговора, и я согласился. Да, конечно, если бы сразу пошли без лыж, было бы лучше. Только не мешало бы привязать к ботинкам какие-нибудь небольшие кошки с зубцами. А на лыжах походить мы еще успеем - на спуске с хребта или уже вблизи рек, в лесу, где, наверное, придется ползти по рыхлому снегу.

Поднявшись по ручью, мы остановились у большого камня, одиноко торчавшего на невысоком бугре. За ним удобно было укрыться от ветра, чтобы приготовить обед и подкрепиться перед подъемом. В стороны от этого камня разбегались и повсюду чернели камни помельче. В разлитой вокруг белизне они возвращали долине ручья и склонам их размеры и очертания. Без этих черных точек все повисло бы в пустоте.

Мы забрались уже высоко - тундра с ее увалами и долинами лежала ниже нас и блестела в пологих лучах утреннего солнца. В ложбинах виднелись белые распластавшиеся вдоль земли полосы. Там уже задул ветер и появились хвосты поземки.

-Тебе, наверное, плевать на свое сердце, вот сам и лезь.

А нам здоровье еще пригодится - теперь Борис обращается уже ко мне.- Не пойду дальше, ясно?

Он отстегнул крепления лыж, скинул их на снег, подошел к нартам и стал развязывать веревку, которой был стянут весь груз. Достал кастрюлю и банку

тушенки. Подумал немного и вытащил еще одну. Петр зажег паяльную лампу, вставил ее головкой в печку и повернулся к Борису.

- Что ты раскричался? "Не пойду, не пойду..." Я старше тебя на десять лет, и достается мне не меньше твоего. И тоже хочется в спальный мешок, но надо еще немного потерпеть. Ты посмотри, какая погода! - Петр широким жестом обвел вокруг. - Ветер слабый, Солнце. Подморозило. Надо быть олухами, чтобы не воспользоваться этим-

Петр выдернул из рук Бориса кастрюлю и стал набивать ее снегом.

Конечно, Петр прав: спешить, спешить, пока погода. В любой момент может пойти дождь. Или появится туман. Подъем на вершину тогда обойдется вдвое дороже. А Борис ведет себя очень странно. Что он, устал или просто упрямится и хочет по-своему? Крепкий парень, с ладной, коренастой фигурой. С грубоватым лицом рабочего человека, привыкшего к тяжелому физическому труду. Не в первый раз в сложном походе. Неужели ему так трудно? Настолько трудно, что он уже не может этого скрывать? Но зачем же скандалить, нельзя разве проще: мол, простите, дорогие, но я что-то плоховато себя чувствую, давайте повременим с этой чертовой горой. Никто бы поперек и не заикнулся. Может, это все от чистого воздуха, от усталости? Вроде бы я неплохо знал Бориса, в походы, правда, с ним не ходил, но встречался часто. А тут... Впрочем, уже в первые дни он выкинул несколько номеров - то в разведку убежал один, то предложил какой-то странный путь движения к хребту и долго настаивал на нем...

На хребет мы сможем подняться и после ночевки, беды большой не будет, хотя это и не лучший вариант - ясно, что нужно подниматься сейчас. Но что будет за хребтом, если уже здесь начинаются разговоры? Может быть, поговорить со всеми напрямик? Либо каждый будет придерживаться так называемой общественной дисциплины, либо... Дорога назад известна. В Елецком будем на второй день. Можно, конечно, и так, но это уже похоже на игру. А ставка слишком велика - необычный маршрут, подготовка к нему, пройденный уже путь. Отпуск, наконец. Неужели Борис играет на том, что для всех нас так дорога идея?

Петр копошился у печки, засыпая в кастрюлю лапшу, Ви-лен помогал ему, подкачивая паяльную лампу. Вилен приятель Бориса, и от него во многом зависит, как у нас все повернется. Но пока в этом споре - ставить палатку тут или начинать подъем на вершину - похоже, что Вилен его не поддерживает.

Борис стоял в стороне и чинил кольцо лыжной палки. Перетягивал ослабшие ремни. Я подошел к нему и сказал, что нужно сходить на разведку. Чтобы выбрать путь, которым лучше всего подниматься на вершину. Когда начать подъем, это мы решим за обедом, а сейчас надо идти на разведку. А для того чтобы от нее было больше толку, незачем нам ходить гуртом, лучше ему, Борису, подняться к перемычке, за которой угадывалось озеро, и просмотреть ближний путь, а мне залезть на противоположный склон долины и оттуда наметить дальнейший подъем.

Борис ничего не ответил, надел лыжи и полез к перемычке.

Когда мы вернулись, обед уже был готов и Вилен привязывал печку к нартам.

Мы стали торопливо есть: из-за хребта скоро должно было появиться солнце, оно грозило разогреть снег на склоне, по которому нам предстояло подниматься. Солнце уже освещало вершину, и граница тени и света быстро спускалась к перемычке.

Петр привязал капроновую веревку к нартам и сделал на другом конце ее четыре петли. Мы должны были влезть в эти петли и все сразу, цугом тянуть нарты вверх по склону.

Первые нарты дотащили до перемычки быстро, но, вытянув вторые, от усталости свалились в снег. Затем, отдышавшись, подошли к первым нартам, привалились к ним и долго стояли так, уныло оглядывая оставшуюся часть подъема.

Я ждал, что Борис опять заведет разговор о ночлеге, и приготовился уступить ему, тем более, что место для лагеря на перемычке было удобное, прикрытое скалами, но Борис молчал. Прошел, видимо, мертвую точку и уже сам хочет лезть выше. И вид у него был вроде бы ничего. Ожил. Хуже Петр. Лицо его осунулось, почернело.

- Давай дотянем до конца каменистой гряды, а там уж и остановимся -

сказал Петр, словно почувствовал, что его жалеют.

Мы разгрузили одни нарты и, взяв каждый по рюкзаку, полезли вверх.

Подниматься было тяжелее, чем на первом отрезке, потому что стало еще круче и, кроме того, на склоне торчало много больших камней, в стороны от которых тянулись жесткие снежные гребни. Некоторые из них были покрыты ледяной коркой; ступая на нее, мы скользили и падали. Чтобы подняться, приходилось сбрасывать рюкзак с плеч и, встав на ноги, снова наваливать его на себя. О том, чтобы идти на лыжах, нечего было и думать, и мы оставили их внизу, у нарт.

Солнце поднялось еще выше и теперь освещало весь склон и даже тот камень внизу у ручья, где мы обедали и откуда начали крутой подъем. Но снег был еще морозный - не отпускало, наверное, оттого, что дул свежий северный ветер, который едва заметно, но непрерывно усиливался. Мы надели защитные очки, но они быстро запотевали, и приходилось часто останавливаться и протирать их. Чем еще хорошо двигаться ночью, когда солнце слабое или его нет совсем (кроме того, что в мороз хорошо скользят лыжи) - не нужны эти проклятые очки. Придется выходить теперь по вечерам еще раньше, чтобы останавливаться задолго до яркого солнца.

...Восемь утра. Палатка прилепилась к торчащей ребром гранитной плите. Свистит ветер. Пока мы поднимались, он успел уже перемениться. Теперь ветер дует вниз по склону и не дает лезть выше, даже если бы у нас еще были силы. Мы сидим вокруг печки и, глотая слюни, смотрим, как подпрыгивают крышки обеих кастрюль. Снежные змеи сползают со скалы и вьются над нами. И рассыпаются, окутывая наш лагерь сплошной пеленой. Сброшенные ногой куски плотного снега катятся вниз по склону. Обтачиваясь на ходу, они превращаются в бочонки, колесики и исчезают в белой мгле.

Временами, когда ветер внезапно стихает, снежные змеи опадают и, не растворяясь в воздухе, опускаются на снег близко от нас, и тогда в просветы между вьющимися по бокам от нас струйками снега мы видим тундру на запад от хребта. И на ней весь наш путь от Елецкого к Уралу. Отсюда, сверху и издалека, на пути нашем не видно деталей - ни кустов на Средней Кечпели, ни камней и проталин в тундре, и от этого он кажется каким-то бесконечным. И трудно представить, как мы прошли его с груженными нартами, как вылезли на такую высоту, откуда уже совсем рядом до вершины. В следующий переход мы будем там, если не задержит ветер.

А ветер свистит. Мы то и дело поглядываем на вьющиеся над нами белые змеи и стараемся определить, что с ветром - стихает или наоборот... Достанутся нам или нет знаменитые уральские сорок метров в секунду?

Мы укрепляем палатку, загоняя по углам в снег еще по одной лыжной палке. И, не надеясь на гранитную плиту, которая может оказаться бесполезной, если переменится ветер, ставим стенку из снежных кирпичей.

На ветру от солнца никакого тепла, один свет. Чтобы не стыла еда и чтобы заодно грелись руки, мы наваливаем эту еду (обычное походное варево, что-то среднее между рисовой кашей и мясным супом) прямо в кружки, из которых потом будем пить чай. Но даже в кружках все быстро холодеет, и чай мы пьем уже едва теплый.

В палатке, когда мы кончили возиться и влезли в мешки, Петр опять вспомнил про тот вечер, что застал его в походе на Кольском, на плато Чивруай. Он закурил, вытянулся в мешке и стал рассказывать о том, как, засыпанные снегом, они лежали в двух палатках рядом и долго не могли попасть друг к другу. А нужно было: в одной палатке оказались примус и бензин, в другой - почти все продукты. И вообще всем вместе веселее. Пришлось откапываться и делать в снегу между палатками тоннель. Сколько они так пролежали, неизвестно, потому что на второй день обнаружили, что у всех стоят часы.

Это последнее, что я помню из рассказа Петра. Как раз когда он говорил о часах, я посмотрел на свои и заметил, что было девять. Девять утра 28 мая. И еще я услышал, как в углу палатки похрапывали: Вилен и Борис уже спали. Я заснул, так и не узнав, чем кончилось все тогда на плато Чивруай.

Урал. Слово это звучало для нас, как "ура", когда мы поднялись на хребет. Позади остался путь, вызывавший больше всего тревоги. Но видимо, не так страшен Урал.

Тогда Урал был совсем не страшен. Задумчив и тих. Слово и не свистел

вчера в камнях ветер. На севере чуть правее стрелки компаса не то из-за гор, не то из-за туч выползло солнце. Было около часа ночи. Еще правее, недалеко от нас - Пайер. Потемневший в тени конус его не так внушителен, каким он казался снизу, из тундры. В матовом блеске тонули белые горы. Это проделки весны. Она забралась и сюда, на округлые вершины и гребни, и наггла их солнцем, чтобы ночью, на ветру и морозе, они заледенели. И звенела под лыжами толстая ледяная скорлупа.

Заглянувшая на вершины весна не успела еще разрушить приметы зимнего нрава гор. Молчаливые, какobelisks, стояли облепленные снегом камни. И деревянная вышка на вершине, через которую проходит наш путь, тужилась под грузом снега и льда.

И всюду - волны. Они друг в друге, словно числа разного порядка. Едва заметные волнишки на поверхности снега и на ледяной скорлупе. Волны крупнее, заструги - в стороны от скоплений камней, от одиноких белыхobelisks. И сами хребты вокруг - как волны.

Солнце снова начало расплываться. Нам не было никакого смысла задерживаться на вершине. Вниз, только вниз. Пока погода, пока хорошее скольжение.

С юго-восточной стороны вершины, как раз с той, с которой нам спускаться - сплошной лед. Целые ледовые поля, по которым можно кататься на коньках. Результат объединенных усилий солнца, ветра и мороза. На льду трудно удержаться даже без лыж.

Теперь мы идем позади нарт, рвущихся вниз по ледяному склону. Чтобы удобнее было сдерживать их, привязали к задним стойкам нарт лыжные палки, и получилась тачка на лыжах. "Тянитолкай". Когда нарты выезжают на мелкий порошкообразный снег и останавливаются, мы подталкиваем их, упираясь в палки. Но чаще палки надо тянуть к себе, чтобы уменьшить скорость нарт. На самых крепких участках льда, когда каблуками ботинок мы не можем пробить ямки для упора, нарты увлекают нас за собой. Приходится ложиться на лед и так волочиться по нему, телом своим сдерживая нарты и направляя их на естественные тормоза - полосы мелкого надутого ветром снега.

Километрах в двух от вершины лед исчез. На склоне - крепкий ветровой наст, покрытый тонким и ровным слоем мягкого снега. Для спуска лучше не придумаешь. Мы едем теперь на лыжах рядом с нартами. Притормаживаем их и направляем. Потом додумались: один на лыжах едет просто так, катается, а другой, привязав лыжи сверху вещей, сидит у нарт на запятках. И правит, как мальчишка на санках: бороздит ногой по снегу с той стороны, куда надо повернуть. Это Вилена осенило, когда Борис уехал на лыжах вперед с киноаппаратом. Теперь и мы с Петром едем по очереди то на лыжах, то на запятках у нарт.

Из-за ближнего гребня появляется солнце, и приходится напяливать очки. Но снег по-прежнему морозный. И тихо. Как на плесе сибирской горной реки перед большим порогом.

Мы разыгрались, катаясь на нартах. И когда выпадает моя очередь спускаться на лыжах, я вручаю палки, привязанные к нартам, Петру, а сам бросаюсь вниз.

Расставаясь с Петром, я на секунду задерживаю взгляд на его очках. В темных стеклах четко отражаются горы и белые облака. И едва заметные движущиеся черточки. Это Борис и Вилен. Черточки в выпуклых стеклах стремительно уменьшаются, превращаются в точки, исчезают совсем. И я качусь вниз, воображая, как в отражении на Петровых очках буду так же быстро уменьшаться. На спуске встречается участок склона покруче, чем было раньше, и мне бы там остановиться, чтобы помочь Петру, но разве удержишься от соблазна просвистеть с полкилометра по ровному склону? Остановился внизу и жду. Вижу Бориса и Вилена, задержавшихся перед крутым участком и раздумывающих, что же делать дальше. И вдруг из-за пригорка верхом на нартах вылетает Петр. Он замечает, что ниже стоят другие нарты, пытается на ходу повернуть, но, неудачно зацепив ногой, отрывается от нарт и падает в снег. А нарты мчатся дальше. Петр кричит, Борис с Виленом суетятся, отодвигая свои нарты то в одну, то в другую сторону. Наконец, бросив их, они разбегаются, а те, сорвавшиеся нарты несутся прямо на стоящие поперек склона. Я слышу лязг столкнувшихся нарт, и чуть ли не одновременно мимо меня по снегу пронесится какой-то черный предмет. Вылетев на небольшой пригорок, он останавливается.

Резиновый сапог. Я поднимаюсь по едва заметному следу, оставленному им на снегу.

Петр уже хлопочет у нарт, приступая к их ремонту. У него виноватый вид, но мне кажется, что он даже рад, что так все получилось – можно хоть что-то отремонтировать. И не в мастерской, а в полевых условиях, без настоящих инструментов и необходимых материалов. Это он любит – из гвоздя и бечевки мастерить электродвигатель или киноаппарат. Левша.

Нам остается утешать себя, что могло быть и хуже. Например, если бы нарты на кого-нибудь налетели. Да, могло бы, но мы об этом уже не думаем. Мы говорим о том, что было бы, если бы нарты не столкнулись. Те, верхние, так и пролетели бы вниз до конца склона, не перевернувшись? Наверное. Внизу ведь ни камушка. Ах, если бы не надо было чинить эти взбесившиеся нарты и те, другие, которые они сшибли, как хорошо мы покатались бы на лыжах по этим ровным открытым склонам... Разделись бы до трусов, и загорали, и носились бы с горы и в гору.

Ремонтируя нарты, мы провозились часа четыре, но сделали зато на совесть.

Когда сложили вещи и стали спускаться по крутому склону, стало ясно, что теперь выпускать нарты из рук можно не беспокоясь: снег так раскис, что их приходилось даже подталкивать. А было семь утра. К первым деревьям с восточной стороны Урала, к жиденьким лиственницам, мы вышли к десяти. К этому времени мы едва держались на ногах. И не удивительно – минуло двенадцать часов с тех пор, как вышли из лагеря. Кроме того, подошло время, когда мы обычно уже спали. В переводе на нормальный человеческий режим было двенадцать ночи. Я заметил, как у Петра слипаются глаза. У меня они тоже, наверное, слипались: я умудрился налететь на камень, одиноко торчащий на берегу ручья, по которому мы двигались, и чуть не сломал при этом лыжу.

Мы пересекли речку Левую Пайеру и вышли на проталину, к трем низким деревьям. Там у меня и появилась идея, вся нелепость которой стала ясна позже. Я предложил остановиться часа на три. Только и всего. Приготовить обед, поесть, поспать часочек, и снова в путь. К финишу нашего лыжного пути – к реке Танью. Заодно представлялась возможность сломать установившийся уже распорядок. Вернуть на место день и ночь.

Так и сделали – поели и легли. Палатку впервые за поход поставили на земле, на проталине.

Как ни странно, проснулись действительно скоро. Проснулись от крика. Это Петр закричал: "Держи!" или что-то в" этом роде, но нам и так было ясно, что надо держать.

Палатка упиралась в нас крышей и боками. Снаружи трепыхалась и лязгала по камням половинка весла, которую мы использовали, как основной кол. Полоскалась на ветру и вся палатка, готовая взлететь и утащить нас с собой.

Мы поползли все сразу, не вылезая из мешков, к стенке, в которую давил ветер, и навалились на нее. Палатка немного успокоилась. Петр выбрался из мешка, надел ботинки, расстегнул вход и вылез наружу. Вилен попытался последовать за Петром, но палатку подняло и чуть не перевернуло. Опять раздался крик Петра: "Держи!" Мы навалились на палатку и лежали, прислушиваясь: что там снаружи? Петра долго не было слышно, и мы не знали, что с ним, может быть, его уже унесло ветром, а мы бессильны помочь ему – не можем ни вылезти из мешков, ни выпрямиться. Стоило начать это делать кому-то одному, как палатку поднимало ветром и приходилось опять кидаться навзничь и прижимать ее к земле.

Вдруг мы почувствовали, что один угол палатки отошел. Выходит, Петр был рядом и натягивал веревки. Послышалась какая-то возня, стук больших камней, падающих на землю, потом к палатке снаружи привалилось что-то грузное и широкое. Мы догадались, что Петр укрепляет палатку мешками с байдарками.

Когда палатка немного окрепла и приобрела форму, напоминающую обычную, вылез Вилен и стал помогать Петру. Мы с Борисом продолжали держать палатку изнутри. Нам было как-то неловко сидеть в тепле, когда Петр и Вилен трудились на ветру, но мы еще были здесь нужны и, пожалуй, даже немного радовались тому, что нам нашлось такое уютное дело. Мы еще долго сдерживали палатку, упираясь в нее спинами. Наконец, дверца откинулась, и прямо на нас свалился Петр, а за ним и Вилен.

Когда они влезали, в просвете входа я заметил согнутые в три погибели

чахлые лиственницы и маленькие белые облака, несущиеся по яркому, синему небу, как яхты по озеру.

Палатка тяжело вздрагивала от ударов ветра, но стояла. Мы лежали, и, видимо, каждый думал о том, выдержит ли она, если ветер немного прибавит. Веревки крепкие, но не вырвет ли их "с мясом" и не разворотит ли каменные пирамиды, которые воздвигли Петр и Вилен, закрепляя растяжки.

- Петр - сказал Вилен, нарушив молчание и тем самым вроде бы заверив нас в том, что палатка выдержит - чем же у вас все кончилось? Тогда, на плато Чивруай? Значит, прокопали вы тоннель между палатками, убедились, что все часы стоят, а дальше?

Я подумал - не может быть, чтобы Вилен и я во время первого рассказа Петра, еще перед подъемом на вершину, уснули одновременно. На том месте, где он говорил о часах. Скорее тогда первым уснул сам Петр.

- Ну что... Сидели пять дней. Еду себе не варили, потому что, когда попробовали зажечь примус, сразу стали задыхаться от гари. Пришлось потушить. Жевали всухую компот, сахар, масло сливочное кусками. И колбасу копченую, знаете, такую дорогую и жесткую. Киевскую. На деснах от нее мозоли появились. С тех пор, какой бы я ни был голодный, копченую колбасу есть не могу. А пили мы снег. Подсаливали его и сосали. Вылезали наружу по делам раз в сутки, а то и реже.

Обалдели совсем от свиста ветра и безделья. И вдруг однажды просыпаемся ночью все сразу. От тишины. Вылезли и видим - звезды. Куда ни глянешь - одни звезды. Крупные, как елочные игрушки... Не дожидаясь дня, стали собираться. Правда, все равно провозились до рассвета. А восход солнца был, тоже не забуду! Красное-красное вышло оно из-за тундр. И горы сразу все стали тоже красными... За что люблю Север - за восходы и закаты. Вообще за небо. Особенно зимой.

Петр замолчал и стал прислушиваться к ветру.

- Это еще что, а вот однажды на Приполярном мы тоже вот в такой ветер решили не ставить палатку, а построить снежную хижину, иглу... Хотите, расскажу?

Никто не отозвался, из чего Петр сделал резонный вывод, что про снежную хижину иглу никто не хочет. Он повернулся на бок и тотчас же захрапел.

### **В ловушке**

- Вода! - закричал Петр, и это прозвучало у него как возглас измученного жаждой странника, увидевшего в пустыне оазис.

Мы и так ведь были среди воды - вокруг снег, в ложбинах ручьи. Но это была не настоящая вода, а так, жидкость для чая. А нам нужно было много воды, целая река, шумящая в порогах и бьющаяся в берега льдинами.

Перед тем как Петр это закричал, мы вышли на широкую поляну. Яростно светило солнце, и нарты едва ползли. На карте к этой поляне подходили четыре реки: Бурхойла, Хойла, Левая и Правая Пайеры, и все они, складываясь, давали начало одной - Танью. Это место называлось Пятиречье. Отсюда намечалось плыть. И мы были настроены на то, что нарты потянем лишь до Пятиречья.

Но всюду был снег. Толстый, уверенный, он накрывал все реки, и лишь по очертанию лесных кромок да по крутизне берегов можно было угадать, где их русла. Бурхойлы, Хойлы и остальных. И тут-то Петр закричал: "Вода!"

Впереди что-то виднелось.

Мы прибавили ходу и, пройдя метров триста, подошли к открытой реке. Она начиналась внезапно, прямо из-под льда. Как раз там, где четыре реки, текущие с хребта, собирались вместе, чтобы положить начало пятой.

Слегка прикрытая туманом, Танью шумела в камнях. Снег круто и округло спускался с берегов в воду. Ниже переката река растекалась вширь, становилась мельче, на камнях там торчали большие снежные шары и обломки льдин. За поворотом реки шумел порог, но и он угасал на плесе в отвесных снежных берегах. Нырнув под лед, река кончалась.

С высокого берега, от края леса, долина просматривалась километра на три - и всюду лежал снег... Значит, перед нами не весенний шальной поток, сдирающий с реки снежную и ледяную шкуру, а просто не замерзавший и зимой ее участок - майна. Пересечь с байдарками всю тундру от Елецкого, перебраться через Урал, и вот награда - река под снегом и льдом...

Дальше с нартами идти нельзя. И не потому, что мы уже изрядно намотались, а до конца маршрута еще километров двести пятьдесят. Просто здесь не тундра и не голые горы, кругом лес, сильных ветров зимой не бывает. Снег поэтому рыхлый, непрочный. Снег не для наших тяжелых нартов. И если даже можно как-то двигаться, то лишь морозной ночью, когда появится наст. А если не будет хорошего мороза? Или вообще никакого?

Похоже на то, что мы попали в историю – вышли к реке недели на две раньше, чем следовало. Кто же мог знать... Вроде все было так, как и намечалось: мы выехали из Москвы в тот день, когда тронулся лед в низовьях Оби, у поселка Мужы. А это, по всем приметам, означает, что через неделю должны вскрыться и реки, текущие с Полярного Урала на восток. Правда, лед у Мужей не совсем тронулся, была только подвижка... Видимо, весна, хотя и пришла на Полярный Урал в обычные сроки, затем остановилась и даже отошла назад. Прорвался какой-нибудь там холодный фронт. А сегодня ведь конец весны, 31 мая. Завтра лето. Но сегодня зима, и завтра будет зима...

Долго, наверное, придется нам сидеть тут, как в зале ожидания, в надежде приобрести билеты на речное плавание. Сидеть и проделывать дырки в своих поясах. Ведь отбирая груз для перехода через Урал, мы сэкономили и на продуктах. Есть, конечно, НЗ. Но НЗ – это НЗ.

...С одной стороны – костер, с другой – нагретая солнцем стенка палатки. Между ними на куче елового лапника расстелены спальные мешки. Мы закрыли глаза, уткнулись в мешки и лежим, купаемся в солнце.

В Астрахани лето уже в разгаре. Жара – говорит Борис. Он родом из рыбацкого поселка в астраханских плавнях.

Потомственный рыбак, хоть теперь уже и москвич, инженер.

– Неужели жарче, чем сейчас? – спрашивает Вилен.

– В Астрахани в конце мая пропасть рыбы. Осетр, правда, уже проходит. После нереста он спускается назад в море еще в начале мая. Но зато полно судака, леща. Сети от натуги стонут.

– А что – в плавнях легко заблудиться? – Вилен переворачивается, чтобы загореть и спереди. Широко раскидывается, как на пляже.

– Помню, с дедом, еще мальчишкой, ездил я по протоке Сумница к Иголкинскому банку, это от нас километрах в тридцати. Рыбы привезли – полную бударку... Кстати, бударки не имеют ничего общего с нашими байдарками. Это – большие грузовые лодки. Широкие, с палубой, с навесом – не от дождей, а от солнца. На бударке в плавнях хорошо с парусом.

Вилен уже посапывает. Уснул. А Петр не может валяться. Полчаса, больше не выдерживает. И об этой потере, кажется, уже жалеет. Полежит немного, вскакивает стремительно с мешка – ив снег. Поплещется в нем, как воробей в песке, и сидит уже у палатки, а вокруг инструменты. Чинит рюкзак или крепления у лыж переделывает. Или что-нибудь еще придумает. Например, солнечные очки новой конструкции. Наверное, из-за своей неусидчивости и суетливости Петр такой худой и жилистый.

Слышится плеск обламывающихся и падающих в воду ледяных краев майны. Издали доносится глухой звук – это под толстым слоем снега лопается лед. Со свистом проносятся утки и падают в воду возле переката.

Узкая проталина рядом с палаткой еще вчера тянулась всего метров на десять, а теперь ушла далеко и подалась вширь, обнажая быстро высыхающую на солнце гальку. Из кочки у бурой кромки берега вылез первый цветок – водянистая, бледно-зеленая ножка с бутонем, покрытым седым пушком. На синей глади майны появились круги. Рыба?... Конечно, рыба. А это означает, что продовольственной проблеме пришел конец. Примерно через полчаса, когда будут срезаны длинные, гибкие удилища и привязаны к ним лески с искусственными мушками, наши провиантские склады начнут пополняться хариусами. Можно уже ставить воду для ухи. В большой кастрюле.

Я срываюсь с "пляжа", одеваюсь, напяливаю сапоги – и в лес на лыжах. За удилищами.

Возвращаюсь я с рыбалки всего с тремя хариусами. Но крупными, каждый с килограмм. Не знаю, почему я не натаскал их кучу. Видел же, когда бродил на лыжах с удилищем по краю майны, как кружат над круглыми камнями стаи хариусов. А не берут. Неужели понимают, увидев на поверхности воды искусственную мушку, что это не настоящая? Действительно, откуда взяться мухам, мотылькам и бабочкам, когда повсюду снег. А может быть, мешала рябь

от ветра? Или я сам, заметный на снегу, отпугивал и настораживал хитрых хариусов? И все же можно было поймать и больше. Борис подбрасывает хариуса на ладони. – Хорош! Ты сколько времени ловил? Час? Полтора? В астраханских плавнях за этот срок... Впрочем, зачем так далеко ходить? Предлагаю соревнование. Кто больше поймает – ты удочкой или я сеткой.

Я всегда готов спорить до хрипоты, что на северных и сибирских горных реках удочкой рыбы можно наловить в два, в пять раз больше, чем сетью. Соревнование! Смешно. Будто я впервые взял в руки леску с мушкой. И я говорю Борису: – Ладно. Мои полтора часа прошли. Теперь ты. На помощь можешь взять Вилен и Петра.

Я снимаю с сучка ружье и ухожу в тайгу на лыжах. Не признаю ловли рыбы сетью. Это уже не любительство, а промысел. В Москве мы все были против того, чтобы брать с собой сеть. Но Борис настоял. На аварийный случай, говорил он. Борис оказался провидцем – случай наступил. Теперь нам очень нужна рыба. Но я почему-то не верю в эту затею с сетью. Рыба ведь не дура – в прозрачной воде, при свете в сеть она не пойдет. А стукнешь палкой по воде, чтобы загнать, кинется под лед и обойдет сеть стороной.

Я сам не знаю, чего мне хотелось бы – победить в этом маленьком соревновании или чтобы у нас было много рыбы. Черт знает, что лучше, поэтому я и ухожу в тайгу с ружьем. В тайге – как будто сегодня не 1 июня, а февраль или март. Всюду снег. И нет ни проталин, ни усыпанных хвоей воронок вокруг темных стволов деревьев. На снегу следы. Мелкие крестики во все стороны – это бродили куропатки. Следы-двойняшки. Белка. Следы покрупнее, лунка за лункой, словно по линейке. Куница? Соболь? Этих следов я не знаю. И вдруг – крупные, глубокие следы, неровные, вразвалку, как будто кто-то, возвращаясь с хмельной вечеринки, ломился по тайге напрямую. Конечно, медведь. Уже вылез, милый, из берлоги. Может, будет у нас не только рыба? Пули есть.

Вдали, в той стороне, куда ушел медведь, пронзительно кричит куропатка. Наверное, спугнул. Истошный крик ее возвращает мне благоразумие. С одним ружьем? А вдруг осечка? Когда я возвращаюсь к палатке, рыбаки уже на месте. На снегу вблизи костра – хариусы. Груда крупных хариусов. Полсотни, не меньше. Они еще подпрыгивают на снегу. Борис около рыбы с кинокамерой в руках. Хорошо, что он не снимал меня тогда, когда я выуживал несчастных трех. Борис действительно рыбак, если ухитрился среди льдин и в чистой воде загнать в небольшую сетку стаю хариусов.

А все-таки хорошо. Теперь мы можем спокойно ждать воды. Глядишь, и еще Борис прихватит. А может быть, и у меня пойдет.

Борис выкапывает яму в снегу, стребает туда хариусов и присыпает их сверху снегом. Штук пять он оставляет, садится на обрубок бревна и начинает их чистить. Потом, подкинув дров в костер, заправляет воду в кастрюле перцем, солью, луком и по ходу дела рассказывает нам, как нужно по-настоящему, по-рыбацки, варить уху.

– Во-первых, рыбу мыть внутри не надо. Почистить, прополоскать от чешуи, а затем уже потрошить и кровь не обмывать. Это же не из магазина, а свежая рыба. Кровь дает навар и цвет... И лучше уху варить не из одного вида рыбы, а

из разных. У нас вот только хариусы, а неплохо было бы сначала кинуть в воду небольшого окунька или налимчика. А как

узнать, что уха готова? По пене. Вначале пены много, а затем она пропадает. Значит, рыба проварилась. И потом, в уху ни

какой крупы или картошки не кладут. Уха – не рыбный суп.

После ужина (или второго обеда – не поймешь, потому что было часов пять) мы забрались в палатку. Она хорошо прогрелась солнцем, а от ветра была защищена с трех сторон снежной стенкой. На берегу реки, рядом с лесом, снежная стенка казалась лишней предосторожностью, даже нелепостью. Но мы были уже пугаными воронами после того ветра, когда нас чуть не унесло. Поэтому решили все-таки сделать. И не зря: полностью укрытая от ветра палатка на солнце прогрелась так сильно, что можно было спать, не залезая в мешки.

Когда проснулись, Бориса в лагере не было. Никто не слышал, как он ушел.

– Отправился ставить сеть – предположил Вилен.

На реке Бориса тоже не было.

Петр заметил, что нет и одной пары лыж. По обоим берегам майны было много лыжных следов – мы бродили там, когда рыбачили. Но от того места, где кончалась чистая вода и река исчезала подо льдом, вниз по долине Танью шел лишь один след. Раньше туда никто не ходил, это был след Бориса. Ружья Борис не взял, оно висело на дереве у палатки. Я вспомнил про свежие следы медведя. Человек, разумеется, самый страшный зверь, в том числе и для медведя, но ведь он, этот медведь, возможно, очень голоден. Только что из берлоги, и нет ни грибов, ни ягод, ни птиц на гнездах. И рыбу, пока она стоит подо льдом или в тихих глубоких ямах, не очень-то поймаешь...

- Надо всем троим идти по следу – сказал Петр. – Мало ли что. Вдруг где-нибудь провалится.

Мы стали быстро собираться, взяли моток капронового шнура, спички, патроны, и, когда уже хотели выходить, далеко на реке, километрах в двух, появилась черная движущаяся фигурка.

Мы снова разделись и бросили за палатку капроновый шнур.

- Внизу длинная промоина – сказал Борис, возвратившись в лагерь. – Она начинается от первого притока справа от Лагортаю и тянется по крайней мере на километр. А дальше я не видел.

Промоина – это хорошо, но отправляться одному за шесть километров от лагеря без ружья и при этом, видимо, несколько раз пересекать реку по льду...

- Как дорога до Лагортаю?

- Надо два раза перейти реку по снежным мостам. Там, где короткие полыньи и скалы возле левого берега. А так все нормально.

- Думаешь, следует туда перебираться, чтобы начинать уже плыть на байдарках?

- Конечно. Сидеть здесь толку мало. Немного отдохнули, рыбы наловили, что еще тут делать? А там соберем байдарки и понесемся. Может быть, эта промоина так и идет все время?

Промоина – это, конечно, здорово, но не стоило Борису ходить на разведку одному. Он, правда, сегодня герой, рыбы наловил, ухой нас побаловал, но к чему эта самостоятельность... Что, если бы ледовый мост, которым он проходил, обвалился? Борис оказался бы в воде, его стало бы затягивать под лед... А ведь в таком случае, если ты не один, может спасти просто протянутая с берега рука. Нет, это не смелость – ходить одному. В такой глуши пренебрежение к себе – пренебрежение к спутникам.

Ворчун, подумал вдруг я о себе. Ну что ты ноешь? Не говорит ли в тебе задетое самолюбие старшего, у которого не спросили разрешения? Или ты до сих пор не можешь забыть поражение в рыбном чемпионате?

И все же я прав. Недаром у нас было все по-другому тогда, на Алтае, в первом нашем настоящем походе, пятнадцать лет назад. Мы были тогда совсем зелеными, еще учились в институтах. Едва знакомые друг с другом, собравшиеся вместе в общем-то неожиданно, мы на всякий случай написали свою собственную "походную конституцию". В ней мы изложили права и обязанности каждого и способы решения споров в разных ситуациях. Наивное писание та "конституция", но в ней было немало и житейской мудрости, и заботы друг о друге. Значился в ней и пункт, разрешающий уходить из лагеря поодиночке лишь на сто метров, не дальше. Пункт этот однажды сработал очень наглядно – на разведке вдвоем мы встретили медведя. Нос к носу. Может быть, он не тронул бы и одного, но один-то, видимо, дрогнул бы и дал ходу. А было это как раз среди скал, в зарослях кедрача, где впопыхах нетрудно и сломать себе шею.

- Хорошо, Борис. Завтра утром пойдем к Лагортаю. Только очень рано, чтобы успеть дойти до того, как от солнца размякнет снег. Надо выйти в три часа. Проснуться, значит, в полвторого. Сейчас девять, пьем чай и ложимся.

- Придем завтра к Лагортаю – мечтательно сказал Петр. – Соберем байдарки и поплывем...

- Попробуем поплыть – осторожно сказал Вилен – Посмотрим, что из этого получится.

Когда мы укладывались спать, Борис залез в палатку и достал кинокамеру. Затем он надел штормовку, сунул в карман несколько сухарей и направился к лыжам, воткнутым в снег возле ближних нарт.

- Далеко? – спросил Петр.

- Хочу снимать каньон, который вчера проходили – ответил Борис.

Петр взглянул на меня. Мол, я не подстрекатель, но смотри. Ты тут командор.

Я не сразу понял, о чем говорит Борис. Какой каньон? Тот, что мы проходили, когда ушли со стоянки, где нас прихватил ветер? Километрах в семи отсюда? Боря, оказывается, шутник.

- Так куда ты собираешься, Борис?

- Я уже сказал. Хочу сходить с киноаппаратом до каньона, где ледопад. Мне нужно снять там скалы.

- А как же выход вниз, к Лагортаю, намеченный на три часа?

- К трем я вернусь.

- Во-первых, надо быть здесь не к трем, а к часу, чтобы всем вместе готовить завтрак, снимать лагерь и укладывать вещи. А во-вторых, надо как следует выспаться - ведь завтра нам предстоит еще и плыть,

- Я завтра не дежурный, Петр дежурит, пусть он и готовит завтрак. А насчет сна - за меня не беспокойся, я могу выдержать без сна и больше.

- Это ты брось - слегка насмешливо, как обычно, сказал Вилен. Он, видимо, все еще считал, что Борис шутит. - Мне с тобой плыть в одной байдарке. Что же, веслом тебя тыркать все время, чтобы не уснул?

Борис ничего не ответил и стал пристегивать крепления к лыжам.

- Еще вопрос. Ты опять намерен идти один?

- Да.

Очень мило. Что с Борисом? Может быть, кто-то из нас обидел его?

Может быть, вчера, у каньона? Я лазил тогда с фотоаппаратом с одной скалы на другую, все шелкал. Черные отвесные скалы. Ледопад. Наверное, у меня был непривлекательный вид дотошного репортера, Борису пришлось это как-то против шерсти, и он не стал снимать кинокамерой. А вернее, он просто очень устал после четырех трудных дней. Петр тогда и сказал ему, мол, что ты делаешь, пропускаешь такие кадры. Это не повторяется. И свет как по заказу - солнце сбоку, редкие облака. Ясно, что после этого Борис совсем взвился. А Петр еле удержался, чтобы не попросить у него камеру. Потом, когда мы ушли дальше, где-то на остановке Петр опять вспомнил этот каньон и с присущей ему прямоотой сказал Борису, что не снимать в таком месте - это кроме всего прочего еще и свинство по отношению к своим спутникам. Неважно, что киноаппарат собственный, в сложном походе все общее, и кино - это дело всех. Борис на это ответил, что кино он снимает не для географического общества или для телевидения, а лично для себя. Чтобы показывать потом, в старости, внукам - смотрите, мол, где был дед.

Разговор тогда так ни к чему и не привел, но, видимо, Борис после него в душе что-то затаил. И вот теперь...

Борис продолжал подгонять крепления лыж к сапогам. Если тогда не снимать каньон было, как сказал Петр, свинством, то теперь собираться за семь километров одному - это не лезло уже ни в какие ворота. Тем более что идти-то туда уже нет смысла: когда Борис придет в каньон, солнце зайдет за гребень соседней горы. А потом кадры уже будут не те - людей и нарт там никто ему не выставит. Только каньон. Снег и скалы.

- Лучше тебе не ходить.

- Это я уж сам знаю, что лучше.

- Тогда так: я не разрешаю тебе идти сейчас в каньон.

Борис повернулся и, опуская лыжи на снег, сказал мне с усмешкой:

- Смотри-ка, какой командир роты. А у нас, между прочим, здесь не армия. Кроме того, я в отпуске.

Наверное, я очень невыдержанный или вообще не гожусь даже в маленькие начальники. Не знаю. Но меня прорвало - я выложил все, что думал: и насчет отпуска, и насчет того, что у нас тут не армия. Борис продолжал как ни в чем не бывало возиться с креплениями. Вопрос встал ребром: руководитель я похода или нет и что у нас тут - спортивная группа со всеми обычными формами ее организации или вольный сброд? Вопрос стоял именно так, и у меня оставался лишь один, последний шаг, который на парламентском языке называется голосованием о доверии.

- Ну что ж, будет так, как решит группа. Что думаешь ты, Петр?

- Борис должен остаться в лагере.
  - Ты, Вилен?
  - Уходить ему не следует. Тем более одному.
  - Все. Теперь ты можешь идти куда тебе вздумается.
- Я взял удилище и направился к реке.

Уходя из лагеря, я слышал, как Борис, тоже особенно не задумываясь над благозвучностью выражений, сказал, что он соберет свои вещи и уйдет от нас совсем. Меня это не тронуло, я лишь как-то равнодушно подумал о том, что приду с рыбалки, а Бориса не будет. Тем лучше.

Когда я вернулся в лагерь, Вилен и Петр лежали уже в мешках. Бориса в палатке не было. Он вытащил из нее свой спальник и улегся возле костра под открытым небом. Петр долго ворочался и раза два принимался курить. Я тоже не спал и думал о том, зачем мне все это нужно - корчить из себя то командира, то няньку. Я тоже в отпуске. И Вилен в отпуске. И Петр.

Наверное, во время разговора у костра я вел себя как идиот и говорил совсем не то. Можно было не кипятиться, а спокойно и тихо изложить, почему в походе каждый должен считаться с другими. Это же очень просто - все мы связаны одной веревочкой маршрута. Полная свобода, независимость в решениях и поведении - это все только кажется. "Уйду со всем из лагеря". Пожалуйста, иди. Хотел бы я видеть, как бы он это сделал...

Эта наивность - думать, что, очутившись в безлюдье, вдали от общественного мнения и милиции, мы становимся каким-то новым, абсолютно вольным сообществом. Крохотным государством в государстве. Что, лишённые обычных материальных или моральных рычагов воздействия друг на друга (я не могу, например, пригрозить Борису, что снижу ему зарплату, а он не может на меня написать жалобу в местком), мы все наши противоречия будем решать по "законам тайги". Ничего подобного. Уйдя из "большого человечества" и выделившись на время в подвижное "таежное Монако", мы это человечество и все его главные устои несем в себе. Здесь, в глуши, бессмысленны кодексы и прочее (куда заявишь, если кто-то тебя обидит - в суд, в газету?), и, чтобы как-то восполнить этот дефицит законности, мы несем с собой неписанные правила общежития, справедливости и здравого смысла. И как бы любой из нас ни пытался вырваться из-под их власти, у него ничего не выйдет. "Уйду совсем из лагеря". Пожалуйста. Но, прежде чем уйти, ты подумаешь, что скажут о тебе другие. И вряд ли тогда уйдешь. Стремление к справедливости, окружающее нас в той среде, где мы выросли, где проводим большую часть времени, где мы работаем и живем, оно с нами, как инерция вращающегося волчка. Заденешь волчок, он покачнется, но выправится и будет продолжать крутиться.

Волчок... А вдруг от прикосновения он наклонится настолько, что коснется пола? Тогда он судорожно заковыляет и свалится набок.

Донесся треск разгорающихся в костре сухих сучьев. Борис замерз, видимо, один у потухшего костра. Снаружи было уже градуса два мороза.

Да, то, что у нас - волчок. Но так, наверное, может быть лишь до тех пор, пока группа мала. Пока в ней четверо, ну шестеро. А что, если в глуши в спортивной группе, а не в геологической партии будет, например, человек двадцать? И среди них люди, как-то связанные друг с другом, там, в "большом человечестве"? Появятся компании и группировки. Всплывут наружу честолюбие, зависть и прочие прелести. Наконец, что станет с такой большой группой, если в ней будут еще и женщины и между участниками похода возникнут новые связи, не подконтрольные ни рассудку, ни простой логике? Не получится ли небольшая модель действительного общества? Удержится ли она на одном стремлении к справедливости?

Между прочим, в нашей маленькой группе женщина могла бы сыграть и другую роль. Она бы, наверное, побуждала нас

к сдержанности и благородству. Она бы не позволила нам опуститься до базарной ругани. Да, конечно, в присутствии женщины, а точнее, симпатичной молодой женщины у меня с Борисом не произошел бы этот разговор. Наверное, мы и меньше бы уставали, и меньше раздражались по пустякам: куда это годится - выгладеть злым и утомленным в глазах женщины? Что ж, будем теперь умнее. В следующий раз возьмем с собой женщину - симпатичную и молодую. Пусть будут любые трудности в пути, мы пронесем ее на руках через все, но возьмем.

Я взглянул на часы и увидел, что уже половина второго.

На берегу, в дальнем конце проталины, сидел Петр. Борис лежал у костра,

забравшись с головой в спальный мешок, и, видимо, спал. Я не слышал, как Петр вылез из палатки. Это хорошо: значит, я в какой-то момент уснул и немного отдохнул.

Перед Петром стоял маленький самодельный этюдник, на котором уже можно было различить реку во льдах, лес, красные горы вдаль. И над всем этим – розовое небо. Я не удержался:

- Что же ты небо так раскрасил? Ведь оно серое. И горы не красные, а лиловые.

- Я это все вчера задумал – ответил Петр. – А тогда небо было еще розовое.

### **Отступление историческое**

Итак, мы перебрались с лодками через горы Полярного Урала. Надо сказать, что были удачные попытки сделать то же самое и раньше нас. Намного раньше, лет на девятьсот. Разумеется, мы и не первые исследователи (если так можно назвать нас, непрофессионалов) Полярного Урала, закономерностей и причуд его природы и погоды.

История открытия и исследования Полярного Урала длинна и необычна.

Из-за сурового климата и удаленности Уральский хребет в северной своей части оставался для исследователей трудным барьером гораздо дольше, чем в центре или на юге. Первыми, как нередко бывало в истории открытия различных земель, барьер этот преодолели военные и деловые люди. Еще в XI веке через Урал и низовья Оби проникли лихие новгородские ушкуйники. Они забрались за Урал (за Камень, как тогда называли) в поисках дорогого пушного зверя. Совершая свои походы по рекам на ладьях, новгородцы перетаскивали их волоком через хребет тремя путями: с реки Илыча на Северную Сосьву, со Щугора на Ляпин и самым северным путем – с Ельца на Соби. В дальнейшем эти пути и еще кружные, через Иртыш, использовались различными "государями русскими" для пополнения казны за счет пушных богатств низовьев Оби и Зауралья.

С появлением Мангазеи, крупного торгового центра в низовьях Таза, когда значение путей через Полярный Урал повысилось, был открыт новый маршрут – напрямик через Ямал, через южную его часть, с подъемом по реке Мутной и волоком на Зеленую, впадающую в Обскую губу. В начале XVII века этот путь был очень оживленным, ходили по нему на больших лодках – кочах, а все путешествие от Печоры до Тазовского острога занимало три месяца. Маршрут, конечно, нелегкий и долгий, но зато это было безопаснее и быстрее, чем в обход Ямала по Карскому морю, где часто из-за скопления льдов вообще нельзя было пробраться к Оби.

Сложность плавания вокруг Ямала и большая протяженность волока через полуостров заставляли искать новые пути для регулярного сообщения по воде с низовьями Оби, прямо через Полярный Урал. Особенно упорными эти поиски стали с начала XIX века. В 1807 году инженер-полковник Попов решил возродить один из волоков, известных еще новгородцам – с Ельца (притока Усы) в верховья Соби. Однако обследование района волока показало, что для сооружения каналов и шлюзов место это не подходит – слишком каменистый грунт. Через некоторое время исследования в верховьях Ельца и Соби возобновил Латкин. Это была последняя попытка открыть здесь регулярное судоходство через Полярный Урал, так как внимание исследователей стал занимать более северный район, понижение хребта в верховьях рек Сартью (Большая Уса) и Лонготъеган.

Этот водный путь открыли ижемские купцы, пробиравшиеся по нему на Обь, с волоком через Урал всего в два-три километра, на лодках, груженных мукой. Много усилий на исследование лонготъеганского варианта регулярного водного сообщения через Урал потратил Павел Иванович Крузенштерн. Был ли он родственником или однофамильцем знаменитого Ивана Федоровича Крузенштерна, первого русского кругосветного мореплавателя, сейчас трудно установить, но "фамильная" тяга Крузенштернов к водным путешествиям несомненна: известен и еще один Крузенштерн, лейтенант, возглавлявший экспедицию, которая пыталась в 1862 году обойти Ямал Карским морем. Очевидно, именно этот северный морской поход, окончившийся неудачей, и побудил Павла Ивановича Крузенштерна серьезно заняться поиском водных путей через Полярный Урал.

Первая его экспедиция на Север состоялась в 1874 году. С трудом заинтересовав своей идеей царское правительство и Академию наук, Крузенштерн

все же добыл средства для исследования, но выехал в путешествие слишком поздно. Поднимаясь уже осенью по Печоре и Усе, он успел к началу морозов дойти лишь до Сартью и обследовать ее низовья. Осмотр этой реки убедил Крузенштерна, что она судоходна. Вернувшись из экспедиции, он сразу же стал готовить следующую.

Путешествие 1876 года началось успешно: Крузенштерн добрался до верховьев Сартью и нашел удобное место для перевалки судов. Но тут экспедицию стали преследовать неудачи. Сначала один рабочий, стреляя из ружья, умудрился разбить себе прикладом голову, затем на пороге перевернулась лодка и утонули все продукты, а в заключение всех злоключений топограф экспедиции потерял полевой дневник с записями по нивелировке. В общем Крузенштерну не везло. В результате его экспедиция не смогла пройти намеченный путь, то есть выйти на Обь, и поэтому усилия Крузенштерна и его выводы не произвели на правительственных чиновников необходимого впечатления.

Трудно сказать, смогли бы в конце концов энтузиасты водного пути через Полярный Урал добиться сооружения на одном из удобных проходов системы для перевалки судов - шлюзов либо механизированного волока - или сложность устройства регулярного водного пути через горы так и осталась бы непреодолимым препятствием, но с появлением ледоколов и ледокольного флота, то есть с начала XX века, вопрос о водном сообщении через Урал был снят и устойчивый северный водный путь в низовья Оби уже, видимо, окончательно был проложен вокруг Ямала.

Научное исследование Полярного Урала тоже очень задержалось. В XVII и XVIII веках ударные силы науки, подобно передовым воинским соединениям завоевывая территорию за территорией, стремительно продвигались на Восток - на Алтай, за Байкал, на Камчатку, а Полярный Урал, как попавший в окружение противник, неведомый и неизученный, оставался в тылу. Было время, когда о Полярном Урале ученые знали меньше, чем о Таймыре или верховьях Яны. Первой научной ласточкой, залетевшей на Полярный Урал, явился петербургский студент Зуев, ученик известного исследователя Сибири академика Палласа. В 1791 году, возвращаясь из очередной сибирской экспедиции, Паллас направил Зуева в низовья Оби для "исследования района в естественноисторическом отношении". Аккуратный студент не только выполнил это задание, но побывал еще и на самой северной крупной реке Урала - Байдарате, а также на Щучьих озерах и в верховьях Соби.

Планомерное исследование самой северной части Уральского хребта началось лишь в 1848 году экспедицией Эрнста Гофмана.

Сам Гофман был геологом, но в экспедиции его работали различные специалисты, и поэтому она оказалась очень плодотворной. Наряду с общим исследованием края, его геологии, растительности экспедиция произвела угломерные измерения высот ряда узловых точек Полярного Урала, в том числе вершин Пайер и Хордьюс.

Изучение Полярного Урала экспедиция Гофмана начала с востока, от Оби, поднялась по Войкару, затем в верховьях Кок-пелы перевалила хребет и, двигаясь вдоль него на север, дошла до северной оконечности Урала, возвышенности Пай-Хой, и дальше - до Байдарацкой губы.

О своей экспедиции и вообще об исследовании северной части Урала Гофман написал объемистый труд "Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой". Труд этот и до сих пор одно из наиболее точных и полных описаний природы Полярного Урала.

После экспедиции Гофмана наступила полоса частных - геологических, ботанических и других "целевых" (те же поездки Крузенштерна) - экспедиций, среди которых выделялась широтой исследований и охватом территории так называемая экспедиция братьев Кузнецовых.

Два брата Кузнецовы были не научными работниками, а московскими купцами меценатами, финансировавшими экспедицию. Профессиональная специализация братьев - а торговали они чаем - видимо, предрешила главное направление экспедиции - ботаническое.

Кузнецовы не только дали деньги для экспедиции, но и сами поехали на Полярный Урал. Однако их непосредственный вклад в работу экспедиции состоял в основном не в составлении гербариев, а в охоте, которая и сейчас на Полярном Урале может оказаться очень удачливой, а в те годы и подавно. О

размахе охотничьих замыслов братьев Кузнецовых говорит хотя бы то, что на Полярный Урал они захватили целую ватагу охотников.

Справедливости ради все же надо сказать, что занятия братьев-купцов и их дружков в экспедиции состояли не только в снабжении научных ее кадров мясом и рыбой: они участвовали и в основных экспедиционных работах. Лазили, например, с бреднями и сачками по холодным озерам, вылавливая для исследования обитающих в них рыб, лягушек и прочих представителей водной фауны. И, так же как и другие сотрудники экспедиции, отчаянные эти Кузнецовы, странствуя по тундре и горам, частенько попадали в различные переплеты.

В экспедиции братьев Кузнецовых работал ассистент ботаники Лесного института В. Н. Сукачев, ставший впоследствии одним из корифеев советской ботанической науки.

Из более поздних дореволюционных исследователей Полярного Урала привлекает внимание Н. А. Кулик, геолог, работавший в 1910 году в бассейне Усы. Интересно, что примерно в это же время, в 1911-1912 годах, и тоже на Урале, в Миас-се, помощником лесничего был Л. А. Кулик, прославившийся затем на весь мир своими находками упавших на землю космических тел и упорством в изучении района падения "огненного камня" - Тунгусского метеорита. Первый Кулик - Нестор Алексеевич, второй - Леонид Алексеевич. Трудно отказаться от мысли, что Кулики эти братья. Впрочем, в духовном родстве им уж никак не откажешь - оба неистовые исследователи природы.

И наконец, еще одно "фамильное" совпадение. Оно связано с Полярным Уралом и с Севером вообще. Кроме того, оно, как говорится, совсем в другом плане. Речь идет о двух Пайерах. Один - самая высокая (полторы тысячи метров) вершина Полярного Урала - Пайер, другой - известный исследователь Севера Юлиус Пайер. В 70-х годах прошлого столетия австро-венгерская экспедиция, которой руководил Пайер, совершила, пожалуй, последнее крупное открытие в Ледовитом океане - обнаружила и частично исследовала архипелаг островов, названный впоследствии Землей Франца-Иосифа. На полном созвучии это совпадение, видимо, и кончается, так как "Пайер" по-ненецки означает "владыка гор", а в истоках фамилии полярного исследователя, надо думать, лежит что-то другое.

Начало советским исследованиям северной части Урала было положено в 1924 году, когда комиссия Уралплана направила сюда экспедицию под руководством Бориса Николаевича Городкова, одного из крупнейших знатоков растительности Севера.

Экспедиция Городкова, проводившая кроме ботанических и комплексные исследования, в течение трех лет работала в наименее известной в то время части Полярного Урала - на восточных его склонах, в верховьях Соби, Войкара, Сыни.

После Городкова изучением растительности Полярного Урала занимались и многие другие ботаники - Игошина, Сочава, Андреева, Срезневский. Повышенный интерес к Полярному Уралу со стороны ботаников объясняется тем, что северная его часть - бассейны Кары и Щучьей, верховья Усы - является районом активного оленеводства, а южная - верховья Дойкара и Сыни - служит для перегона оленьих стад с низовьев Оби на летние пастбища Большеземельской тундры. Кроме того, Полярный Урал, находящийся в основном за Полярным кругом и имеющий значительную среднюю высоту, представляет большой интерес как естественная лаборатория для исследования растений на крайнем северном пределе их распространения.

Полярным Уралом интересовались, разумеется, не только ботаники, здесь работали и геологические экспедиции, велись поиски железнодорожных трасс через хребет. В результате этих исследований была построена вскоре после Великой Отечественной войны первая железная дорога через Полярный Урал, дорога Сейда - Лабытнанги.

Очередной подъем в исследованиях Полярного Урала был связан с открытием в истоках Большой Хадаты гляциологической станции Академии наук.

Интересно, что современное оледенение на Урале стало известно науке лишь в 1929 году, когда геолог А. Н. Алешков открыл ледники на Северном Урале, на хребте Сабля. Сейчас только на Полярном Урале обнаружено несколько десятков ледников. Уральские ледники по величине своей, конечно, неровня Тянь-шаньским - длина их от сотни метров до двух километров. Кстати,

преодолевая хребет южнее массива Пайер, мы прошли мимо трех средних по уральским понятиям ледников: Кечпельского – на западном склоне, а также Безымянного и ледника Падалки – на восточном, в верховьях Левого Пайеры.

В последние годы Полярный Урал снова стал привлекать внимание. На этот раз им заинтересовались любители дальних странствий, которые обнаружили здесь "залежи" суровой и труднодоступной северной красоты. Современная мода на водные путешествия по Полярному Уралу началась, пожалуй, с похода группы москвичей под руководством Сергея Смирнова по рекам Соби, Хара-Маталоу, Танью и Войкару. Это было в 1961 году. С тех пор на восточных склонах Полярного Урала побывало много групп с байдарками и резиновыми лодками, но маршруты, пройденные ими, как правило, ограничиваются именно этими реками. Подвиг новгородских землепроходцев – преодоление Урала со своими "плавсредствами" – удалось повторить лишь нескольким группам.

Сложные спортивные путешествия на Полярном Урале, главным образом лыжные, совершались и раньше, в начале 50-х годов, однако они никогда не были особенно частыми. Причина – чрезвычайно жесткие погодные условия зимой, из-за которых даже сильные группы, попав в пургу, отсиживались по нескольку дней и возвращались в "населенку", не пройдя намеченного маршрута. Бывали и случаи, когда на поиски попавших в непогоду путешественников отправлялись спасательные отряды.

Стараясь не отставать от спортивной моды, появились на Полярном Урале и мы. Появились с нескромной целью убить сразу двух зайцев: малой кровью, то есть не просидев при этом неделю в снежной пещере, преодолеть Полярный Урал еще по зиме и получить на спуске к Оби по уральским рекам все радости сложного водного путешествия.

Спасательный отряд за нами пока еще не вышел.

### **Петр, Борис и другие**

Наши байдарки с нартами на корме плывут рядом. Мы с Петром чуть вырвались вперед, и поэтому я на одной линии с Виленом, сидящим в байдарке впереди Бориса. Меня подмывает поболтать. Так, ни о чем, обо всем сразу. Это от того, что мы, наконец, вылезли на воду. И от солнца. Вчера оно было такое яркое, что, казалось, дальше некуда, а сегодня еще ярче. Даже в темных очках устают глаза. Промоина, по которой мы плывем, узкая, с высокими краями. Словно пробил этот канал ледокол, а потом вдруг ушла вода. С нависающих заснеженных кромок падают в реку и тонко стучат капли. В прозрачной, как воздух, воде над загадочными зелеными камнями висят хариусы. Перед байдаркой они неторопливо расходятся в стороны и уступают нам дорогу.

Мы проплыли по реке уже километра полтора, а канал все тянется, и кажется, что так будет до конца нашего пути.

Борис с Виленом немного отстают, Борис снимает нашу байдарку, затем они догоняют нас как раз на повороте.

– Что там впереди? – спрашивает Борис.

– Пока вода.

– Впереди всегда неожиданности, – говорит Вилен. Сегодня он склонен к обобщениям.

– Сейчас неожиданности нам как-то ни к чему.

– Они не спрашивают, когда явиться.

– Гуси! Вот они, высоко. Справа. Один, два... семь штук.

А впереди действительно что-то есть. Поворот кончается, и поперек реки видна белая полоса. Ледовый мост? Мы подплываем ближе и видим, что река уходит под лед. Причаливаем, не доплыв метров двадцать, и подходим к мосту. Река там уже глубокая, а перед самым тупиком большая воронка – вода всасывается под лед со звуком, напоминающим рычание собаки, у которой хотят отнять кость.

Впереди, метров на двести, снежное поле, а за ним что-то виднеется. Наверное, следующая майна.

От воды до поверхности снега около метра. Мы ложимся и, вцепившись в фальшборт байдарки, пытаемся выдернуть ее из зоды и поднять на снег. Байдарка не поддается, тяжелая. Тогда мы подкладываем три весла, как ваги, уперев их лопасти в дно и положив другие концы на снег, и вытаскиваем каждую байдарку по этой наклонной плоскости.

Потом мы с Петром ставим свою байдарку на нарты и тянем их к виднеющейся вдаль майне. Снег на солнце рыхлый, нарты идут неровно, проваливаясь то одной, то другой лыжей, байдарка соскальзывает, наклоняет нарты и падает вместе с ними на бок. Петр кричит: "Пошел!", "Стой!", "Держи!", я тоже что-то кричу, но все это мало помогает, и мы, бросив байдарку, идем помогать Вилену и Борису, которые тоже не могут справиться с нартами. Да, снег на реке уже не тот крепкий снег, что был в тундре.

Вчетвером мы доволакиваем обе байдарки до промоины.

Следующая операция – спуск байдарок на воду с высокого края покрытой снегом льдины. Но это уже легче – все-таки вниз. И потом тут уже можно сползти в речку и, стоя на камнях по колено в воде, поддерживать байдарки снизу.

В новой майне течение быстрее, много камней и крутые повороты. Приходится плыть осторожно, не приближаясь к нависающим с берегов льдинам. –

Мы проходим с Петром самый каменистый участок и вылезаем на снег подождать своих.

С берега, со снега, байдарка, плывущая по реке, выглядит очень эффектно. Борис посадил Вилену и проходит трудное место один.

Мне нравится, как плывет Борис, хоть и сидит он в байдарке, как принято сейчас на мелких реках Кольского и Карелии – закинув ноги за фальшборта, на деки. Чтобы можно было оттолкнуться от камня и быстро выскочить, если налетишь на мель. В такой посадке с виду больше спортивности, но грести неудобно. Борис же ловко управляется с байдаркой. И там, где мы с Петром задевали камни и даже слегка подсели, он проходит четко.

– Эй! – кричит Вилен, прошедший по берегу вперед. – Мост!

Вылезаем, перетаскиваем байдарки по снегу и опять в реку. А дальше все это повторяется через каждые сто метров. Вверх, вниз, и проваливаются в снег нарты, и сползает с них байдарка. И Петр, обычно сдержанный, зло бросает веревки и идет помогать мне ставить байдарку на нарты.

Усталость лишает нас осторожности. Соскользнул в реку и промочил ноги Вилен. Петр провалился и тоже промок. Остановились на минуту, отжались – и снова за байдарки. Хорошо хоть светит солнце. Не холодно.

Какова вода в реке, узнал и я, когда решил проверить прочность ледовой кромки и, стукнув по ней ногой, обвалился в реку вместе с льдиной. Ухнул по пояс. Обожгло ледяной водой, я бросился к берегу, к торчащей из снега скале.

...Голые ступни ног медленно отходят на теплом камне. Да, конечно, для полного счастья мне не хватает снова заболеть ангиной. Здесь, в глухомани. Я думаю о том, что неплохо бы хоть глоток спирта, и хочу уже достать его из рюкзака, но вспоминаю, что Петр и Вилен тоже побывали в воде – и ничего, обошлись без спирта. Перебьюсь и я.

Преодолеваем еще пару промоин и, взмокшие, садимся отдыхать. По карте видно, что мы прошли на байдарках всего километра четыре. А трудимся уже семь часов. И двенадцать часов прошло с тех пор, как покинули лагерь.

– Вторая космическая скорость – говорит Вилен. – По чистой воде тут плыть полчаса. И то если по дороге будешь позировать фото- и кинорепортерам, – В гору с груженными нартами и то легче – соглашается Борис.

Заметно, что он очень устал, Петр тоже. Время останавливаться, искать место для лагеря. Двигаться дальше среди промоин и по снегу – лишняя трата сил. Лучше подождать, когда придет вода. А она должна. Вот-вот...

Дело идет к ночи, и становится заметно холоднее. Замерзает вода на деках байдарок, и хрустящей корочкой льда покрываются рукавицы.

Левый берег горбатился обтаявшим пригорком и обрывался к реке гранитными скалами. Ниже скал мы нашли удобное место, где можно было вылезти на пригорок. На нем рос редкий лиственничник. Мы вытащили весь груз из байдарок, выволокли их наверх, перевернули и положили на пологий склон, поросший мхом и брусничником. От байдарок до льда на реке по высоте было не меньше метра, но Петр все-таки привязал их к лиственницам. При этом Вилен не упустил возможности напомнить ему историю, которая приключилась с бароном Мюнхгаузеном, когда во время пурги он привязал свою лошадь к колышку, торчавшему из-под снега, а сам устроился спать поблизости. Известно, что ожидало славного барона утром... Петр ответил, что нам грозит несколько иное – мы можем проснуться в воде, пробравшейся в палатку, и, выскочив из нее, увидеть, как река уносит наши байдарки.

Привязав байдарки, Петр предложил лечь спать в спасжилетах - чтобы в случае чего не утонуть. Тут-то мы уже поняли, в чем дело: Петр снова принялся шаманить. Теперь он и за ужином, и в палатке будет капать в одну точку. Повторять, что завтра река вздуется метра на полтора, что сломает лед и понесет его (чего доброго, срежет веревки палатки). Или, наоборот, что вода не начнет прибывать еще неделю или даже две.

И все это лишь для того, чтобы за ночь она поднялась хотя бы на десять сантиметров.

...Проталина, на которой стоит палатка, растет. Так же неумолимо и незаметно для глаз, как движется часовая стрелка. Смотришь на проталину минуту, десять, полчаса - все та же, снег по краям на том же месте. Отвернулся чуть, забыл про нее, и вдруг видишь, что проталина раздалась в стороны и клином приближается к реке. На низком берегу возле лагеря появились черные точки. Это на косе из-под снега вылезают камни.

Рядом с лагерем с треском и клетотом взлетают самцы куропаток и, усевшись на листовенницы, удивленно замолкают. А самочки белыми комочками застенчиво прячутся внизу, на снегу.

Серебрится перьями облаков небо, и матово блестят в неярком солнце ледяные лысины гор.

Едва не задевая крыльями верхушки листовенниц, проносятся над нами кулики, гагары, утки. Откалываясь парочками от стай, они падают на воду промоин. Оставшиеся летят дальше по реке, выискивая места получше.

К костру подлетают мелкие лесные мухи. Они садятся на ладони, быстро бегают по ним и приятно щекочут.

Пахнет теплым багульником и молодой сыростью.

Не отвлекайся, не отвлекайся. - Вилен взял из рук Петра ложку, вернее, березовую щепу, которая едва начала приобретать форму ложки, и стал продолжать строгать ее тонким перочинным ножиком.

- Дуй дальше... Значит, того старшего лейтенанта, сапера, которого прислали к вам в полк, прозвали Студентом...

- Да, Студентом. Наверное, потому что он был какой-то мешковатый и в очках. А он действительно учился до войны в МВТУ и с третьего курса ушел в армию. Командовал он ротой так: "Пожалуйста, налево! Благодарю вас..." - и приподнимал при этом свою пилотку. Солдаты, конечно, посмеивались, но уважали его - толковый был полковой инженер и много полезного знал о минах, о взрывпакетах. И вот однажды на очередных занятиях он рассказал о применявшейся немцами так называемой шпринг-мине. Перед тем как взорваться, эта мина подпрыгивает над землей метра на полтора и там уж

разлетается на мелкие осколки. Одна такая мина может вывести из строя целый взвод. Зарывают ее в землю неглубоко, а на поверхности торчат три усика, проволочки такие величиной со спичку. Надавишь ногой или колесом хотя бы на один из усиков, и все - мина взведена. Можешь стоять на ней хоть целый день, ничего не будет, но стоит отпустить усики, сработает взрывпатрон, подбросит мину и... Одним словом, отпускать нельзя.

Через неделю после этого занятия нам в наступление. Командир полка еще не вышел из госпиталя, и я, как его заместитель, стал в полку за главного. И вот едем мы на машинах на передовую. На полдороге, где-то на открытом участке, вдруг налетели на колонну фокке-вульфы. Все сразу рванули из машин, разбежались по сторонам и носами в землю. Ну и я тоже. Лежу, слышу, как они из пулеметов садят, и вдруг чувствую, что сквозь гимнастерку колет грудь.словно лег на что-то острое. Тут я и вспомнил про лекцию Студента. Усики... Шпринг-мина! Заледенел весь. Лежу, а в мозгах стучит: "Мина,.. конец,.. мина..." Не заметил даже, когда немцы улетели, слышу лишь, кричат на дороге: "Командира полка убило!" И топают, бегут ко мне. Сейчас, думаю, подбегут, схватят меня, перевернут, чтобы посмотреть, жив ли еще, и оторвут от усиков... "Стойте! - кричу.- Не подходите! Лежу на прыгающей мине!" Остановились все и затем назад даже попятнулись. Подошли другие. Спрашивают, что такое. Я объясняю - три усика грудью придавил. На мине лежу. Еще дальше, смотрю, отодвинулись. Расселись все вокруг. Молчат. И вдруг ординарец мой, кавказец Гриша Кулумбеков, заголосил: "Ай-вай, моего командира убило! Какой был человек! Аллы-баллы... командир погиб..." Потом вдруг перестал причитать и говорит мне сердито: "Слушай, командир, тебе хорошо, тебя убьет, и все, а меня на передовую из-за тебя пошлют. А?"

Я лежу, слушаю и думаю: надо что-то делать. Зову солдат. Говорю, чтобы рыли впереди меня, метрах в двух, яму. Попытаюсь, говорю, нырнуть в нее: может быть, успею. А нет, так и могила будет готова. А пока дайте мне бумаги и карандаш. Написал письма. Матери. Другу лучшему. И девушке своей в Свердловск. За это время ребята как раз выкопали для меня яму, под ногами углубления для упора подрыли – такие, как раньше делали себе на старте бегуны. Отдал я письма, попрощался с полком, с друзьями. Все отошли подальше и залегли. Кричат: "Давай!" Я сжался весь и... не могу. Не могу и все, словно отнялись ноги. Минута проходит, другая, полчаса, наверное, а я не могу решиться. Чувствую, надоело всем ждать, зашевелились. Ну и, конечно, интересно, успею или нет, а я все тяну резину. Задерживаю представление. Попробовал считать – раз, два, три... Все равно не могу. Зову комиссара. Прошу дать мне спирта. Осторожно приподнял голову, выпил почти целую кружку. Без закуски, конечно. Ни в одном глазу. Но наверное, где-то там, внутри, забрало. Все, думаю, хватит. Командую громко: "Ложись!" Вздохнул глубоко и... рванул. Стукнулся я головой о дно ямы, наверное, здорово, потому что на какое-то время потерял даже сознание. Потом очнулся и думаю, почему же нет ничего, и вдруг – взрыв...

Петр замолчал, поклонившись козью ножку, которую во время рассказа не спеша набил трухой из остатков табака и сухарных крошек, достал из костра сучок с огнем на конце и жадно затянулся.

– Слышу, взрыв... смеха. Я высовываюсь из ямы и вижу: стоит рядом Студент и держит в руках торжественно, как фокусник в цирке, дощечку от ящика для снарядов. А в ней пара проржавевших уже гвоздиков. Усики...

...Напротив лагеря низкий лиственничный остров, за ним – протока. С осени она, наверное, была сухой, поэтому за зиму на ней не появилось льда, а сейчас, когда река поднялась, протока чистая, залитая водой. Течение на ней тихое, и хорошо видны камни на дне, заросшие зеленым мхом и водорослями. В протоку, как в столовую, прилетают на кормежку птицы.

Метрах в пятнадцати от берега на снегу мы соорудили шалаш из еловых веток и сидим в нем по очереди с фотоаппаратом или кинокамерой. На протоке идет бойкая весенняя жизнь, и, наблюдая за ней в щелки шалаша, мы забываем о съемках.

Первыми на протоку обычно прилетают маленькие звонкие кулички плавунчики. Они суетливо бегают по залитым водой камням и, потешно встряхивая головками, заглатывают лакомые кусочки, обнаруженные в самых мелких местах протоки.

Всегда внезапно плюхаются у шалаша на воду утки. Опустившись в протоку, они не сразу принимаются пастись на подводных нивах, а плавают вначале кругами и обрадованно побрякивают. Вот, мол, мы какие, нашли себе местечко, сейчас поплаваем и приступим. И вот уже торчат из воды, вздрагивая, как поплавки при слабой поклевке, утиные зады. Селезни кружат возле своих подруг, зорко охраняя их от посягательств менее удачливых соперников. Иногда из-за уток вспыхивают драки, но, едва начавшись, прекращаются, и недавние драчуны плавают рядом, мирно пощипывая подводный корм.

Важно расхаживают по дну протоки крупные кулики кроншнепы. Куда бы они ни шли на своих тонких ходулях, вода всюду им по колено. Кажется, что так вот, не замочив ног выше колен, они смогут перебрести и Таню.

На протоку прилетают и чайки. Они не бродят по воде в поисках пищи, а садятся на выступающие и обсохшие камни и, склонив головы набок, греются на солнце. При этом они, наверное, жмурятся, как кошечки, а может быть, и мурлыкают.

Иногда эту будничную птичью безмятежность нарушает тревога. Кулички с писком срываются и исчезают, утки поспешно плывут к берегам и жмутся к их отвесным снежным краям и к кустам, затопленным водой. По протоке, по ее берегам грозно скользит большая тень. Это хищник – орлан белохвост.

Тень уплывает, и снова появляются кулички. Шустрые, смешные птички. С ними не соскучишься.

– Насколько поднялась вода? – спрашивает Петр.

– Совсем не поднялась – отвечает Вилен.

– Ну это ты брось. Я же вижу, что промоина ниже лагеря увеличилась.

– На два сантиметра. И это, по-твоему, 'поднялась? Просто промоина стала чуть больше, потому что от солнца ослаб лед, вот и все.

Вилен регулярно следит за уровнем воды на реке. Он оборудовал для этого небольшой гидрост - забил под водой, в расщелину скалы, толстую палку; получилась своего рода водомерная свая. На нее два раза в день, утром и перед сном, он ставит рейку - тросточку с метками-надрезами. Большие надрезы через пять сантиметров, тонкие - через один.

Медленно прибывает вода, но перемены заметны. Река долбит, грызет ледовые поля, проступает сквозь снег на льду зеленоватыми пятнами или вдруг наплывает волной на льдины, слизывая с них снежную крышу. Давит на лед и ломает, отрывая его от берегов. Там, где два дня назад мы тащили байдарки на нартах, уже бьется о ледовые берега поток.

Порог ниже лагеря наступает на ледовое поле с другой стороны, неумолимо его подгрызая. Льдины откалываются, несутся по порогу и, проплыв промоину, упираются в ледовое поле. Там они толкутся, колотятся друг о друга и становятся на дыбы. Чтобы так и остаться на некоторое время или исчезнуть совсем, нырнув под ледовое поле.

- Нельзя плыть - говорит Борис, глядя на реку. - Чуть зазеваешься, затянет байдарку, как льдину.

- А когда лед пойдет сплошняком, думаешь, будет лучше?

Вилен сидит у костра и догрызает вторую утку. Сегодня у нас день здоровья. На завтрак каждому по две утки. Утки крупные, но Вилен ухитряется одолеть обеих.

- Если ледоход начнется сразу, лед быстро пройдет.

- А вдруг наступит так называемое продолжительное и сильное похолодание? И снова замерзнет река?

Вилен виртуозно справляется с дичью и рыбой. Сначала он съедает мясо и хрящи, а все косточки складывает в желтый мешочек. Этот мешочек у него как кисет. Когда мы останавливаемся для отдыха при движении на нартах, или если случится заминка на реке, и даже когда плывем на байдарках, Вилен достает косточку и начинает ее не спеша и тщательно разжевывать. В конце концов он съедает все кости, даже самые твердые. Всю куропатку или хариуса - с головы до хвоста. Но, несмотря на такой высокий коэффициент поглощения дичи и рыбы, Вилен внешне заметно сдал. Удлиненное лицо его осунулось и от этого стало казаться еще более вытянутым. Не очень-то упитанный и до похода, теперь он стал совсем поджарым. Хилый, хилый, но на удивление выносливый и терпеливый. Хотя бы раз за поход каким-либо образом дал понять, что тяжело... А косточки эти Вилен так чисто перерабатывает, конечно, не от страха возможной голодной смерти, это для него, некурящего, просто заполнение досуга. Как семечки. И если нет какого-нибудь походного дела или занятия, Вилена можно застать лишь за его любимыми двумя - вырезанием ложек из березовых чурок и поглощением косточек. Впрочем, часто эти развлечения Вилен совмещает.

- Будет похолодание, пойдем снова на нартах - продолжая разговор, отвечает Борис. - По крайней мере не так опасно.

Мы понимаем, что, если будет похолодание, придется впрягаться в нарты, но молчим. Не за этим мы ехали на Полярный Урал, чтобы тащить байдарки вдоль реки.

- Сейчас уже июнь. Шестое июня - говорит Петр. - Должно же наступить лето...

И снова молчим и, подкидывая ветки в потухающий костер, смотрим на реку. Вилен вырезает новую ложку и пережевывает очередную косточку. Мы тоже берем по косточке и начинаем их грызть. Делать больше нечего. Как это мы не догадались взять с собой на случай непредвиденной задержки с полсотни кроссвордов?

Облака упали на горы и остановились. Застряли, как льдины на камнях. За ночь похолодало, и посыпал редкий снег. Появилась надежда, что к середине дня снег перейдет в дождь, взбурхнут ручьи и речки и на Танью взломается лед. Но облака так и не превратились в ливень, лежали неподвижно на высоких горах и даже днем роняли снежинки. Поняв, что дождя не будет, мы решили сходить с Петром на разведку вниз по Танью, посмотреть, не вскрылась ли река там, ниже. Сидим тут, а может быть, в трех - пяти километрах от лагеря чистая вода...

За первым поворотом реки наткнулись на остатки лося. Из-под снега торчали ребра и обглоданный череп с шерстью на лбу. Вокруг было натоптано,

свежие следы направлялись вниз по долине. Мы решили, что это россомаха. Следы шли вначале по берегу, а затем, спустившись к воде, бросались налево, к речке, впадавшей в Танью. Речка оказалась глубокой, а вода в ней была темная, красноватого оттенка. Видимо, где-то в верховьях она текла через торфяные болота.

Напротив этой речки, справа от Танью, возвышался холм с голой вершиной. Мы подумали, что неплохо было бы туда взобраться.

Мы перешли на лыжах Танью через поток, текущий поверх льда. Мы втыкали под водой в лед палки и упирались в них лыжами, чтобы не снесло на скользком дне, и при этом неоправданно рисковали, но очень уж хотелось забраться на этот высокий холм, чтобы посмотреть, что там, дальше.

И вот теперь мы лезли в гору. Было тяжело, и Петр злился. Конечно, злился он не зря, потому что я шел сзади и все подсказывал, куда идти, какой выбрать путь, чтобы легче и быстрее забраться в гору. Действительно, как нянька. Тут мог взвиться и менее самолюбивый.

Мы обогнули холм с юга и вылезли на его вершину.

От холма во все стороны простиралась зима. Всюду снег. Лишь на юге виднелась бурая тундра, но и она была вся в белых пятнах – на тундровых озерах еще стоял лед. Хорошо просматривался и ближний участок Танью. Сверху видны были зеленоватые плети потоков, текущих поверх льда, и совсем открытые отрезки реки. Каждый из них кончался ледяным крошевом – полем колотого льда. Значит, местами уже прошел ледоход.

Там, где Танью просматривалась с холма, уже можно было плыть или проводить байдарки по чистой воде закраин. Но это только в горной части реки. При выходе на равнину Танью слегка заворачивала влево и была закрыта высоким гребнем, но дальше на юго-восток, там, где земля сливалась с серым повисшим над ней небом, виднелись белые извилины. Мы долго не могли их рассмотреть, так как их то и дело прикрывали тучи, проползавшие по склонам холма, на котором мы стояли. Но потом тучи разметало ветром, и мы увидели, что белые извилины – это Танью в тундровой ее части, ниже впадения крупного левого притока Сезымъегана. Значит, там, в тундре, река еще стоит и нет, наверное, ни закраин, ни потоков воды поверх льда. Только снег. Иначе извилины не были бы такими белыми.

– Странно, что нам не пришло это в голову раньше – сказал Петр – ведь Танью в низовье, перед озером Варчато, спокойная и глубокая, лед там нарастает толстый, а быстрого течения, чтобы его сдернуть, нет. Там, наверное, как на озере: лед держится, пока не растает на месте от солнца.

Да, похоже, что теперь-то мы уж точно в ловушке. До тундры еще как-нибудь доберемся. По закраинам. А там что? Восемьдесят километров по льду?

Петр молчал. Может быть, он подумал о том, что, когда вода в реке сильно прибудет, лед все же должен пойти: ведь бывает же ледоход на тихих реках у нас в средней полосе? А может быть, Петр мудро решил, что время разгадает все загадки. Надо только протянуть это время.

– Спускаться по Танью можно, но лучше дня два подождать – сказал Петр. – Вдруг пойдет лед и там, на равнине?

Да и в горах за это время река станет чище.

Я согласился. Конечно, надо ждать. Если начнем спускаться через два-три дня, мы все равно придем к Варчато ненамного позже, зато достанется нам этот путь гораздо меньшей ценой.

– Посмотри, какой красивый перекал – сказал Петр.

И правда, протоки, как кровеносные сосуды, расползлись по льду. И каждая своего цвета и оттенка. Голубые, зеленоватые, совсем зеленые. Наверное, это зависит от цвета льда и дна, на котором он осел.

Обратно через Танью мы переправились с большим трудом. Вода заметно прибывала, кроме того, потоком размывало лед, и стало глубже.

От переправы до лагеря было километров пять, но мы так измотались за день, что еле добрались. Последний километр пришлось еще тащить тяжелого глухаря, который вылетел из тайги и весьма неосторожно сел метрах в двадцати на голую листовницу прямо перед нами.

В лагере было тихо. Петр заглянул в кастрюлю, висевшую над остывшим костром, и обнаружил, что в ней лишь холодная вода. Из палатки доносился храп.

- Борис! - крикнул Петр.

В палатке завозились, затем Борис отозвался сонным голосом:

- Ну что?

- Почему не готов обед? Ты же дежурный!

- Сейчас приготовлю - ответил Борис и что-то проворчал еще. Мне послышалось, что он сказал: "Полковник... Привык командовать..." Не знаю, слышал ли это Петр, но он швырнул на землю глухаря и полез в карман за сигаретой.

Я подумал, что злится он зря. Мне тоже хочется есть, и в душе я также проклинаю Бориса, но раз у нас все так сложилось, надо стараться сдерживать себя.

К вечеру тучи разошлись, и появилось солнце. Только теперь, на ярком свете, мы заметили, как изменилось все вокруг. Не только на реке, но и на берегах. Бугор, на котором стояла наша палатка, почти совсем очистился от снега. Вылезла наружу и вся каменистая коса ниже лагеря. На кромке берега возле скал появились мелкие белые цветы. Среди них виднелось и несколько высоких растений с бутонами на бледных ножках. Бутоны еще не раскрылись, но сквозь тонкую водянистую их кожицу уже угадывалось что-то лиловое.

С протоки, где стоял наш шалаш, из тайги, с оттаявшей каменной косы -- отовсюду доносились крики птиц, сливавшиеся в один радостный вопль. И в этот весенний галдеж особым звуком врывается река. Слышались удары, шорох воды, волной прокатывающейся по ледовому полю и слизывающей остатки снега, вздох льдин, оторвавшихся от камней и береговых скал и всплывающих на поверхность воды.

Еще два-три дня - и река прорвется и потащит на своей спине лед.

- Слава, что ты собираешься делать дальше? - спросил

Борис, когда мы расправились с обедом. - Пора двигаться вниз.

- Зажирели уже. Хочется пошевелиться - сказал худой как скелет Вилен.

Похоже было, что Борис и Вилен все тут обсудили и все решили, пока мы с Петром ходили на разведку.

- Надо подумать. Не все так просто.

- А чего ждать-то? Вода прибыла, она почти всюду течет поверх льда, много чистых закраин.

- Извини, Боря, но мы с Петром и поднимались на гору как раз для того, чтобы посмотреть реку и решить, что же делать... И видели мы больше, чем можно разглядеть из лагеря...

Борис воткнул топор в ствол стоявшей рядом лиственницы.

- Может быть, ты не спешишь, а у нас кончается отпуск.

Интересно, у кого это "у нас"? Отпуск кончается у всех, но это не значит, что надо лезть на рожон. И для чего - чтобы через два дня упереться в ледовое поле там, где Таню выходит в тундру?

- По реке можно идти лишь километров десять или пятнадцать. А дальше лед стоит, и...

- Ну и хорошо, пройдем хоть десять, а потом будем думать, что делать дальше...

- ...и не видно просвета. Поэтому вряд ли есть смысл трогаться сегодня же. У нас здесь хороший лагерь. Рядом протока, на которой удобно охотиться. Недалеко ушли от того места, где ловили рыбу. Заботы о питании здесь не будет, а на ходу вряд ли мы сможем добывать дичь и рыбу... Кроме того, идти сейчас тяжело и очень опасно.

- А ты знаешь, что будет здесь через два дня? Может быть, пойдет такой лед, что в реку не сунешь и носа?

- Тогда и там, куда доползешь за эти два дня, тоже нельзя будет плыть. Зато лотом, когда пройдет основной лед, за три часа можно будет пройти то, что сейчас обойдется в двое суток.

- Откуда ты все так хорошо знаешь?

- А я ничего не знаю, я лишь предполагаю. В нашем положении, к сожалению, только это и остается делать.

Мне вдруг стало ясно, что все это пустой разговор. Еще немного, и мы опять собьемся на тему: "А ты кто такой?"

- Давайте решать вместе. Ты за то, чтобы двигаться вниз сейчас, я - через два дня. Ты, Вилен?

Вилен продолжал сосредоточенно вырезать ложку. На этот раз он задумал,

видимо, сделать черпак – такую большую он взял березовую чурку. Мне показалось, что Вилен не слышал вопроса, но он, не отрываясь от ложки, ответил:

– Все равно. Могу подождать, могу и плыть сейчас. Мне трудно судить, я ведь на разведку вниз не ходил.

– Петр?

– Ждать здесь. Два дня, не меньше.

Борис плюнул в костер и сказал так, словно плюнул и в лицо Петру:

– Конечно, что Слава, то и ты. Подпевала!

Раздался треск. Петр так быстро вскочил с толстой палки, на которой сидел, что она переломилась. Потом вдруг появилось серое облако, и сквозь него я увидел, что Борис лежит на земле за костром, а по эту сторону костра – Петр, пригнувшийся перед новым прыжком. В медленно оседающем облаке золы я разглядел также, как Борис быстро поднялся, схватил обгоревший кривой сук и приготовился кинуться на Петра. Но на Бориса бросился сидевший с ним рядом Вилен и повис на нем, уцепившись руками за палку. Я схватил сзади Петра и потащил его в сторону.

...Петр надел лыжи и куда-то ушел. Наверное, мне надо было пойти за Петром, присмотреть, чтобы не влетел куда-нибудь сторяча. Может быть, и надо было, а может, и нет. По правде говоря, мне уже надоела педагогическая деятельность. И вообще я даже рад был, что Петр ушел. По крайней мере пока он вдали от Бориса, продолжения не будет. Впрочем, куда уж дальше... Дальше только... Мне лезли в голову всякие нелепые мысли, и я собрал все патроны, которые у нас были в разных местах, сложил их в коробку, крепко завязал и сунул себе в рюкзак. Ружье я положил в палатку, под мешок. Охотничий нож свой, торчавший в дереве, спрятал в ножны. И топор – выдернул его из лиственницы и бросил на землю в сторону от костра.

Итак, что будем делать дальше? Ясно одно – нам надо быстрее выходить из тайги. Волчок снова наклонился и может завалиться. Не подходим мы друг к другу. Не совпадают группы характеров. К сожалению, мы не можем расстаться тотчас же, мы связаны одной ниточкой – называется она Танью. И тюка эта ниточка не кончится, придется друг друга терпеть.

Дело, видимо, еще и в том, что сидим мы сейчас без занятия и без движения. Но не глупо ли ломиться вниз по реке только потому, что это лекарство? Может быть, и не глупо.

Петр вернулся из тайги к ночи. Молча снял лыжи, потряхнул с них рукавицей снег и приставил к лиственнице. Посмотрел на них и перенес на другую, солнечную, сторону. Повесил рукавицы на сучок и стал шарить на земле вокруг костра. Нашел два крохотных окурка, выдавил остатки табака из них на обрывок газеты и скрутил тонкую трубочку. Снял штормовку, пристроился удобно у костра, прикурил от горячей ветки и, затаившись, сказал, обращаясь к Вилену:

– Видел сейчас двух белочек. До чего хороши! Меня не замечают, бегают друг за другом по веткам. Крутятся на дереве, как в колесе. Пожалел я, что не было со мной кинокамеры.

– Только сеть возьмем? – спрашивает Борис – А спиннинг или леску с мушкой брать не будешь?

– Сеть одну. Возиться еще с удочками.

Мне действительно не хочется рыбачить. Вся эта затея лишь для того, чтобы было какое-то занятие. Ставили мы уже сеть тут, возле лагеря, но ее всю забило тиной. Вода прибыла, пошла мелкими протоками и, смывая траву с камней, понесла ее в реку. Тогда Борис и предложил сходить километров за пять от лагеря, на приток Танью – может быть, там повезет.

За рыбой мы собираемся втроем. Петр посидит с ружьем в шалаше на мелкой протоке. На Петра я рассчитываю больше, чем на нашу рыболовную экспедицию.

Из лагеря выходим почти одновременно. Петр, ощупывая палкой лед, переходит на лыжах через реку и скрывается на острове, в лесу. Там, за густым лиственничником, стоит шалаш.

А мы метрах в пятидесяти от лагеря, сразу за нашей проталиной, натываемся на большие свежие следы.

Медведь направлялся прямо к палатке, но, учуяв нас, резко свернул в тайгу. Похоже, что он где-то близко. Нам-то что, нас трое, и мы уходим, но как там Петр? У него, правда, единственное наше ружье, но он один...

Мы кричим Петру, чтобы был осторожнее. Ответа нет, хотя Петр, конечно, должен нас слышать - он всего лишь в сотне метров от нас, в тихой протоке. Наверное, на протоку только что сели утки и Петр молчит, чтобы их не спугнуть. И мы отправляемся своим путем, вверх по Танью.

Река очень изменилась. Там, где мы везли байдарки по сне-г"у на нартах, теперь течет вода. Камней на перекатах уже не видно, лишь белые буруны над ними. Конечно, мы поторопились уходить из первого лагеря. Я вспоминаю, как тогда Борис рвался в тайгу один, чтобы снимать скалистый каньон. И весь тот разговор. Труха это все - авторитет, принцип, самолюбие. Надо было тогда задержаться дня на три, на четыре, поснимать вдоволь, поохотиться, покататься со склонов на лыжах. Глядишь, и вода к этому времени подошла бы. Ясно, что я тогда в чем-то сделал ошибку. Но не делаю ли еще большей ошибки сейчас, задерживая выход?

Мы идем, молчим. Тень случившегося лежит между нами, и не тянет нас разговаривать. Что ж, тем лучше. Иди себе, поглядывай по сторонам, наблюдай весну. А если что в голову лезет, жуи и проглатывай это сам.

Вернулись мы без рыбы. Едва поставили сеть, как ее забило тиной. А Петр пришел с добычей - у костра валялись три утки. Но самого его в лагере не было. Не видно и ружья. Мы решили, что, сварив ужин, он снова отправился на охоту и засел в шалаше, но тут Вилен увидел Петра на косе. Он устроился на толстой коряге, перед ним, на подставке, был неоконченный этюд. Петр писал маслом реку, и горы вдали, и оранжевое с сизым вечернее небо. Рядом на кольшках, издали похожее на ручной пулемет старого образца, лежало ружье. Он увидел нас и направился к палатке. Вид у него был радостный и немного растерянный.

Оказывается, пока мы совершали свое безуспешное путешествие за рыбой, тут происходили волнующие события.

...Убив трех уток, Петр вернулся в лагерь, и в этот момент прямо над костром пролетел глухарь и сел на дерево где-то недалеко. Петр зарядил ружье патронами с крупной дробью и направился в тайгу за глухарем. Ну и, конечно, налетел на медведя (нашего предупреждения он не слышал, возился в это время в шалаше, устраиваясь поудобнее). Увидел он медведя метров с десяти, испугался - и драпу. Запутался в кустах лыжами, упал, выронил ружье, и оно, как назло, нырнуло под снег. Вначале пытался найти, но вдруг ему показалось, что сзади затрещали сучья; Петр бросил все и мигом вскарабкался на ближайшую лиственницу. И тут увидел на соседнем дереве глухаря, с любопытством на него взиравшего. Картинка, конечно: глухарь и Петр сидят рядом на деревьях... Посидели они так рядом, а потом мирно расстались - Петр спустился с лиственницы за лыжами и ружьем, а глухарь улетел своей дорогой.

- Все ясно: пока вы там с глухарем сидели и смотрели друг на друга, медведь пришел в лагерь и съел весь компот - сказал Вилен, проверив содержимое кастрюль.

Борис громко засмеялся. Пожалуй, он смеялся впервые за последнюю неделю.

А перед сном, когда мы с Петром остались у костра одни, я все же не удержался:

- Ты и шутник, Петр... Полез от медведя на дерево. Он бы тебя стряхнул оттуда, как шишку...

- Так интереснее.

- Что интереснее?

- А ты не понял?..

...Увидели медведя мы все вместе. Когда укладывали вещи в байдарки, готовясь отплыть вниз.

Медведь появился у реки метрах в двухстах выше лагеря. Когда мы его заметили, он стоял на снегу и смотрел в нашу сторону. Можно было подумать, что он прощается с нами, понимая, что теперь мы поплывем по вышедшей на лед воде и ему за нами уже не угнаться. Но скорее всего он с нетерпением ждал, когда же мы наконец уберемся отсюда, чтобы прийти на место лагеря за обедками. Бедный голодный зверь, поднятый весенним теплом из берлоги и тоскливо шляющийся по тайге в поисках пищи, немного же поживы останется тебе после нас. Особенно после Вилены.

Медведь постоял и побрел к реке. Мы гадали, как он будет через нее перебираться: там, куда подходил медведь, уже чернела полоска воды. Поплывет

или перепрыгнет?

Но медведь оказался не таким уж простаком. Он подошел к воде, понюхал ее и побрел по кромке льда вверх по течению, туда, где через всю реку тянулась полоса льда. Тогда мы решили, что медведь все-таки провалится там на ледовом мосту. Но он и тут не доставил нам удовольствия – постоял на льду и по каким-то только ему ведомым приметам, выбрав место, где лед крепче, проворно проковылял по нему на другой берег и, оглянувшись еще раз на наш лагерь, скрылся в тайге.

### На хвосте зимы

Байдарки уткнулись носами в берег. На камнях – костер. Яркое солнце. Мы сидим без рубашек, но даже вдали от костра, у реки, тепло. Метрах в тридцати ниже байдарок река кончается. Дальше – крепкое ледовое поле. В тупике нагромождение льдин. Мы молча смотрим на прыгающие по веткам языки пламени.

С реки доносится гул. Затрещало, сломалось ледовое поле, и двинулись льдины, выталкивая одна другую на берега. Но до ледового моста ниже нас дело не дошло. Это еще не сплошной ледоход, а местное событие. Подвижка. Теперь мы глядим не на костер, а внимательно наблюдаем за рекой выше, готовые в любой момент, если пойдет лед, выдернуть байдарки дальше на берег. Но лед неподвижен. Мы быстро обедаем и "отплываем" вниз – берем байдарки и, не разгружая их, вчетвером переносим каждую метров на сто, за ледовый мост. Там начинается узкая закраина, и на другом, правом, берегу тоже видна полоса воды. По правому берегу идти лучше, там нет ни кустов, ни снега, лишь узкая лента вытаявшей на солнце гальки.

- А ну, взялись за борта – командует Петр.

Мы вытащили одну байдарку на ледовое поле посередине реки, и теперь нам предстоит перетащить ее в закраину вдоль правого берега. Всего метров на двадцать. Нам не хочется возиться с нартами – отвязывать их с кормы, ставить на них байдарку, тянуть затем, поддерживая, чтобы не перевернулись. Мы думаем, что легче просто продернуть байдарку на руках. Аккуратно приподнимая, чтобы мерзлым, шершавым льдом не содрать заплатки с оболочки.

- Взяли... И-и-и раз! И-и-и раз!

Байдарка повисает на наших руках, делает рывок вперед и опускается на лед. И снова – повисла, рывок, на лед. Так мы подтаскиваем к закраине обе байдарки.

- Осторожно! – кричит Борис.

Он идет первым, тянет байдарку на бечеве и медленно, ощупывая лед сапогом, приближается к кромке льда. У закраины кромка тонкая, изъеденная течением, вся в раковинах и дырах. И прозрачная как стекло, такая, что под водой еле видна.

Под ногами у Бориса лопаются льдины, но он успевает спрыгнуть с нее на выступающий из воды большой полосатый камень. Вилен хватает байдарку за нос и толкает ее по воде к Борису, а затем вместе с Борисом подтягивает ее к спускающемуся в реку снежнику.

- Лед! Лед! – кричит сзади Петр.

Ледовое поле, на котором он стоит, вдруг поползло. Захрустело вдоль берегов. Затем раздался звук, словно лопнула натянутая туго веревка, и через всю реку пробежала извилистая, как молния, трещина. Полоса воды между берегом и льдиной быстро увеличивается.

- Прыгай, Петр! – кричит Вилен. – В воду, к берегу!

- Байдарку! Байдарку ему толкни! – Это Борис.

- Лови! – Я бросаю Петру весло, и в этот момент льды вдруг останавливаются. Ничего страшного не случилось, никакого ледохода, просто опять подвижка. Петр бросает весло обратно и, подтянув голенища сапог повыше, спускается с льдины на дно и по камням доходит до берега.

Отдохнув, мы снова идем вдоль закраины. Петр по льдине, а я берегом. Барахтаюсь в снегу, то и дело проваливаясь в него выше голенищ длинных резиновых сапог. Но мне обязательно надо идти по снегу, чтобы продергивать байдарку в узких местах.

Метров через триста колотые льды занимают всю реку. Закраины никакой нет, и нам приходится пробираться сквозь льдины, расталкивая их веслами и ногами.

- Дави вниз вот эту, длинную! Под лед ее, под лед!  
- Взяли за борта все вместе. И-и-и раз!  
- Вилен! Борис! Ногами на льдину. Топите ее. А мы над ней проведем байдарку. Так... Пошла!

Обманутая льдина с шумом всплывает позади байдарок.

- А теперь протопчем канал в снегу. Для байдарок. Ну, пошли все сразу. Шире... Шире!

Великое дело - опыт. Еще вчера, двинувшись вниз по Таню после долгой стоянки на бугре, мы чувствовали себя на льду, как коровы. Резиновые копыта наши, правда, не разъезжались, но они подолгу и нервно ощупывали лед в поисках надежной опоры. И все равно мы проваливались. И от этого становились все осторожнее и старались не ходить по льду без лыж. Они у нас всегда наготове, на деках байдарок. Причалив к льдине, мы сбрасывали на нее лыжи и, надев их, вытягивали байдарки и тащили на нартах к ближней полынье или закраине. В первый день после стоянки мы боялись ходить по льду, А сегодня как-то сразу, с утра, у всех нас появилось чувство льда. Как будто это привычное дело - плыть по весенней реке. По цвету, по виду кромки, по слою воды или снега сверху льда, по характеру берегов мы научились определять, что за лед перед нами. И теперь уже ходим по нему без лыж. Когда тащим байдарки на нартах по ледовому полю, идущий впереди берет лишь весло и держит его поперек, как шест. Всматриваясь в лед впереди, он обходит опасные участки - темные промоины, отверстия, трещины, обглоданные рекой кромки льда. А когда надо сталкивать байдарку в воду с края льдины, мы крепко держимся за оба фальшборта. Треск лопающейся под ногами кромки - и мы уже внутри, на своих сиденьях. А вода прибывает. Это хорошо видно на крепких еще ледовых полях, прилипших к дну и берегам. Сквозь дыры в льдинах, сквозь трещины вода выбивается фонтанами, как из родников.

На некоторых перекатах лед не потрескался и не оторвался от камней - так и лежит на дне, придавленный несущимися сверху потоками. Вода сверху кажется зеленоватой от сорванной с камней тины, от льда, просвечивающего насквозь.

Байдарки в потоках, несущихся поверх льда, плывут лихо, и даже на мелких участках, задевая лед днищами, они не снижают скорости и соскальзывают на глубину.

Посреди переката - остров, покрытый снегом, И камни, проступающие сквозь снег. На острове олени. Четыре оленя. Они пощипывают тальник. Нас еще не видят.

Я хватаю Петра за плечо.

- Тише...

Машу рукой Борису. Они с Виленом немного отстали. Машу и показываю в сторону оленей. Борис заметил и все понял. Он склонился над байдаркой и ищет там кинокамеру. Достал и, пригибаясь, спешит по воде, а затем по снегу к оленям. Они все еще нас не видят. Мне тоже хочется вытащить из-за пазухи фотоаппарат, но мы с Петром, как назло, стоим в воде на быстрине, и байдарку разворачивает и прижимает потоком к льдине, застрявшей на мели. Мы забываем про оленей и, вцепившись в фальшборта, пытаемся выправить байдарку и поставить ее вдоль потока. Когда нам это удастся, мы видим, что Борис уже метрах в тридцати от оленей. Они с любопытством разглядывают Бориса и потихоньку удаляются. Наверное, им не хочется уходить с острова, лезть в воду и переправляться через протоку, забитую застрявшими на камнях льдинами. Борис опустил на колено и провожает объективом оленей. Потом хватается из-под снега камень и бросает в них. Не нравится ему, что олени идут так медленно, как домашние. Они должны мчаться в сверкающих брызгах воды и снега. Тогда это будут кадры... Олени, словно поняв, что надо Борису, припускают, и брызги, воспламеняясь на солнце, разлетаются далеко в стороны. Сейчас они уйдут в тайгу. Я спохватываюсь, достаю фотоаппарат и, забыв про байдарку, чуть приседаю к воде и щелкаю затвором. В последний момент я замечаю, что в кадре не только олени, но и весло, и искаженное лицо Петра, еле удерживающего байдарку в потоке. Я прячу аппарат назад за пазуху и, уже схватившись за байдарку, слышу крик Вилены:

- Лед пошел!

Выше острова лопается лед. Мы видим, как мечется Вилен. Сначала он бросается по воде к берегу и пытается вытянуть к себе за веревку байдарку.

Но она уже застряла в льдинах и вместе с ними ползет по течению. Тогда, перелезая с льдины на льдину, Вилен добирается до байдарки, прыгает на нее, как на лошадь, верхом и хватает весло. Ясно, что он хочет остаться на байдарке в ледоходе, чтобы попытаться спасти ее. Пролететь среди льдин в затишье, на чистую воду. А сам он полагается на свой спасжилет. Все верно, но Вилену надо помочь. Я оглядываюсь, чтобы крикнуть Борису, и вижу, что он, ничего не замечая, продолжает снимать оленей, уже выбравшихся на берег и поднимающихся по крутому снежному склону. Тогда мы с Петром вытаскиваем свою байдарку по снегу в кусты на остров и по льдинам бежим наперерез Вилену. Ниже острова порог, и видно, как льдины налетают там на камни, сталкиваются друг с другом и лезут на груды льда на отмелях. Надо успеть... Мы подбегаем к Вилену и втроем волочим байдарку по льдинам к острову. Наверное, с днища ее отлетают заплатки, но мы об этом не думаем, мы перепрыгиваем через разводья между льдинами и продолжаем тащить байдарку к берегу. Проваливается, едва успев схватиться за фальшборта, Вилен, я падаю на льдине, вымокнув в луже талой воды, и перед самым порогом, впрыгнув в байдарку со льдины, мы подплываем к острову.

Проваливаясь в снегу, к нам бежит Борис, но, увидев, что все в порядке, останавливается и, вскинув на плечо, как двустволку, кинокамеру, снимает. Вначале нас, а затем проплывающие мимо льдины. И стаю гусей, словно по заказу налетевшую с юга на остров и взмывшую над нами вверх. Так и надо. Снимать в любых условиях. И чем напряженнее события, тем важнее снимать. Такое не повторяется. Такое особенно ценно. Мало толку без конца утюжить объективом солнечный пейзаж. Вода, льдины, снежные горы вдаль, пушистые сережки ив на переднем плане. Это сможет всякий. А вот попробуй снять байдарку, затертую льдинами, когда дождь а ветер, когда напарник твой только что окунулся в реку и сам ты побывал в ней полчаса назад. И чтобы в кадре была не только эта суровая действительность, но и вязкая дымка над рекой, или причудливое облако над горами, или извилистая струйка потока.

Сколько упущенных кадров во всех прошлых странствиях!.. Самых ценных, неповторимых... Из-за того, что ты устал или замерзли руки, из-за боязни покинуть теплое местечко у костра, просто из-за лени. И каждый раз, возвратясь домой и проявив пленки, клянешь себя за бездеятельность и нерасторопность и думаешь, что вот уж в следующий раз... Но приходит время, появляются эти "самые-самые" кадры, и опять не хочется вылезать из палатки ранним утром, когда густой, как сметана, туман еще висит над рекой и прорываются сквозь него зыбкие очертания деревьев и палаток. И опять лень карабкаться на скалу, чтобы оттуда, сверху, снять крохотные байдарки, плывущие по реке и разом, как магнитные стрелки, поворачивающиеся у препятствий на пороге. И не тянутся руки к камере, когда происходит вдруг исключительное событие, участвовать в котором ты по каким-то причинам не можешь - лишь тарачишь глаза в праздном любопытстве.

...Байдарки собираются вместе. Мы поглядываем на реку. Лед прошел. Опять был не решительный ледоход, а просто вскрылся кусок реки.

Выше порога - чистая вода. На пороге видны узкие свободные ото льда проходы. Ниже тоже чистая вода. И только далеко, ниже по течению, видна белая полоса. Там лед остановился, натолкнувшись на другое крепкое поле или на отмель.

Порог вполне проходим, это хорошо видно с острова. Немного неприятно лезть в нагромождение льдин, но ничего не поделаешь. Мы плывем к порогу.

- Левее! - кричу я, едва мы входим в слив, но, сообразив, что вторая байдарка в гуле воды меня не слышит, я поднимаю весло и машу им влево. Левее - потому что поток бьет в завал льда на правом берегу и надо от него подальше.

Пронесятся мимо стоящие торчком льдины. Свежие, только что пришедшие сверху подмяли лежавшие раньше и уже изъеденные солнцем. Льдины искрятся, играют бликами и угрожающе неподвижны. Мы машем веслами и, выписывая повороты в извилистом потоке, выкатываемся на тихую воду. Позади нас над льдинами тоже сверкают весла.

Через проталину на левом берегу прокатывается белый комок, скрывается на снегу и снова выскакивает на проталину. Заяц. Не оборачиваясь и не замечая нас, он спешит куда-то по своим делам.

Слышен свист крыльев. Рядом с байдаркой плюхается на воду стая уток.

Северные, черные с белыми ошейниками. Они опасно поглядывают на нас, побрякивают и не спеша отплывают в сторону.

Из-за льдин выскакивает вторая байдарка., Борис и Вилен перестают грести. Борис вытаскивает камеру, снимает нас и уток рядом. Потом мы опять беремся за весла и плывем по чистой воде туда, где видно следующее ледовое поле. Перед ним мы будем ночевать. Хватит на сегодня – за день мы проплыли и протаскились по льду и снегу километров пятнадцать. Немного, конечно, но по сравнению со вчерашним днем, и тем более с пятью предыдущими, это уже кое-что.

- Боря, поддержи-ка – говорит Петр.- Вот здесь, за лыжу... А я пока натяну веревку.

Петр сидит на сухой прошлогодней траве рядом с перевернутой байдаркой и что-то мастерит из лыж и веревок. И руководит, стараясь привлечь и остальных к своему занятию. Всегда так: когда что-нибудь начинаешь делать, хочется втянуть в это дело и других.

Петр увлечен работой и весь как-то приободрился. И лицо его, еще недавно выглядевшее утомленным, засияло, посвежело. И задиристо торчит клинышек его монгольской бородки.

- Тяни! – кричит Петр.- Тяни веревку сильнее! Вилен... Слава... Подержите лыжи с другой стороны. И у кормы тоже.

- Ничего у тебя не выйдет – говорит Борис, помогая Петру.- Развалится все это устройство, едва стукнется о льдину.

- Выйдет. Еще как выйдет. Держи.

Петр задумал соорудить подстил под байдарку. Из восьми лыж – наших с ним четырех и четырех от нарт. Шесть лыж с обрубленными носками будут в середине, одна, загнутая – с носа и одна – на корме. Идея простая: лыжи, прижатые веревкой снизу к оболочке байдарки, должны защитить ее от ударов о камни и льдины. На таком подстиле без всяких нарт можно будет перетаскивать байдарку по льдинам, по снегу. Быстро, никакой возни с нартами, устойчиво.

По замыслу должна получиться байдарка-вездеход, но пока неизвестно, получится ли и не сорвет ли с нее этот подстил первым же хорошим ударом.

Петр убежден, что подстил будет работать. Разве можно, сомневаясь, с таким азартом загигать на камнях гвозди, чтобы сделать из них петли для закрепления веревок? Разве можно, сомневаясь, сидеть у байдарки три часа, забыв про ужин? И это после трудного дня!

Петр просто великолепен в своем конструкторском порыве. И пусть не сразу у него выходит все так, как задумано. Главное, что он творит, трудится и верит, что это необходимо.

Главное – верить.

- Хороши были олени – говорит Борис.

Костер у нас под высокой елью, на сухой хвое. Чтобы она не загорелась и не подпалила корни ели, Петр принес в большой кастрюле воды и выливает ее из кружки кольцом вокруг костра. Вилен вырезает ложку.

- Домашние олени-то – отвечает Вилен.- Поэтому и подпустили так близко.

- Дикие, – не соглашается Борис – У домашних должна быть веревка на шее. А у этих ты видел?

- Домашние. Просто давно отбились от стада, и веревки истлели и оборвались о сучья.

- Это другое дело – давно отбились. Значит, не домашние, а одичавшие. Такие олени называются... Забыл как. В общем стрелять их не только можно, но даже нужно. Чтобы не выманивали и не уводили из стада в тундру действительно домашних.

- Куда тебе – стрелять их – говорит Вилен.- Мяса мало, что ли?

Он кивает на нижнюю сухую ветку ели, на которой висят пять уток и глухарь.

- Мясо-то есть – говорит Борис и замолкает, не зная, что сказать, чем оправдать даже не осуществленную, а воображаемую охоту на одичавших оленей.

У костра в большой жестяной коробке, в медицинской аптечке, роется Петр. Оборудование байдарки подстилом он закончил – на берегу лежит перевернутая черная туша с лыжами на брюхе. Туша эта готова к испытаниям. Но пока Петр намерен заняться врачеванием. А необходимость в этом есть. У Вилены белым налетом покрыты щеки, лоб, нос. На губах огромные волдыри. Опухли уши. Все от солнца.

Носы у нас у всех обгорели, но этого хоть не чувствуешь, а вот руки... От ветра, от воды, от холода и солнца кожа на пальцах и на ладонях потрескалась. Руки болят. Еще не притерпелись, еще линяют, как говорит Вилен, с городских на таежные.

Петр достает из жестяной коробки какую-то мазь и аккуратно выструганной палочкой ровно размазывает ее Вилену по щекам и по носу. Затем он всем нам этой мазью покрывает трещины на руках и перевязывает их бинтами.

Петр много что умеет и любит делать, но врачевание, безусловно, одно из главных его умений. Еще на пути к Уралу он вылечил двух встретившихся нам больных. Одного простудившегося в поезде, а другого - с нарывом на руке - уже в Елецком, в зале ожидания. Особенно Петр любит хирургию. Вскрыть нарыв, промыть глубокую ссадину, вытащить занозу из-под гноящегося ногтя - для него обычное дело. Очевидно, это осталось с войны, когда, не дожидаясь санитаров, приходилось помогать товарищам.

Я смотрю, как заботливо Петр лечит Бориса, как Борис мирно с ним беседует, и просто не могу представить, что три дня назад..,

С утра на закраинах - тонкий ледок. И сосульки на притулившись у берега льдинах. Значит, ночью и даже с вечера, когда еще светило солнце, был мороз. Мы его проспали, не заметили.

Ледок, как ножом, режется лыжным форштевнем нашей оборудованной подстилом байдарки. Когда разгоняешься в потоке, где есть течение и где лед ночью не вырос, и вылетаешь на замерзшую закраину, раздаётся такой звук, словно рвется длинный кусок брезента. И мы невольно смотрим на дно байдарки - не появится ли вода, и, лишь привыкнув к треску вспарываемого ледка, плывем, не обращая на него внимания.

Все-таки это вещь - подстил, который соорудил Петр. Мы не знаем теперь забот, когда надо преодолевать ледовое поле. Мы выбираем место, где оно вровень с водой, разгоняемся на веслах и с ходу залетаем на льдину, подминая под себя ее тонкую кромку. Если сильно разогнаться и льдина попадет скользкая, залитая водой, можно выскочить на нее полностью, так что за кормой байдарки до воды остается еще метра два. Тогда мы вылезаем с Петром на крепкий лед и тянем по нему байдарку без всяких нарт до следующего разводья.

Борис и Вилен плывут по-прежнему, с нартами на корме, и перетаскивают байдарку через лед на нартах. Времени и сил это требует больше, и они часто отстают. Тогда мы останавливаемся и отправляемся назад, помогать Борису и Вилену.

Борис покорно предоставляет нам места у фальшбортов, и мы вчетвером выдергиваем байдарку из воды и ставим на нарты. Борис давно признал, что напрасно он тогда посмеялся над Петром: подстил штука стоящая. Но сам на свою байдарку подстила делать не хочет. Говорит, что лед скоро кончится.

Нам с Петром что-то не верится. Мы же видели с холма белую ленту реки. Она шла далеко вниз. Не может река очиститься так быстро. Но мы не спорим - пробираемся по закраинам, залетаем с разгона на ледовые поля, тащимся по льдинам. Поплывем - увидим.

И вдруг впереди вода. Большая вода, на пятьсот метров, на километр. Такого еще не было. Неужели здесь и всюду ниже лед уже сошел? Остались лишь льдины на берегах? Но почему тогда течение такое медленное? Где-то недалеко отсюда в Танью впадает тундровая река Сезымьеган - может быть, в ней много воды и это подпор от нее?

Мы плывем по чистой воде. Вдали поперек реки появляется белая полоса. Мы подплываем ближе и видим скопление льдин, за которым река словно исчезает. Нет, она есть, но вода там ниже метра на два или на три и едва сочится по камням.

Это плотина. Ледовая плотина. Мы быстро плывем к берегу. Я посматриваю искоса на плотину и представляю, как все будет, если плотина вдруг прорвется, как начнут там громоздиться друг на друга льды, и молотить нас, и корезить...

Наконец мы причаливаем к льдинам у берега и облегченно вздыхаем. Пронесло.

Но еще не совсем пронесло. Надо еще перелезть через льды на краю плотины. И уйти от плотины на достаточное расстояние - если она прорвется, пока мы рядом с ней внизу, будет не легче.

Лед под ногами хрустел и расползался, и ноги проваливались в него, как в жидкую грязь, по щиколотку. Лед стеклянно звенел, и отдельные льдинки выскакивали наружу и переливались на солнце. Весь верхний слой льда состоял из острых сосулков толщиной в палец, плотно подогнанных друг к другу, словно воткнутых в настоящий крепкий лед. А крепкий лед был внизу, под ледяными иглами, поэтому мы и не проваливались глубоко. У краев ледяные иглы в воде не видны совсем, и льдина легко пробивается вешлом.

Ледяные иглы – это проделки весны. Она способна и не на такое. На перекате, ниже ледяной плотины, мы видели кусок льда, похожий на коралл. Обломок льдины, изглоданный потоком, выбросило течением на отмель и там перевернуло, явив свету творение весны. И еще подправило солнцем, ветром и придало ему вид произведения абстрактного искусства.

Весна, всюду властвует весна. На берегах – цветы, залитые водой. Желтые шарики сережек, рассыпанные по затопленным кустам. Птичий гомон в протоках за прибрежными деревьями. Плавные и высокие круги орланов белохвостов над огромными, как копны сена, гнездами, насаженными на сухие верхние сучья самых больших лиственниц.

Мы ушли уже далеко от гор, и с обоих берегов Танью за узкой, как забор, полосой леса проглядывалась темная низина.

Снег по берегам уже кончается. Скоро ли кончится лед на реке?

– Ну? – торжествуя, сказал Борис. – Что я говорил?!

Мы только что перебрались через ледовое поле и вышли к

чистой воде чуть выше Сезымъегана. На последнем участке было особенно трудно – льдины забили всю реку, но сами они были небольшие и тонули, стоило только надавить близко к краю. Пока мы через них перелезли и перетащили байдарки, отмотали все плечи. А под Виленом, самым худым и легким из нас, опять обвалился край льдины: это, если считать все ледовые купания по пояс и выше, было у него четвертое.

И вот мы дошли до Сезымъегана, и льда на Танью уже нет. Лед как отрезало. Мы даже доплыли до крутого поворота и заглянули за него. Там далеко тянулся прямой участок реки, и льда на нем не было.

– Надо же – задумчиво сказал Петр. – А ведь видели мы лед с вершины... Наверное, сорвало водой, которая подвалила из тундры по Сезымъегану.

На берегу, куда мы пристали, валялись остатки дощатого ящика и разбитая бочка без дна. Первые человеческие метки на нашем пути. До этого нам не попадалось на глаза ничего, что выдавало бы хоть давнее присутствие человека в этих краях. Ни зарубок, ни старых пней. А тут эти знаки – ящик и бочка – и чистая вода на Танью, и я вдруг почувствовал, что наша ледовая страда скоро должна кончиться. Может быть, она уже кончилась и через три-четыре дня мы выйдем в жилые места.

На снегу на другом берегу реки виднелись следы полозьев. Это нарты оленеводов. Они проезжали здесь неделю назад, не больше, раз еще видны следы. В той стороне, куда шли следы, залаяла собака. Мы прислушались. Тихо.

– Что мы стоим? – спросил вдруг Вилен; мы повернулись к нему и увидели, что он мокрый и посиневший от холода. – Надо варить ужин и быстрее ложиться спать, чтобы раньше отправиться дальше вниз. Надо плыть, пока чистая вода. Кто может поручиться, что сверху не подойдет лед и не забьет реку? Что мы – по льдинам не наплзались?..

Словно подстегнутые, мы бросились в лес за кольями для палаток, за дровами, стали рубить остатки бочки и разводить костер.

Когда ложились, я заметил, что неба над головой нет. Ни облаков, ни синевы. Все серое, затянутое не то туманом, не то низкими тучами. Мы взяли спальные мешки и затащили их в палатку,

...Проснулись мы от солнца. Оно нагрело крышу палатки и торцовую стенку, и стало душно. Было семь утра. Река по-прежнему поглядывала на нас чистой водой. Мы согрели чай, стоя перекусили и бросились сворачивать лагерь.

– Не думал раньше, что байдарка такая быстроходная посудина – сказал Петр, когда мы проплыли километра три. – Видишь наклонное дерево справа? Мы дойдем до него минут за двадцать. Замечай... А четыре дня назад на такое расстояние мы тратили несколько часов!

Борис и Вилен плыли рядом.

– Вот бы все время была чистая вода – сказал Борис. – Без ледовых полей,

без заторов... Сейчас бы уже сидели в поезде и пили пиво.

Вилен промолчал.

- Представляете - продолжал Борис, - приезжаем в Москву, а там в разгаре международный кинофестиваль. И вот ты идешь на вечерний сеанс с подружкой под руку, в белой рубашке, и от костюма твоего не тянет за версту ни рыбой, ни дымом...

- Всему свое время - рассудительно заметил Петр.- Цивилизация - это хорошо. Но чтобы ею так дорожить и так к ней стремиться, надо хоть на время от нее отказаться.

Мы поравнялись с деревом, которое заметил Петр. Он посмотрел на часы и сказал, что прошло двадцать две минуты. Мы опять наметили впереди дерево и снова стали считать до него время, И так плыли, от дерева к дереву, километров пятнадцать.

Потом нам эта игра стала надоедать. Надоела и сама река - чистая, спокойная, какая-то пустая. Я не видел Петра, он сидел у меня за спиной, но по тому, как временами байдарка шла заметно медленнее, я понял, что он хоть и опускает в воду весло, но засыпает. Тогда я с шумом молотил по воде, и Петр сразу принимался грести сильнее. Я не видел Петра - может быть, он просто любовался природой или слушал птиц, но зато я видел плывущего рядом Бориса. Он то и дело клевал носом.

- Сейчас бы встретить порог - сказал Вилен.- Или небольшой ледовый заторчик. Чтобы поразмять плечи.

Мы так рвались к чистой воде, так проклинали льды и заторы, а теперь, всего через три часа спокойного плавания, начинаем с тоской и чувством утраты вспоминать оставшиеся позади преграды... Там было тяжело и рискованно, но там мы боролись, хитрили, трудились... Слишком резким, видимо, оказался переход от насыщенной событиями схватки со льдами к покорной и тупой работе веслами.

На пятом часу безмятежного плавания за поворотом реки появилась белая бугристая полоса. Мы догнали ледоход.

...Было очень тихо. Лишь по капюшонам штормовок мелко постукивали капли дождя. Первого дождя на нашем пути. И в этой тишине густо расплзался по реке и по ее пустынным берегам скрежет трущихся друг о друга льдин. Лед шел. Лед полз.

Прижимаясь одна к другой, перемешиваясь, льдины занимали всю реку и медленно, еще медленнее, чем течение, продвигались вниз. Перед этим движущимся ледовым полем бессильны были и нарты, и наш подстил из лыж. И когда Вилен предложил обогнать ледоход по берегу, с байдарками и со всем грузом, это было воспринято овальными как грустная шутка.

Река хрустела. От нас не требовалось много сообразительности, чтобы принять единственно верное решение - вытащиться на берег, поставить палатку и лечь спать. В расчете на то, что лед пока будет двигаться, а река - очищаться.

- Давай на льдину! Быстро! Весло поперек - и прыгай!

Это Борис Вилену. Байдарка их врезалась в гущу льдин.

Справа, ближе к берегу, открылась полоса чистой воды. По ней можно проплыть метров триста. Скорее туда. Петр мне тоже что-то кричит. Мы лихо перелезаем с байдаркой через льдину. Азарт наш подкреплен уверенностью: полдня мы возимся в реке среди льдов, но никто не промочил даже ног. И разносится над рекой:

- К той льдине, к той!

- Взались за борта. И-и-и раз!

- В байдарку! Прыгай скорей!

- И-и-и раз!

Отправляясь в поход, мы намечали на хвосте зимы вылезти на Урал. А вышло так, что зиме на хвост мы наступили только в низовьях Танью. И поехали на нем от Урала.

Именно поехали - догнав утром километрах в пяти от ночевки ледоход, мы втащили байдарки на льдины и доверились их лоцманскому искусству. И убедились вскоре, что верхом на льдинах плыть лучше. Не сидишь, скрючившись между фальшбортами, а разгуливаешь себе на свободе и с более высокой точки выглядываешь, что впереди. Большие льдины идут быстрее, чем вся масса льда. Они врезаются в ледоход, расталкивая мелочь могучими плечами. За полчаса

езды на льдинах мы вклинились в ледоход метров на двести, а потом Танюю вдруг расширилась, льдины стали расползаться, появились разводья. Мы скинули байдарки в реку – и началось...

Мы выискивали впереди щель чистой воды и стремились к ней, расталкивая веслами льдины. Мы находили проточки, идущие за кустами и не забитые льдом. Натыкаясь на пробки ползущего льда, мы обносили байдарки по берегу, чтобы проскочить, пока не образовался затор там, где его не обойти.

И опять размышляли над относительностью всех благ и потерь. Ведь совсем недавно, едва попав на свободную ото льда реку, мы стали скучать, жаждать борьбы и действий, а теперь стараемся избавиться от льдин и ищем чистую воду. Такова уж натура всякого любителя трудных странствий. Исхлестанный непогодой, он бредит теплом спального мешка, но, едва отогреется, снова рвется в метель и ветер. В глуши считает дни и часы до возвращения в уют и людность больших городов, чтобы, попав в них, мечтать о новых дорогах.

Все, как в этих строках:

Запутав след в тайге суровой,

Имея по два сухаря,

Даем, измученные, слово

Остепениться с января.

Но, прожив дома год, неловко

Мы чертим карты от руки,

Латаем старые штормовки,

Кладем консервы в рюкзаки.

И, грусть мешая с наслаждением

(Себя никто не разберет),

Вдали от дома дни рожденья

Подряд справляем третий год.

Все как в строках Юрия Чаповского, московского инженера, скромного и надежного парня. Юрий так и не остепенился "с января". В марте 1967 года он погиб в снежной лавине на Саянах.

Мы помним и всегда будем помнить, что произошло с Чаповским. И с другими, кто так же неожиданно и трагично закончил свою земную тропу. И память эта будет требовать от нас большей осмотрительности в пути и большего походного искусства, но вряд ли и она заставит нас остепениться. Это неизлечимо.

- Избы! - кричит Борис.

Мы только что выплыли из-за поворота. На правом берегу, освещенные солнцем, на фоне тайги четко выделяются три дома. До них километра два, но все эти два километра забиты мелким льдом, а берега поросли кустами. Берегами не проберешься.

Мы знали, что в нескольких километрах выше озера Варчато есть рыбацкий поселок. Мы давно уже встречаем приметы близости жилья – рогульки от костра, следы топора на деревьях, остатки небольших северных стогов. И вот дома. Но до них два километра колотого льда. Неужели нам так и придется ночевать, не дотянув до этих милых, освещенных солнцем избушек? Или, бросив байдарки, идти к ним пешком по берегу?

Не спуская глаз с цели, мы штурмовали ледовое поле. Месили веслами острые ледяные иглы, прорываясь через их скопления, отталкивали ногами льдины, мешавшие плыть по узкой закраине, но дома почти не приближались.

Мы останавливались и отдыхали, надеясь, что за то время, пока мы стоим, льдины раздвинутся и образуеться щель.

- Что-то не видно людей...- гадал Борис.- На охоте, наверное. Или на рыбалке.

- Посидим хоть в избе, - мечтал Петр. - В бане помоемся...

И мы снова шли на приступ ледового поля и опять едва ползли по нему.

#### **Отступление краеведческое**

За Полярным Уралом в верховьях Танюю, Войкара и Сыни и дальше на восток – Шурышкарский район. Возле хребта он безлюден. Лишь ранней весной можно встретить тут кочевья оленеводов, перегоняющих стада в Боль-шеземельскую тундру, и в начале зимы, когда они возвращаются обратно. Но ближе к Оби уже встречаются отдельные домики и поселки.

Живут в них рыбаки.

Разговоры на рыболовную и водную темы в летнее время самые ходовые в Шурышкарском районе. И если бы патриоты этих мест вдруг решили создать свой, шурышкарский, герб, то на нем они обязательно изобразили бы лодку и сеть. Нашелся бы, наверное, уголок и для оленьих рогов, но это уж так, попутно, чтобы подчеркнуть принадлежность района к Северу. Главное же – это лодка.

Несколько лет назад довелось мне постранствовать по водным просторам Шурышкарского района, по станам рыбаков, разбросанным среди бесчисленных протоков Оби, по Сыне и Куновату. Конечно, за месяц многого не увидишь, разве лишь отдельные детали и черточки, но и они в какой-то мере отражают особенность края, его сущность.

Нижняя Обь не похожа на другие места, облик ее очень своеобразен.

На Обском Севере нередко встречаются приметы современности: есть там радиомачты и оборудованные больницы, оснащенные холодильными установками рыболовецкие суда и зверофермы, пионерские лагеря, гидросамолеты и оранжереи с помидорами. Все это есть, но к проникающей способности нового мы уже привыкли, и глаз поэтому невольно останавливается на таких деталях быта, которые пришли в наши дни из тьмы веков и тем не менее неплохо уживаются с современностью.

Коренные жители Шурышкарского района – ханты. Лесные люди (так их называли раньше) – прекрасные охотники. Но это зимой. Летом ханты ловят рыбу. На лодках.

Обские просторы бороздят сотни моторных судов и суденышек, но все они лишь около рыбы, лишь обслуживают промыслы, а рыбачат тут в основном на простых лодках. Только при лове плавными сетями на лодке стоит мотор, помогающий заплывать против течения по "песку" (так на Оби называют места лова). В остальном же лодки такие, какими они были и сто, и триста лет назад. Рыбацкую рабочую лодку в этом смысле можно, наверное, сравнить с обыкновенной ложкой, которая до сих пор и почти в неизменном виде остается основным "орудием труда" за столом.

На Оби несколько типов лодок. Самая маленькая – калданка. Она делается без единого гвоздя – из трех выгнутых по-особому досок, сшитых между собой кедровыми корнями. Щели замазываются смолой. Калданка очень верткая лодочка, но зато легкая и ходкая. Рыбаки-ханты управляют калданкой с артистической непринужденностью, орудуя лишь одним кормовым веслом. На калданках они пересекают широкие плесы в такую волну, когда не рискуют выходить даже катера.

Следующая по размерам лодка – городов ушка. Она рассчитана на несколько человек и используется для перевозки небольшого груза.

Потом – бударка, основная промысловая лодка для лова плавом, при помощи длинной сети, плывущей по течению.

Наконец, неводник – большая лодка, предназначенная для перевозки груза в несколько тонн: рыбы, сетей, соли и всего рыбацкого имущества при переездах с песка на песок.

Особое слово о веслах.

На калданках весла с длинной стреловидной лопастью. На городовушках лопасть весла как секира либо прямоугольная. Каждому веслу – своя роль, своя лодка. Гребут ими тоже по-разному. При работе с сетями калданкой управляют одним кормовым веслом. Если надо быстро проплыть небольшое расстояние, пользуются уключинами и гребут, как на обычной так называемой распашной лодке – рывками, сразу двумя веслами. А когда требуется плыть далеко и долго, например целый день, сидят в середине калданки и, монотонно поскрипывая уключинами, загребают то одним, то другим веслом. Конечно, это не зря – гребут по очереди каждым веслом: попеременность работы утомляет меньше, потому что она естественна. Как ходьба. Как бег. Как самый распространенный способ ходьбы на лыжах. (Видимо, то же стремление добиться экономии энергии лежит в основе конструкции весел гренландского каяка и современной байдарки.)

Большие мастера деревянных ремесел, ханты делают себе из местного материала и временные дома – берестяные чумы.

Самобытные жилища эти, несмотря на то что появились они еще в глубокой древности, до сих пор в лесных районах Севера успешно конкурируют с палатками.

Чумы удобны и вместительны. В них прямо на земле горит костер, и дым отпугивает комаров и мошек, но сам, не мешая обитателям чума, выходит через отверстие сверху. Главное же достоинство чумов то, что они сделаны из дешевого, прочного, всегда имеющегося под рукой материала и являются разборными. Последнее их качество особенно ценно для часто кочующих рыбаков.

Собираются чумы из отдельных полос – нюков, которые изготавливаются из кусков бересты, проваренных в кипятке с золой и жиром и сшитых в несколько слоев. При перевозке на лодках нюки складываются в трубы.

В берестяных чумах рыбаки-ханты и их семьи живут лишь летом, на местах лова, а в остальное время – в постоянных поселках, в обычных бревенчатых домах. Поселки эти расположены на высоких горных берегах Оби и среди ее проток на возвышенных островах – пугорах. Названия хантыйских поселков звучные, оканчиваются они, как правило, словом "горт", что значит "селение": Шижимгорт, Карвожгорт, Анжигорт.

Берестяные поселения часто располагаются по соседству с основными, и тогда они выглядят как дачные поселки.

...В поселке Летние Лопхари в устье Куновата берестяных чумов больше десятка. Как белые палатки в спортивном лагере, стоят они в ряд вдоль реки вблизи запора – загородки из кольев поперек Куновата (возле специальных отверстий в запоре в воде растянута ставная невода). У чумов на жердях висит вяленая рыба – шомух.хлопотливо снуют женщины в ярких, цветастых платьях и с травяными косами, искусно вплетенными в черные волосы. На вешалах сушатся сети. У сетей рядом с отцами возятся ребятишки. Едва научившись ходить, они уже бродят по берегу с короткими удилищами, таская прожорливых щурят – щурогаев, как говорят на Оби,

Уж эти щурогаи... В низовье Оби еще много, очень много настоящей хорошей рыбы – осетра, муксуна, нельмы, сырка. Но, говоря об обской рыбе, нельзя не упомянуть и это бесчисленное потомство щуки. В июле, достигнув размера в ладонь, щурогаи несметными стаями идут вдоль берегов обских проток. Плотным строем, как саранча. В это время на всех пристанях, на каждом дебаркадере можно увидеть ватаги ребятишек и ожидающих пароходы командированных с удочками в руках. На крючке может быть что угодно – червяк, кишки того же щурогай, тряпочка, окурок. Ребятишки надергивают щурогаев за час по сотне, по две и, груженные тяжелыми связками, бегут домой, чтобы тотчас же вернуться и продолжать свою лихую ловлю.

Щурогаи на Оби не только забава детей и командированных, ими интересуются и настоящие рыбаки. Причина этого интереса такова. Для охраны рыбных запасов на Оби после короткой ранне-летней путины (вонзя, как здесь говорят) вводится запрет на вылов осетровых и лососевых. Рыбаки тогда переключаются на лов "черной" рыбы – окуня, налима, чебака, щуки. На рыбозаводах, на плашкоутах все емкости, приспособленные для хранения рыбы, в это время бывают переполнены, и, чтобы не сокращать добычу, нашли выход. Стали частыми неводами ловить щурогай и партиями в несколько тонн каждая выпускать живьем в естественные садки, очищенные от коряг сора (озерца на островах). Там щурята, питаясь друг другом и оставшимися в водоеме мальками, уменьшаются числом, но растут, прибавляя в весе, и превращаются в товарных щук. А в начале зимы по первому крепкому льду "щукохранилища" подчистую облавливаются, и мороженая рыба, не требующая хлопот по сохранению, лежит прямо на воздухе, пока не перевезут ее на рыбозавод.

На нижнюю Обь в последние годы приехало много рыбаков из тех мест, где рыбы заметно поубавилось – с Волги, с Камы, с Азовского моря, с Каспия. Говорят, что привлекает их на Север большой заработок. Да, платят тут неплохо, но дело в основном не в этом. Дело в том, что рыбак хочет ловить рыбу. Не елозить сетями по пустому водоему, изредка вытаскивая пропахших керосином сазанов или лещей, а ловить настоящую, большую, вкусную рыбу. И на Оби ее ловят.

Условия для рыбацкого труда тут суровые: холода, туманы, дожди, ветры. Может случиться и так, что за все лето ни разу и не пройдешься в одной рубашке. Но люди живут, работают, радуются.

В странствиях по протокам Оби мне приходилось встречать много рыбаков, простых в обращении, приветливых, смелых. Но особенно запомнился рыбак Кушеватского рыбозавода Иван Николаевич Шерстобитов. Человек тяжелой судьбы, победивший свое горе.

В молодые годы, еще перед войной, Шерстобитов попал в пургу и крепко обморозился. Требовалась срочная медицинская помощь – рыбака необходимо было перевезти в Салехард. Но та же пурга не пустила самолет; когда же он смог прилететь, началась гангрена.

Из больницы Шерстобитов возвратился без обеих ног по колена, без кисти на левой руке, без пальцев на правой. Но из больницы вышел не инвалид, а человек.

Первое время было очень трудным, но вот наступил срок, и Шерстобитов появился на работе. На своей работе, к которой привык до несчастья и которую хорошо знал. Он сел в лодку и стал рыбачить. Люди вначале смотрели на Шерстобитова с жалостью, но он заставил их удивляться: он стал одним из лучших рыбаков района. А несколько сезонов был самым лучшим. И без скидки на увечье, просто первым по количеству выловленной рыбы.

Я видел Шерстобитова на рыбной ловле. Ловит он плавом, то есть заплывает на лодке на середину протоки, выбрасывает поплавков и затем, удаляясь от него поперек реки, спускает в воду длинную, метров на полтора, сеть. И еще один поплавок. И так они плывут рядом по течению – сеть на поплавках и Шерстобитов в лодке. Потом он быстро и проворно выбирает сеть в лодку, и бьются в ней тяжелые осетры и нельмы.

В Горках, где живет Шерстобитов, рассказывают, что зимой он тоже не сидит без дела, а ремонтирует сети на рыбозаводе или работает плотником на строительстве. Например, кроет крыши...

Лицо у Шерстобитова задумчивое и немного суровое, но просветленное внутренней силой...

### Озеро Варчато

- Значит, путешествуете? - Богатырев прикуривает, затягивается и, вытянув вперед нижнюю губу, тонкой струйкой пускает дым к потолку. - Так, так... Хорошее дело. Видел я вашего брата здесь немало. Но только летом или осенью. А чтобы так рано, при снеге, не было еще этого...

- Давно, Иван Михалыч, живешь тут?

- Нет, не было - продолжает рыбак. - А летось четверо у меня тут жили. Тоже из Москвы. Баню я еще им топил. Да вот они...

Иван Михайлович открывает темно-красный чемодан из фанеры, который лежит рядом на лавке, и вынимает оттуда фотографию.

- Не узнаете? Ваши, Земляки.

Надо же - в Москве семь миллионов земляков, а мы узнаем. На фотографии мой давнишний товарищ, спутник по дальним походам - Терехов. И Шаститко. Узнаем. Наши.

- Ну что я говорил? Земляки. Когда расставались, этот вот, с бородой, сказал: "Спасибо, Михалыч, не забудем. Фото пришлем". И вот смотри, прислали. С осени еще.

- Так давно ты здесь, Иван Михалыч? На озере-то?

- Давно. Годков этак пять. А может, шесть. Как постоянный лов открыли.

Иван Михайлович косится на флягу. Сквозь желтоватый полиэтилен кое-что еще просвечивает.

В низкой избе тепло, дымно от папирос, пахнет оленьими шкурами, трудовым человеком и щами. Стены черные, хоть и есть труба у большой печки с вмазанной в нее плитой. На стенах, вблизи плиты прикреплены, как карманы, куски рыболовной сети, а в них набросаны недоеденные ломти хлеба: сушатся сухари на черный день, если он вдруг случится. Все-таки тайга, безлюдье. В таких же сетках на стене напротив плиты по-холостячки, без разбору, навалено всякое необходимое имущество - патронташ, резиновые сапоги, пачки папирос, чучела уток. На высоком фанерном ящике в углу избы, как икона, старенький ламповый приемник с батарейным питанием. Он мурлыкает что-то нежное. Не лесное.

Сидим, курим все, даже те, кто обычно не курит. Стянув куртки и свитеры, блаженствуем. Хорошо, что дошли до этой избы.

Те домики, к которым мы пробивались сквозь кашу из ледовых игл, оказались нежилыми. Брошенный дом в тайге - это еще хуже, чем сама тайга. Пусто, тоскливо. Решили пробиваться дальше. Туда, где возле самого озера

Врчато на карте отмечены избы. Там должны быть люди. Но дальше по Танью совсем нельзя было двигаться – мелкий лед забил всю реку, а берега крутые, в буреломе и кустах. Забрались тогда на геодезическую вышку, что стояла недалеко от нежилых домов, и оттуда выбрали себе путь. Он оказался длинным, но зато свободным ото льда, в обход Танью, по кривым и узким озеркам, облепившим с севера Варчато. Выскочили опять к Танью как раз там, где на берегу стояли другие дома, уже жилые. Хозяева были в отлучке. Долго не раздумывая, мы расположились в избушке побольше и в ожидании хозяев на их же печке и дровах стали готовить обед. Наверное, мы очень огрубели в глуши, раз вошли без спросу в чужое жилище, но когда мы представили себя ожидающими хозяев в холоде на пороге дома, то чуть не рассмеялись. А уж хозяева, застав неожиданных своих гостей, переминающихся в нерешительности у двери без запора, наверняка бы посчитали их большими чудаками. Это ж не подмосковная дача с высоким крашеным забором, а дом в тайге...

Пришел один хозяин. Хозяин озера Варчато, как он нам представился. Бригадир рыболовецкой бригады Иван Михайлович Богатырев. Самой бригады еще нет, не сезон, а он живет тут один, поддерживает в нормальном состоянии базу, приводит в порядок снасти.

Иван Михайлович еще крепкий, хоть и за пятьдесят ему, судя по выцветшим синим глазам. Невысокий, с седыми прядями, с рябоватым лицом.

В низкой избе тепло, дымно, уютно. Мы очень довольны, что встретились с человеком. Да и Иван Михайлович рад встрече. Ему ведь труднее, чем нам: месяцами один, с кем поговоришь... Разве что с собакой, да и то надоест. Правда, он привычный к суровой жизни, не то что мы, городские. Для него скитания в тайге – нормальная вещь, работа. А для нас – так... метания беспокойного духа.

– Это вы правильно, ребята, что двинули на Север, в тайгу, что не побоялись – угадывая наши мысли и тему частых споров у костра, говорит Иван Михайлович. – Надо бродить по свету, пока есть силы. Я вот в молодости всю Обь обошел, в губе был, на Ямале. На Пуре.

Он рассказывает нам о Севере, и мы вытягиваем босые ноги, и плывем, и тонем в табачном дыму, в тепле, в запахе булькающей на плите ухи. Мы давно уже не ели рыбы, еще с тех пор как провели четыре дня на листовничном бугре в ожидании воды.

Иван Михайлович рассказывает о своем житье-бытье на Варчато. Трудное оно. Рыбы ловят много, но не успевают ее вывезить. Весной еще хорошо, можно сплавить баржу-другую по Войкару, а летом, когда спадет вода, к озеру снизу не подобрешься. Пороги. По суше и думать нечего – болота кругом, тайга, обычной дороги нет. Один путь – воздух. Вот и летает сюда из Салехарда, с рыбокомбината, гидросамолет. Каждый день, а то и по два раза на дню.

– Ну а как снабжение тут организовано? – задает деловой вопрос Вилен.

– Летом какое снабжение? Скажу пилоту, он привезет что надо. Самолет-то сюда пустой идет. Летом что, заботы нет.

Зимой вот снабжение. У меня, правда, рация есть. Что потребуется – запрашиваю. Не сразу, конечно, но привозят. Через неделю, через две. Только, я заметил, шутники они там. На рыбокомбинате-то. Закажешь сахара – привезут ящик мыла. Слышимость, мол, подвела. Папирос попросишь – соли доставят. А солью я сам весь Салехард год могу кормить. Газеты надо – будет гречка. Я теперь уж приспособился. Надо мне батарейки для приемника – прошу макарон. Летят. Везут. В крайнем случае – вместо батареек доставят дробь и пороха. Тоже хорошо.

Мы смотрим в маленькие окошки на реку. На Танью все лед, но теперь он кажется каким-то очень белым. Ослепительно белым. Да, конечно, это снег. Свежий снег лег повсюду уверенным пушистым слоем. И вода в закраинах по соседству с новорожденным снегом кажется черной и густой, как нефть. А снег все идет. Крупные мохнатые снежинки падают в воду, но тонут не сразу, а лежат еще несколько мгновений на поверхности, как пушинки тополя.

А снег все идет. Плыть нам дальше или переждать? Подождать, оно, конечно, лучше. Переспать в тепле, под крышей. Куда там плыть – нас так разморило от ухи, от спирта, от чая, черного, как кофе. Нет, сегодня лишь подготовиться, а плыть уж утром.

Утром Иван Михайлович вышел с нами на берег. Снегопад прекратился. Снег лежал вокруг тихий, смирный. Солнце было в облаках, но после черноты и

сумрака избушки резало в глазах от всеобщей белизны. От берегов и покрытой льдом реки. Иван Михайлович снял меховую шапку и примял ладонью растрепавшиеся седые волосы.

- Значит, так... Отсюда правым берегом. До развилки. А там средней протокой. Только поправее жмитесь. В озеро выйдете и смотрите влево, на край мыса. Ельник там высокий. На против мыса каменный пуп в озере. Остров такой. На него и держите. Промоина в озерном льду всегда идет мимо этого пупа. Там и спрятаться можно, если зацепит ветер.

Он посмотрел на небо, на темную полосу воды между берегом и льдом.

- А ветер будет. На самом краю зимы он всегда тут гоняется. Как загудит, значит, сразу ко льду поближе, где волну не больно разматывает. Не дай бог, занесет в середку промоины. Зальет или выкинет на лед возле берега.

Ветер крепчал. Нужно бы подождать, но легко попасть в ловушку - ледовое поле начинает потрескивать, а по закраине поплыли отколовшиеся где-то выше по течению льдины. В любую минуту лед может тронуться и забить все выходы к чистой воде Варчато.

- Ну давай - сказал Иван Михайлович, когда мы сели в байдарки. - На каменный пуп. И вдоль льда все время, ясно?

Мы отплыли. Оглянувшись, увидели домики, занесенные снегом, две лодки на берегу и возле них одинокую фигурку хозяина озера Варчато.

- Ничего себе ветерок - говорит Борис, наклоняется с края льдины к байдарке и привязывает к ней покрепче мешок с кинокамерой. - В такой ветер только и плыть по озеру...

Ветер действительно силен. Он дует со стороны Урала, оттуда, где серебрятся заледеневшие на солнце и ветру вершины. Ветер срывает с крепкого ледового поля снег и бросает его пригоршнями в воду. Рядом с льдиной вода гладкая, в десяти метрах уже рябь, потом мелкие волны, а там вскипает озеро белыми гребнями, и несутся они через промоину к покрытому лесом низкому берегу.

Напротив леса вдали - сверкание. Словно там кто-то балуется зеркалом. Это волны бьются в скопление льда у берегов, взлетают брызгами и вспыхивают на солнце.

- Парус бы еще поставить в такой ветер, тогда уж точно кранты.

- Что же теперь - возвращаться в избу к Михалычу?

Борис пожимает плечами.

- Нет, зачем же. Только среди льдов с ветром шутки плохи. Может быть, просто переждать?

Мы вытаскиваем байдарки на крепкий лед и ходим вокруг них, поглядывая на озеро. Кажется, промоина, которой мы двигались от устья Танью, упирается в тупик. Не видно, где она продолжается - впереди всюду лед. Наверное, ветром разрушило часть основного ледового поля и забило промоину. Зато левее, прямо по ветру, виден чистый проход, до самого берега. И брызг там нет - наверное, волны гаснут в скоплениях льдин на отмелях. Если ветер еще с полчаса не перестанет, надо идти к берегу. Там хоть можно заночевать - есть лес, крепкая земля - ветер не стихает. Мы сталкиваем байдарки в воду и плывем к берегу. Пройти бы метров семьсот. Последний отрезок промоины, а там уже и берег.

Байдарки начинают качаться на волнах, скрипеть, но уходят от волн мягко. Словно в люльке - вниз-вверх, вниз-вверх, и никаких ударов о волны, никаких брызг. Набегающие сзади гребни тупо подталкивают байдарку в корму, рассыпаются рядом, вдоль бортов, и отстают, уходят назад. ...Костер горит в лесу, вдали от волн и шума озера. Вокруг снег и кочки. Место плохое. Мы тянем из кружек чай и говорим о том, что надо уходить отсюда. Для ночевки следовало бы найти что-нибудь получше. Хочется нам и пройти озеро, чтобы увидеть, наконец, что там ниже, на вытекающей из него реке Варчатовис. Если на ней уже нет ни льда, ни заторов, если нет их и на Войкаре, то два дня - и мы на Оби.

А на озере все ветер. Даже через заслон елей слышны тяжелые удары волн по льдинам и скрип ледяных осколков, ерзающих в ослабших волнах у самого берега. Мы сидим. Ждем. Наконец удары слабеют, мы собираем посуду, мешок с сухарями и направляемся к берегу озера, туда, где на снегу стоят байдарки.

- Борис! - кричу я. - Сюда! Тут легче спуститься в воду.

Ветер в сторону Бориса и Вилена, они меня слышат, но все равно садятся

в байдарку и начинают, распихивая веслами льдины, пробиваться к чистой воде. До края колотого льда им метров семьдесят. И льдины прижимает ветром к берегу и друг к другу – А с озера все подплывают и подплывают свежие осколки ледового поля.

Им не пробиться через эту кашу. И потом, мы же договорились – Петр и я идем с байдарками на плечах по большой льдине и, найдя удобное место для спуска в озеро, зовем Бориса и Вилену. Что ж они не дождались и полезли в ледовое пекло? Что – снова начинается?

– Петр, пойдем вытащим их обратно на лед. Ну куда они полезли?

– Пусть. Ничего страшного, зато ничто так не учит, как неудачный личный опыт.

Сталкиваем байдарку в скрипящую и вздыхающую кашу из ледовых осколков и, оттолкнувшись веслами от крепкого льда, выскакиваем на чистую воду.

Ветер стих почти совсем. Мы подплываем к байдарке Бориса и, качаясь на угасающих волнах, молча смотрим, как они там возятся среди льдин. С нашей стороны это, конечно, жестоко и даже свинство – сложа весла сидеть и смотреть. Но чем мы можем им помочь? Советами? Им там виднее, что делать. Кинуть веревку и попробовать выдернуть их с кромки льда? Веревка до них не достанет, и, кроме того, Борис ее не возьмет. Он уже накалился достаточно и теперь скорее искупается в озере, чем повернет назад или примет чью-то помощь.

Покачиваемся на волнах и смотрим, готовые в случае чего на активные действия. Борис злится, выскакивает из байдарки на тонкие льдины, топит их ногами, чтобы протолкнуться вперед. Рискуя сломать весло, он упирается им в большие льдины и медленно разводит их в стороны. Я все же не выдерживаю, кричу:

– Помочь?

Борис не отвечает. Он вылезает на широкую льдину и, воткнув весло в другую, такую же по величине, виснет на нем и разводит льдины, открывая проход для байдарки. А ведь выберутся... Проходит минут десять, и байдарка Бориса выползает из ледяной каши.

– Орлы, – говорит Петр. – А мы уже думали, что вы там и заночуете.

Борис вытирает рукавом пот с подбородка.

– Папиросу...

Узкая промоина в озерном льду, извилистая, как река, идет мимо каменного пупа, мимо еще двух островков, низких и поросших кустами, и вдруг впадает в широкое разводье на южном краю Варчато. Дальше льда нет.

На чистой воде опять хозяйничает ветер. Он гоняет крутые волны и грозит нам белыми гребнями. Плыть напрямик, к реке, вытекающей из Варчато – значит подставить волнам и ветру свои бока, и мы идем вправо, под углом к волнам, на лесной берег.

Утки стаями кружат над нами и садятся на воду впереди байдарок. Утки черные, как галки, и так же кричат. А может быть, и по-другому – стонут и вскрикивают, словно испуганные дети.

У леса ветер и волны меньше, мы разворачиваемся и плывем к истоку Варчатовис. Позади нас из щели между тучами выглядывает солнце, и лучи его, прямые и светлые, как сосновые лучины, топорщатся во все стороны, загораживая горы и тучи.

– Медведь! – Борис показывает рукой вперед и начинает судорожно рыться в рюкзаке.

На поверхности залива или вытекающей из озера реки виден движущийся темный предмет. Какое-то крупное животное плывет впереди, пересекая нам путь. Нет, это не медведь. Это лось. Мы резко гребем и отрезаем ему дорогу к берегу. Лось испуганно фыркает и поворачивает обратно. Не бойся, дуралей, мы тебя не тронем. Ты нам нужен не в котле, а на киноплёнке.

Просто удивительно, как легко на байдарке догнать плывущего лося. Мы кружим вокруг него и ждем, когда Борис кончит возиться с кинокамерой. Что, опять заело кассету? Лось немного успокоился и теперь не мечется из стороны в сторону, плывет рядом с байдаркой по течению и слегка забирает вправо, к берегу. Борис машет рукой: мол, не держите лося, застряла пленка. Вглухую. Ну что ж, испуганный зверь, плыви с богом.

...Войкар кружит светлые струи вдоль размазанной линии, на которой его воды встречаются с мутными водами Танью. В глубине видны камни. Войкар

стремительно несет на своей упругой спине одинокие небольшие льдины. Зато на берегах - нагромождение льдов. Следы недавнего сильного ледохода.

В верховьях Войкара, в просвете между берегами, видны заросшие лесом и еще заснеженные горы. Где-то там в этих горах начинается таинственный светлый и быстрый Войкар.

Сухая высокая лиственница слева, чуть ниже слияния Вой-кара и Танью, стоит, задрав кверху, как перекладину семафора, толстый прямой сук. Путь открыт.

До Оби ровно сто. Ровно сутки.

...Поезд перевалил в Европу. Урал растворился в мокрых тучах. Моросило. В оврагах поверх снега текли желтые ручьи. Слева от железной дороги ворочал льдины весенний поток. В конце мая мы перешли через него на лыжах и направились к хребту. Это было почти месяц назад, но и сегодня по ледовым мостам и заторам еще можно перебраться через реку.

В тундре появились большие проталины. По ложбинам и оврагам к Уралу тянулись снежные хвосты. Зима не спеша уползала в горы.

← Временные рыбацкие дома — берестяные чумы

У ставного невода

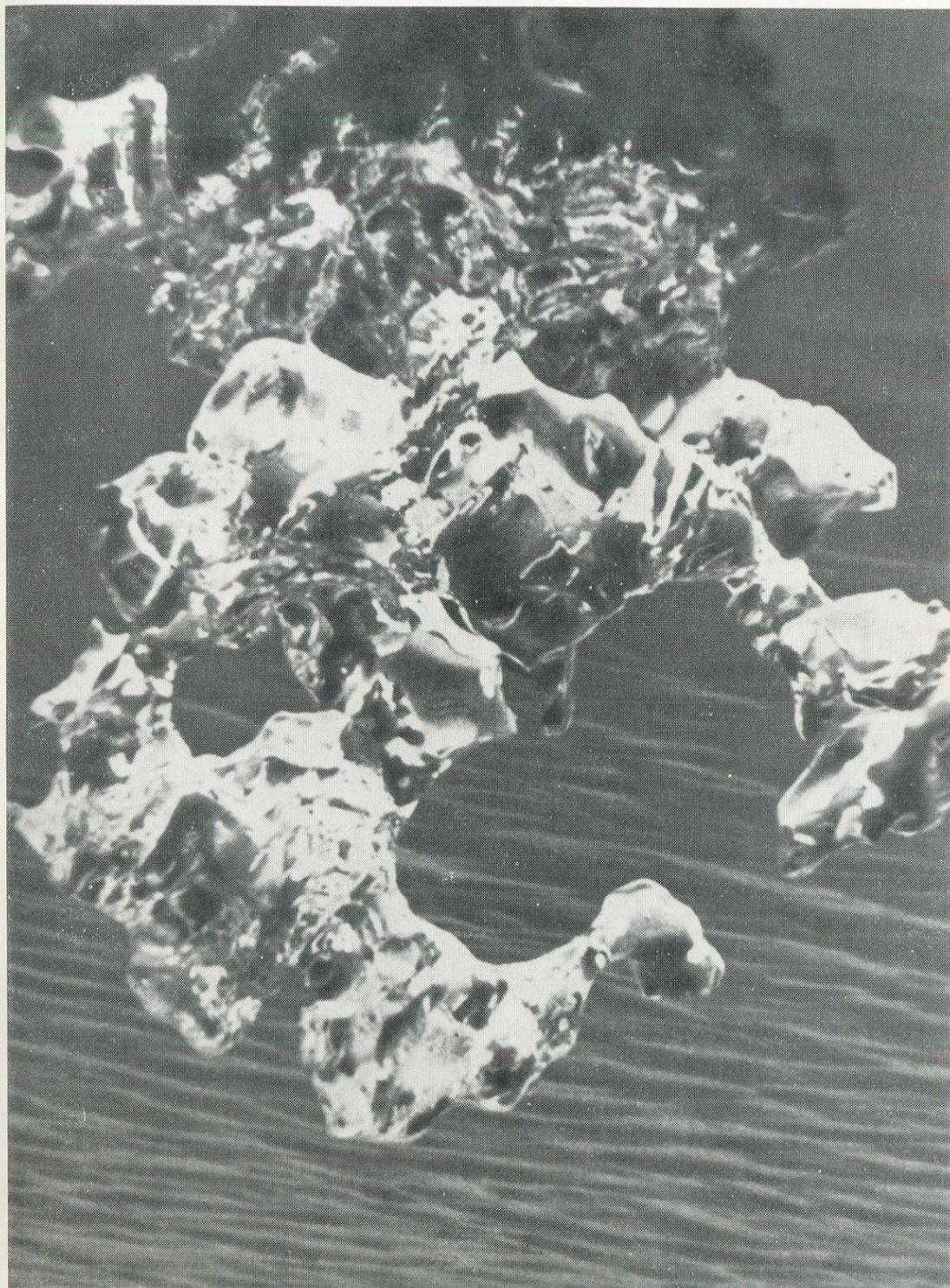




На пересечении двух маршрутов  
Снежно-ледовой кромкой вверх по реке



Произведение природы. Материал — лед





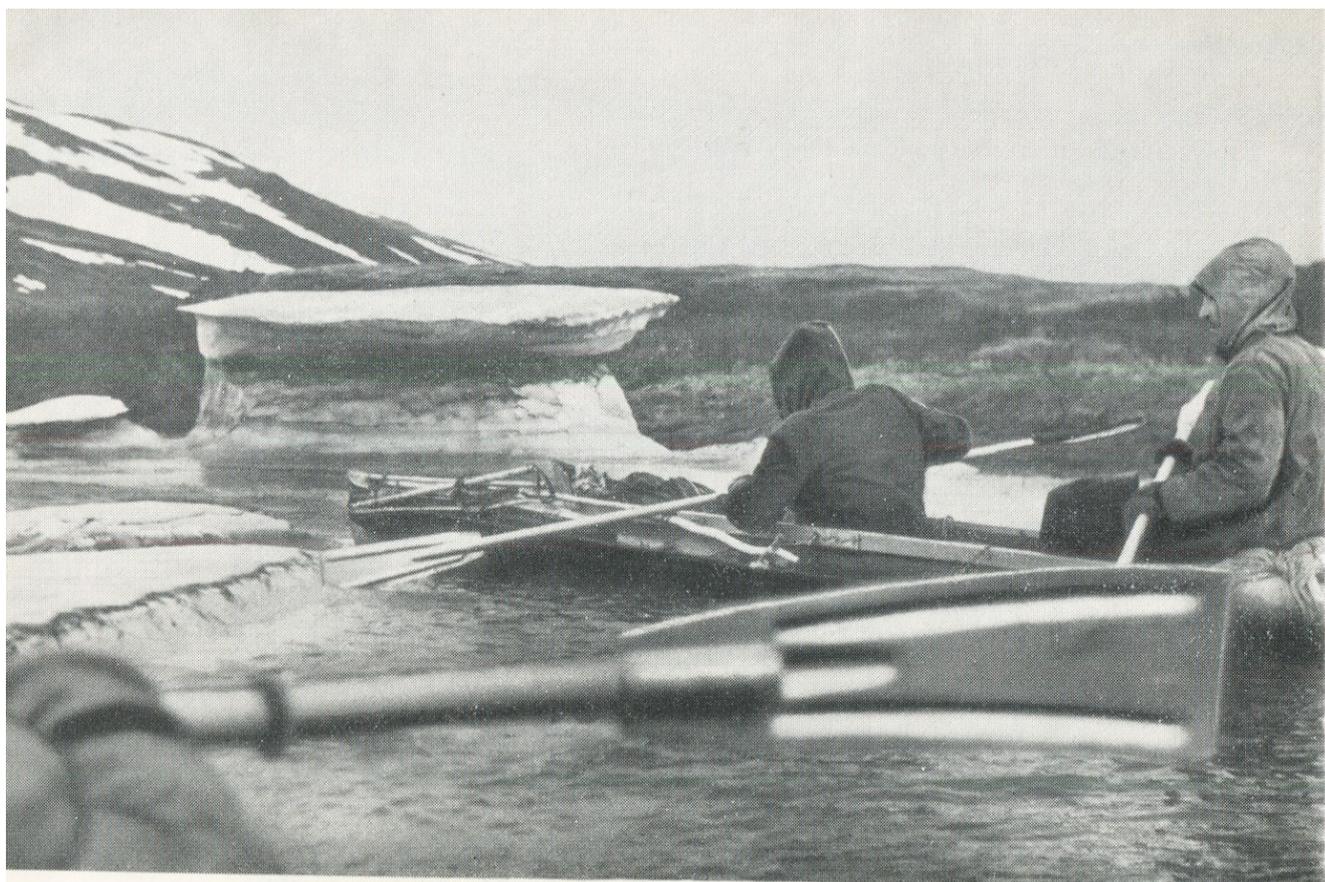
Последние метры перед хребтом

Оттуда выползает река...



Лиственница в шапке собственного изготовления



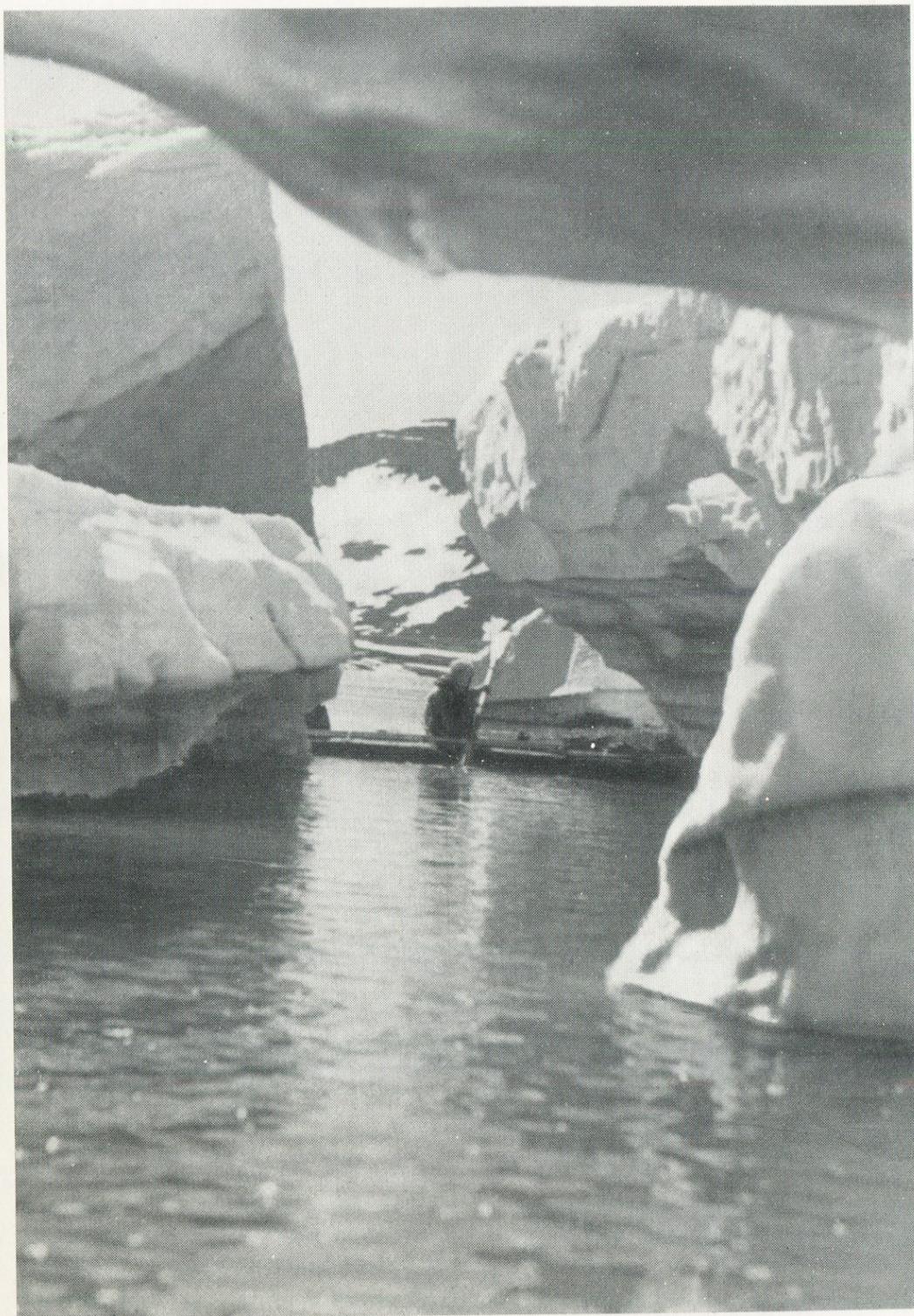


Среди льдов на Большой Лаготе

Ветер стих, и снова вниз по реке



В царстве речных айсбергов





Стадо в горной тундре

Вблизи поселка коми

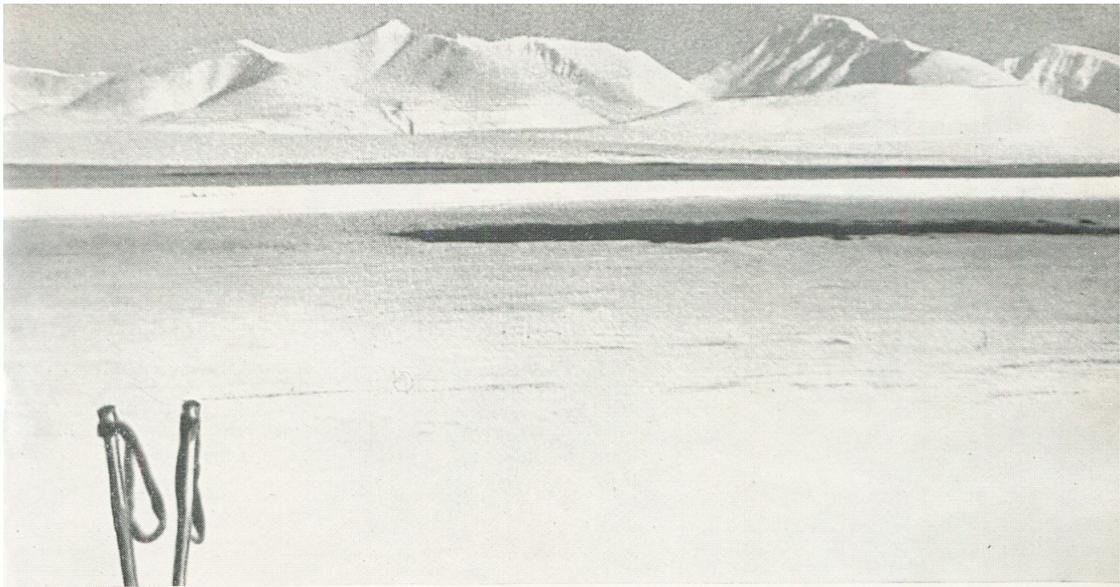


Оранжевая вблизи Полярного круга



Северные мотивы





Тундра перед Полярным Уралом. Ребристая вершина — Пайер

Палатка окружена ветрозащитной стенкой из снежных кирпичей





В каньоне рекилевой Пайеры

Промоина на перекате

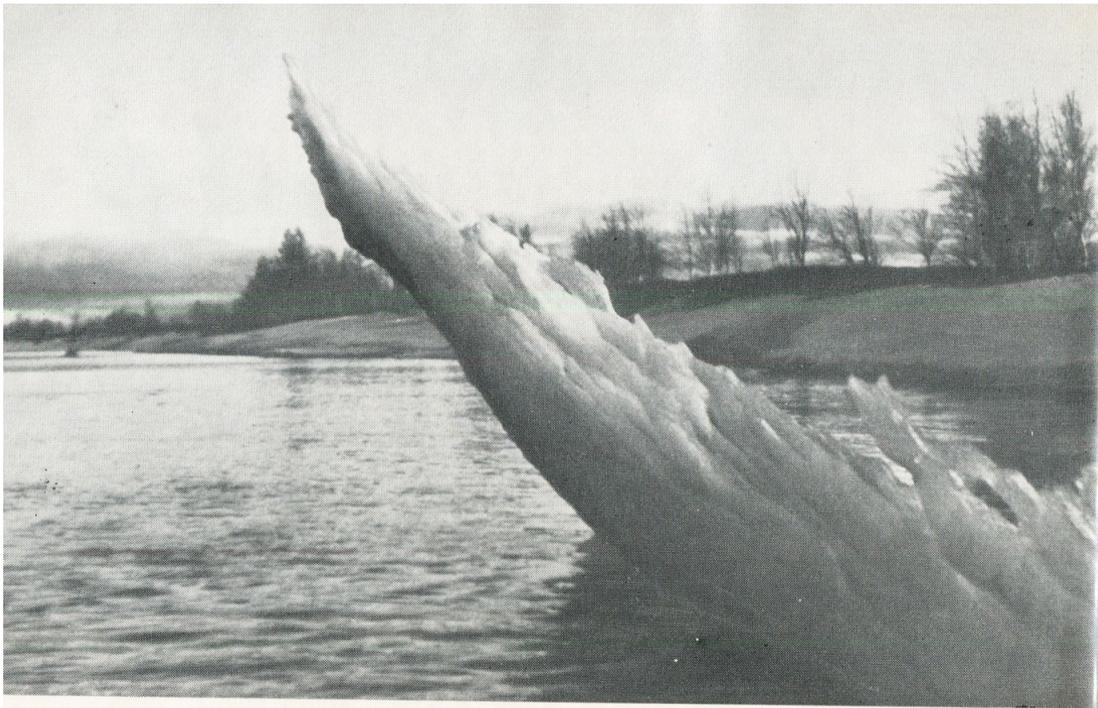




«Плавание» по ледовому полю

После битвы с ветром

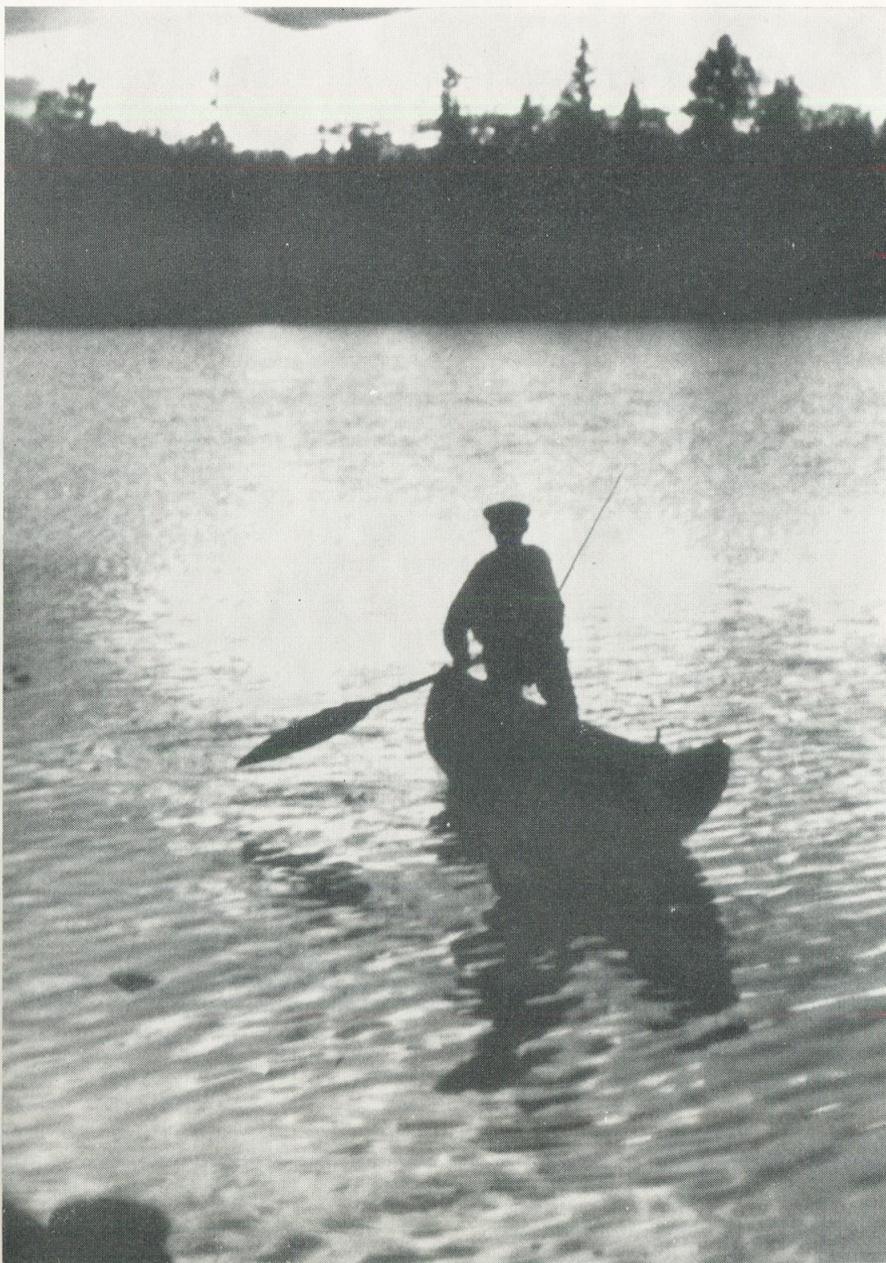


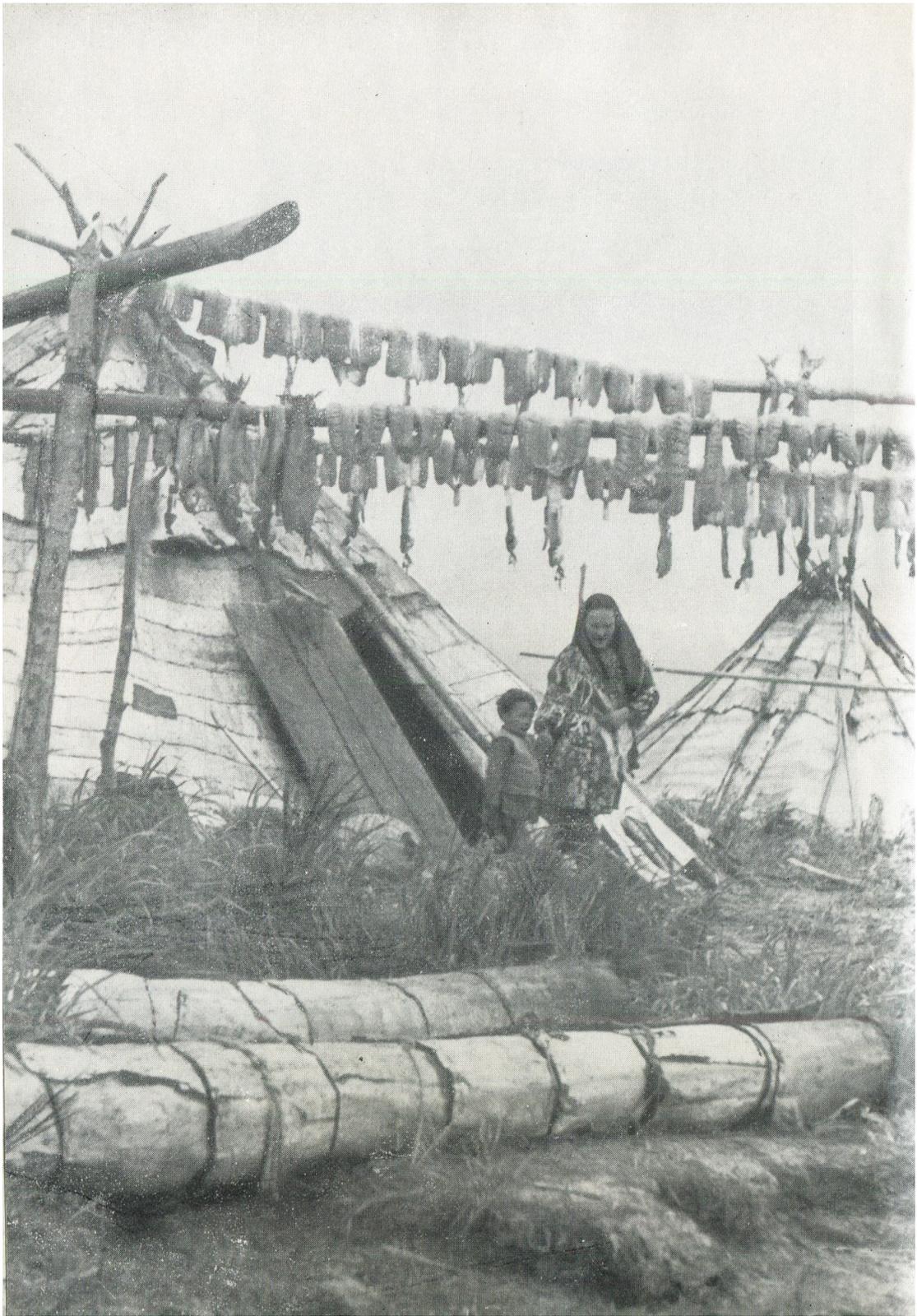


Низовье Тянью. Ледовые «клыки» у берегов  
Игольчатый весенний лед



Возвращение с рыбалки





## ЛОДКИ ПЛЫВУТ ЧЕРЕЗ ГОРЫ

### Продолжение следует

Говорят, что аппетит приходит во время еды. К счастью (а может быть, и к сожалению) во время еды он и уходит. А вот уж когда аппетит появляется и не торопится уходить – это во время воспоминаний о еде.

Живописных и обстоятельных.

Такие воспоминания о северной яркой весне, о Полярном Урале появились у нас, едва мы пришли в себя, приехав в Москву, едва отоспались и восстановили потерянные на Урале килограммы.

Воспоминания одолевали нас долго. Зимой, в метель и в стужу, с весенне-полярной тоской еще можно было бороться, но в конце марта, когда брызнуло солнце и потекло...

Кроме того, были у нас и особые счеты с Полярным Уралом. Мы помнили, как продержал он нас неделю в ледовом плену и как мял нашим байдаркам бока льдинами и заторами. То была хорошая наука. В первом опыте по-другому, видимо, и быть не могло, но мы все же чувствовали себя в этой игре с весной побежденными и стремились к реваншу ("вот если бы еще раз, тогда бы...").

А может быть, нам просто не хотелось бросать свою идею на полпути. Это уж известно – стоит в какое-нибудь дело как следует втравиться, попробуй потом от него отстать и заняться чем-нибудь другим; то, первое, не отпустит от себя, пока не сделаешь его до конца.

На этот раз мы собрались вшестером. Из первой нашей четверки осталось лишь двое – Петр Лукоянов и я. Остальные были знакомы нам и между собой по предыдущим суровым походам. Все опытные "волки", вернее, почти все.

Многолетним опытом участия в сложных путешествиях не мог в этой шестерке похвастать лишь Варламов, Мальчик Гена. Под таким титулом утвердился в нашем сообществе этот тридцатитрехлетний инженер с добродушным и простоватым лицом. Однако вскоре после знакомства с ним мы заметили, что простота эта не более как грим, сквозь который временами вдруг проступала эдакая крестьянская хитреца. И в жестах приземистого и чуть разлапистого Гены было что-то "от сохи" – пожалуй, неторопливость и обстоятельность. По разговорам и некоторым репликам до отъезда и уже в поезде мы установили, что Варламов обладает внушительными познаниями в области электроники, но заметно меньше осведомлен о тонкостях плавания на байдарках по бурным рекам. Правда, впоследствии выяснилось, что этот пробел в образовании Варламова был в известной мере мнимым и им же самим разрекламированным – по натуре своей Гена человек очень любознательный, и ему доставляло удовольствие слушать спортивные советы, недостатка в которых (чего не скажешь, например, о сахаре, тушенке, сухарях и вообще о продуктах) в походе обычно не ощущается.

Идея нового путешествия в общем-то оставалась прежней – весенний поход и по снегу, и по воде на Крайнем Севере, но теперь мы наметили подойти к Полярному Уралу, перелезть через него и спуститься к Оби с байдарками, собранными в самом начале пути. То есть мы задумали, видите ли, переплыть через снежные горы... Байдарки по воде и льду до Урала, а также по снегу через хребет мы собирались тащить не просто так, на резиновом брюхе (нашли простачков), а на специальных, сделанных из тонкой листовой стали подкладках-волокушах, которые по праву изобретателей мы нарекли поддонами.

Предшественником поддона был деревянный подстил, который Петр соорудил в предыдущем походе и который с честью выдержал тяжелые испытания на льдинах и снежных берегах Танью. Безусловно, и у этого предшественника поддона были свои предки (например, в арктическом походе упоминавшегося уже Юлиуса Пайера лодки через льдины перетаскивались на подкладках из лыж), но это не умаляет практической ценности нашего изобретения, а лишь подчеркивает преемственность технического прогресса и подтверждает правильность положения, что из ничего ничего не бывает.

Теперь нам не обязательно нужен был снег в тундре перед Уралом, и наст, и мороз. Требовался лишь небольшой снежок при переходе через хребет. Поэтому мы выбрали самый поздний срок и решили уезжать из Москвы 1 июня.

А ехать мы задумали, конечно, в новое место. На Полярный Урал, но

ожнее, туда, где от озера Варчато мы видели матовый блеск неведомых нам вершин и где начинается быстрая река Войкар.

...У причала стоит баржа-самоходка. На палубу ее погружен небольшой тягач-вездеход. Он стоит поперек баржи и нависает задом и носом над водой. Чтобы не соскользнул в реку, вездеход прихвачен тросами за кнехты, а под гусеницы подложены колодки.

Самоходка и вездеход - для нас. Не специально, просто нам по пути. У совхоза есть дела на ферме по Юньяхе, а туда весной иначе как двумя этими видами транспорта и не доберешься.

Нас провожают трое.

Высокий мужчина в пальто и в черной фуражке, заместитель директора совхоза "Горняк" Иван Антонович Дулецкий.

Июнь, тепло, а он в осеннем пальто. Северная привычка, вернее, опыт, который подсказывает, что долго это тепло не продержится. В любую минуту может пойти и снег. Это Дулецкий пошел нам навстречу и направил на ферму вездеход на два дня раньше, чем было намечено. А то бы мы уже плыли сейчас вниз по Усе, делая на веслах обход в пятьдесят километров.

Рядом с Дулецким маленькая Катя. Она работает в столовой совхоза. Мы заходили туда накануне, вскоре после того как приехали на автобусе с железнодорожной станции. Катя кормила нас вкусной гречневой кашей и блинами с творогом. Гречневая каша подавалась в качестве гарнира к увесистому куску телятины. А вначале была еще миска, полная густого фасолевого супа. Когда мы все это осилили, Катя закрыла столовую и повела нас в кино. Со стороны это выглядело, наверное, забавно - тоненькая девчушка лет восемнадцати, порхающая в модных туфельках по дощечкам и бревнышкам, положенным посреди утопающей в весенней грязи улицы, а следом гуськом, как дети за воспитательницей - шесть лбов в брезентовых куртках и в резиновых сапогах. Мы шли, и каждый, наверное, думал с тоской о том, что гречневую кашу там, в тундре, мы себе еще сварим, но вот заботливой Кати у нас уж точно не будет.

Третий провожающий - Григорий Карлович Любарский. По его длинной фигуре, по обветренному и морщинистому лицу нетрудно догадаться, что он рыбак. Рыбаки-любители есть в любом поселке, даже если вблизи него нет ни реки, ни рыбы. На Севере же рыбачат почти все. Но рыбаки бывают разные. Как и грибников, их можно разделить на добытчиков и бродяг. Первых интересует прежде всего сам улов, количество пойманной рыбы, и поэтому они не мечутся по рекам, а обстоятельно осваивают свои заветные места и способы ловли. Вторые, бродяги, рыскают широким поиском по всей округе. Их не так занимает добыча, как неизвестные никому рыбные места. Находя их, они получают не меньшее удовольствие, чем от самой ловли.

Любарский принадлежал, безусловно, ко второй категории. Он подошел к нам, когда мы выгрузились с машины на берег Усы, острым взглядом бывшего путешественника оглядел наше походное имущество и заговорил, словно со старыми знакомыми. Через десять минут он уже рассказывал нам о реках, по которым мы намечали добираться до Урала.

Капитан самоходки, он же лоцман и моторист, Иван Ряжен-цев машет рукой: мол, поехали. Мы поднимаемся с бревен, отвязываем чалки, скидываем их на палубу и сами запрыгиваем вслед за ними. Самоходка урчит, отталкивает носом притулившуюся к ней большую льдину, выходит на чистую воду и берет курс вверх по Усе.

Плывут редкие льдины, кусты по берегам тонут в весеннем потоке, мы стоим, прислонившись к гусеницам вездехода, и, полные неясных предчувствий, смотрим вверх по реке...

Юньяха хоть и ближе к Уралу, чем Уса, но льда на реке нет; вода подошла под самый лес, быстрый, мутный поток подрезает крутые берега. Нам надо вверх по Юньяхе до Лагорты. На веслах подниматься нельзя, слишком быстрое течение. Вдоль берега на бечеве тоже не пройдешь - кусты. Можно, конечно, пробираться сквозь кусты и переплывать с берега на берег, но это морока. За день наскребешь километров десять. Не такой хотели мы видеть Юньяху. Думали, то снежок будет по берегам, то гальяка... Можно, конечно, развернуться - и вниз, до Грубею, по ней дойти до Урала и перевалить на Малую Лагорту. Можно, но это уже будет хулиганство. В Москве-то ведь наши друзья знают, куда мы должны идти, и, если мы застрянем или какая-нибудь беда, где нас искать? На Малой Лагорте или на Большой? На Грубею или на Хойле?

Придется пробираться, как было намечено еще в Москве, по Юньяхе.

Мы сидим на берегу, с тревогой поглядываем за поддонами – не отвязались ли они еще от байдарок – и обсуждаем, как нам лучше двигаться по реке. Одному на бечеве, а другому с шестом? Или сделать бурундук – что-то вроде водяного змея из байдарки – и тянуть байдарку сразу двоим? Или одному сидеть на байдарке, грести и управлять ею, а другому тянуть? И так плохо, и так плохо: все берега в кустах и деревьях, затопленных водой.

– Ну что, командор – говорит Лукоянов, поднимаясь с земли и натягивая брезентовые рукавицы – двинулись? Часы

пущены. Вперед, на штурм Урала!

В его тоне – торжественность не по моменту. Какой там к лешему штурм, когда нам предстоит не день и не два трепыхаться с байдарками в кустах.

– Не спеши, Петр – говорит Рубинин.

– Посиди. Еще успеешь искупаться в Юньяхе. Покури, пока сухие сигареты.

Алексей Рубинин напарник Петра по байдарке. В этом году я плыву не с Петром. Со мной Гена Варламов. Петр будет снимать кино, а Рубинина он выбрал себе в качестве консультанта. Для этой роли Леша подходит вполне – он спокоен, выдержан и на серьезной реке чувствует себя уверенно. Когда плывешь с кинокамерой, это очень важно. Рубинин выделяется среди нас не только утонченно интеллигентными чертами лица, подчеркнутыми ранней и курчавой сединой, но и каким-то неуловимым настроением веселого скептицизма. В любых, даже самых трудных и неприятных ситуациях он спокоен, и с улыбающихся припухлых губ его всегда готово сорваться едкое, но дружеское словечко. Склонность к острому словцу, как известно, предоставляет большие возможности для отлынивания от черной работы, однако Леша никогда ими не пользовался и с неизменно милой улыбкой брался за любое дело обычно первым. Вернее, вторым – вслед за Петром Лукояновым.

Если в двух байдарках по существу уже определилась ориентация их экипажа – в одной на походного кинорепортера Лукоянова, в другой на того, кто, не сумев сделать должного вывода из прошлогоднего горького опыта, снова захватил в свои руки власть руководителя группы – то в третьей байдарке полное равенство. Единство как борьба противоположностей. Шумный и деятельный Анатолий Деев и сдержанный Юра Фатеев, относящийся очень спокойно к поспешным советам своего напарника. Впрочем, тонкие нити взаимоотношений между членами экипажа каждой байдарки и между байдарками как коллективами еще скрыты, они только угадываются по отдельным репликам, по первым действиям. Для более основательных оценок своих спутников у каждого из нас фактических данных еще маловато.

...Петр выбрасывает окурок сигареты в реку; ждать больше нечего; мы поднимаемся все сразу, идем к байдаркам и, взявшись кто за шест, кто за веревку, начинаем двигаться вверх, слегка подзуживая друг друга.

Через полчаса мы уже помалкиваем. Только кряхтим, пролезая под стволами или снимая длинными шестами зацепившуюся за кусты веревку. Нетрудно представить, как это все будет выглядеть дальше. Два дня мы будем продираться сквозь кусты, излохматим о них свои штормовки, а кто-нибудь, обходя снизу корни вывороченной елки, сорвется в воду. Петр, конечно, не снимет ни одной киноплёнки, он сам будет еле шевелить ногами уже после двух часов сражения с кустами. Так будем ползти до Лагорты. А там, пока мы здесь ковыряемся, сойдет лед и стает по берегам снег. Придется до Урала идти по воде.

Проклятые кусты. То ли дело прошлой весной! Снег, простор, идешь себе по тундре солнечной морозной ночью. Посвистываешь. А тут кусты. Доигрались, "исследователи"...

К вечеру начинается дождь. Мелкий, холодный.

– Сюда! – кричит Деев. Он с Юрой идет впереди. – Нашел место для ночевки!

Мы с радостью оставляем байдарки там, где нас застаёт крик Деева, и идем к нему, чтобы посмотреть, годится ли место. Что-то подозрительно – кругом сырость, кочки.

### Навстречу льдам

На берегах Юньяхи обломки толстых льдин. Они сочатся, истекают.

Пронизывая их, как спелые плоды, солнце высвечивает на изломах льдин затайливые линии. Под стук тяжелых капель льдины отламываются и падают, рассыпаясь крупными, сверкающими иглами. Иглами и стрелами, лишь чуть размазанными по краям, разбросаны по небу облака. На берегах Юньяхи, на островах, на отмелях, белеют льдины – остатки ледохода. И снежник извилистой полосой тянется вверх по реке вдоль левого берега и исчезает за поворотом.

- А ты все плакался: кусты, кусты, когда же кончатся кусты? Вот тебе и снег.

Рубинин дергает за веревку, байдарка разгоняется в воде и с ходу наползает носом на снежник. Затем он бросает веревку на снег и, придавив ее ногой, снимает через голову брезентовую куртку и рубашку. Жарко.

Мне, и правда, казалось, что эти проклятые кусты намерены тянуться по рекам до самого Урала. Но видимо, здесь ничего нельзя предвидеть. Во всяком случае нет смысла делать это доморощенным способом – полагаясь на чутье, на интуицию и на те скудные сведения о здешних реках, которые мы почерпнули из книг. Ну разве могли мы подумать, помня, как прошлой весной лед на Усе тронулся только в середине июня, что в этом году уже в начале месяца в среднем течении Юньяхи по берегам ее полностью исчезнет снег? Конечно, нет. И могли ли мы, увидев голую, безлесную и бесснежную Юньяху вблизи фермы, предполагать, что снег вдоль реки появится уже километрах в двадцати выше?

...От выброшенных на берег льдин отваливаются ледяные иглы и, падая на крутой каменистый склон, со звоном рассыпаются по нему, подпрыгивают и скатываются в воду. Петр ползает вокруг ледяных обломков на коленях и, чуть ли не касаясь их объективом камеры, снимает. Густые, тяжелые капли. Россыпи кристаллов. Сверкающие срезы льдин и рядом с ними желтые сережки ив.

Деев и Юра сидят рядом на борту рубининской байдарки и с интересом наблюдают за Петром.

- Сейчас проверим поддоны – говорит Деев. – Посмотрим, как они проявят себя на снегу.

- Не беспокойся – отвечает Петр, не отрываясь от кинокамеры. – Проявят. Их проверяли уже в прошлом году. И не такие, а похуже. Из лыж.

- Мы этого не знаем. Как говорится, лучше раз увидеть...

Деев встает и, кивнув Юре, наматывает на руку веревку, привязанную к носу байдарки. Юра хватается за веревку рядом. Они проводят байдарку по воде до заледеневшего края снежника и, закинув веревку на плечи, тянут ее по снегу к берегу. Снег у реки темно-серый от земли и разной трухи, набросанной на него водой, и поэтому байдарка вначале еле ползет, и кажется, что лопнет веревка. Но когда они выходят повыше, на чистый снег, байдарка скользит легко. Тонкий поддон звонко поскрипывает, вдавливаясь и снова выпрямляясь, когда байдарка перегибается на бугорках и неровностях снежного склона. Идет неплохо. И это по талому, нагретому солнцем снегу. По льду же или на морозе байдарки мы потянем играючи...

- Ну? – улыбаясь, спрашивает Петр и заправляет камеру в футляр.

- Годится.

- А хорошо-то как – мечтательно зевает Варламов. Он вздремнул во время испытаний и теперь, пробудившись, жмурится, озирая нестерпимо светлый мир. – Тепло. Нет комаров. Пахнет сухой травой и тающим снегом. Стать бы здесь лагерем на неделю. Позагорать... Слушай, командор, неужели мы сейчас поднимаемся и, как ненормальные, потянем по снегу свои байдарки?

Давай, Гена. Продолжай. Сомневайся. Такие люди, как ты, нам нужны. Такие люди должны быть в каждом жизнерадостном коллективе. Нельзя питаться одним молочным киселем энтузиазма – нужен перец сомнений и трудных вопросов. А насчет комаров – это ты вспомнил их визит сегодняшним утром? И правда, было любопытно.

...Мы проснулись от духоты в палатках. Вылезли. Теплынь, и нет ветра. На термометре восемнадцать. Мы стянули с себя все шкуры и разлеглись на спальных мешках, купаясь в солнце. И тут-то они появились. Не нудно и не зло, а громко и обрадованно запищали над нами хмельные от первого избытка солнца комары. Они садились нам на плечи, на ноги и, слабые еще, не могли укусить. Шатаясь, ползали по коже и улетали. Наверное, таких несчастных стоило и пожалеть, но мы их крыли последними словами. Как только они явились, уюта – от тепла, от воздуха, от солнца – не стало. В ушах стоял противный писк, и мы привычно, как лошади на лугу хвостами, отмахивались

руками от пролетающих мимо комаров. И главное, еще ведь снег - вдалеке, на горах, и рядом, в оврагах и ложбинах тундры и вдоль реки. В заливе вблизи палатки трутся друг о друга льдины. И - комары. Непривычно и очень странно.

А здесь, у снежника, действительно, совсем нет комаров. Как ветром сдуло. Теперь мы всегда будем ночлег или просто остановку устраивать возле снежников. Конечно, если снежники не исчезнут совсем.

Гена уже спит. Локоть в коленку, ладонь под щеку и сопит сидя. Какая реакция! И кто бы мог подумать, что он еще почти новичок, что всего раза три был в средненьких походах?

У Гены красное от загара лицо, щетина лезет дружно, как молодая трава после дождя, кисти рук задубели на весеннем ветру. По одной такой внешности можно безошибочно определить, где странствует человек - в Подмосковье или где-нибудь подальше.

- А что, может быть, и в самом деле нам устроить здесь лагерь на два дня и заняться съемками фильма? - с едва заметной ехидцей говорит Рубинин. - Снег есть. И лед тоже. Разыграем, будь здоров. В движении так не снимешь.

Ясно: Рубинин рвется в путь. Пожалуй, пора. Я подхожу к Варламову и не сильно стучу сапогом по его сапогу. Вставай, лодырь,, на работу. Гена дергается, хлопает глазами и крутит во все стороны головой: мол, что такое? Как будто крепко спал. Артист.

Мы начинаем двигаться. Тянем байдарки по снежнику. Они у нас теперь как сани, а мы в той же роли, что и в прошлом году с нартами. Мы - в упряжке.

Солнце разогрело снег, он стал рыхлым, и байдарки ползут тяжело, но все равно мы идем быстрее, чем когда пробирались по кустам.

Неровный, с изрезанными краями снежник остается позади, и мы сталкиваем байдарки в реку. Теперь за веревку тянет лишь один, а другой с шестом, уткнув его в узел на носу байдарки, обводит ее вокруг острых выступов снежника, застрявших на мелях льдин, кустов и камней.

Над Юньяхой проносятся, покрякивая, утки, пронзительно кричат по берегам куропатки, сопит река, пытаясь столкнуть застрявшие на отмелях льдины и подгрызая прибрежный снежник.

И наши крики над рекой. Сигналы друг для друга и незлая, деловая ругань. "Ты что, ослеп! Не видишь, что ли, байдарка уперлась в льдину?" Это Юра Фатеев. Он с шестом. Еще не приловчился быстро отводить препятствия, а Деев с веревкой впереди не оглядывается, прет. "Стой! Стой!" Это Рубинин. Он видит, что сверху на байдарку наплывает льдина, и кричит Петру, чтобы тот перестал тянуть.

Позади нас с Геной раздается странный звук, как шумный выдох гигантских легких, а за ним - гулкий удар и шелест брызг по снегу, по воде. Оглянувшись, мы видим, что, не выпуская из рук веревки, Деев лежит на снегу и тянется к берегу, а ноги его висят над широкой трещиной. Обвалился снежник. Хорошо, что Деев сумел отпрыгнуть в сторону. Хорошо, что глыбой снега не прихлопнуло байдарку.

И снова шагаем дальше по краю снежника. Останавливаемся лишь на мгновение - чтобы ловчее направить нос байдарки шестом, чтобы перекинуть зацепившуюся за угол снежника веревку.

Иногда за нами раздается глухой плеск - это, откалываясь, падают в воду снежные края, по которым мы только что прошли. Самые крупные из них не уплывают, а застревают на прибрежных отмелях. Полоска снега в реке, а на ней следы наших сапог. Вода урчит, глотает попавшие к ней на растерзание снежники и слизывает с них следы... Вечером у костра хватит разговоров. Если, конечно, дотянем без приключений до вечера. Как бы не пришлось разводиться костер пораньше.

Ручей с крутыми торфяными берегами подходит справа к реке и промывает в снежнике узкую глубокую щель. По берегу обносить байдарки тяжело, надо полностью разгружать их, а по воде двигаться опасно. Сильный поток бьет здесь в снежник, и байдарку, выходящую в реку из щели под большим углом, может перевернуть. Мы долго стоим, чешем затылки, затем связываем две веревки и на длинном конце выталкиваем первую байдарку дальше от берега и даже даем ей вначале свободно плыть вниз, чтобы развернуть носом к потоку, а после тянем вверх. Там, куда мы после ручья подводим одну за другой все байдарки, не снежник, а большая льдина, прижатая к берегу потоком. В льдине видна круглая дыра. Закручиваясь, вода втягивается в эту дыру и растекается

где-то под льдиной и под снежником.

Мы снова движемся по краю снежника и тянем байдарки по воде. Опасно и тяжело, но теперь у нас уже есть опыт. Мы тратим меньше сил, раньше видим трудные места. Четко, без препирательств мы проводим байдарки вдоль отвесных снежных берегов, преодолеваем то вплавь, то волоком скопление льдин в заливах снежника, используем ручьи выходящей на лед воды. Не думали мы, что так быстро сработаемся друг с другом и научимся преодолевать препятствия на реке. И вдруг сдавленный крик Рубинина: – Весло!.. Скорей весло!

Леша провалился по грудь в воду и висит между двумя небольшими льдинами. Его тянет потоком под лед. Но он еще держится на поверхности. Заклинился спасжилетом. Осколки льдин возле Лешы ворочаются и тонут, исчезая под большими льдинами. Мы четверо отрезаны от Рубинина полосой воды и колотого льда и бессильны ему помочь. Рядом лишь Петр. Он слышит крик, бросает байдарку и бежит с веслом в руке к Рубинину. Приблизившись к непрочной ледовой кромке, он быстро ложится и ползет с веслом в руке. Леша хватается весло и, опершись на него, выбирается на большой осколок льдины. Переведя дыхание, он встает и, балансируя веслом, как шестом, перебегает по уходящей из-под ног льдине к байдарке. Все в порядке. Мы видим уже, как Леша, согнувшись и растопырив руки, стоит на крепком снежнике, клином вдающемся в реку. С него ручьями льется вода.

– Беги вокруг промоины к берегу! – кричит Петр и начинает рыться в рюкзаке. – Беги, сухую одежду я принесу.

Леша уже на берегу. Он подпрыгивает на месте, потом, словно опомнившись, начинает стягивать с себя спасжилет, брюки, ковбойку. Мы помогаем ему раздеваться.

Прибегает Петр с сухими вещами. Он растирает Рубинину полотенцем спину. И все мы хлопочем вокруг него, как массажисты и тренеры возле знаменитого боксера перед выходом на ринг.

– Петр, а Петр – с трудом улыбается приходящий в чувство Рубинин. – Почему же ты меня не снимаешь? Был ведь уговор... Может быть, я для того и искупался?

Лукоянов спешит к байдарке за кинокамерой.

– Ты брось это, Петр – ворчит ему вдогонку Деев. – Я вчера залез в воду по пояс, но ни о чем тебя не просил. Если на то пошло, меня надо снимать первого...

– Еще раз искупаешься, и сниму – отвечает на бегу Петр. – А при монтаже фильма пропущу вперед.

Рубинин уже немного согрелся.

– Уступаю очередь. Раздевайся и становись возле моей мокрой одежды. А мне дайте спирту.

– Всем, всем! – радостно подхватывает Мальчик Гена. – Такое событие. Счастливый исход. Всем надо...

Ясно уже, что через десять минут мы запалим костер и начнем ставить палатки.

...Я засыпаю и думаю: "Мог ли утонуть Рубинин? Нет, конечно. На нем ведь был спасжилет. И Петр находился рядом... Не мог. Но надо быть осторожнее..."

– Слушай, Леша, а ты много раз был в больших походах? Чтоб вот так – на месяц, в глушь, чтобы рисковать на каждом шагу... А?

Все мы лежим в спальниках на воздухе. Палатки стоят поблизости, за потухшим костром, но они пустые, в них лишь рюкзаки. Небо чистое, ветра нет. Сверху неприятностей пока не ожидается.

– Приходилось – отвечает Рубинин.

Лагерь наш в высоком ельнике, на пригорке. Напротив, за Лагорткой, изогнутая дугой бурая скала. Она как срез помятого слоеного пирога, вся в жилах – извилинах пород. Над скалой острые пики голых лиственниц, а внизу – длинный снежник. Второй час ночи. Только что взошедшее солнце медовым светом лижет скалу и снежник под ней. С вечера он казался голубым и мерзлым, а теперь пожелтел, словно засыпан песком или пылью. Если забраться на скалу с правого берега, то можно увидеть, что в конце ущелья Лагорты толпятся исполосованные узкими снежниками горы. Урал. Наша заветная цель. От костра и из спальных мешков Урала не видно, но по теплему отблеску солнца на скале за Лагорткой можно догадаться, какой он сейчас. Наверное, горят на солнце

вершины, и облака висят над ними, круглые и неподвижные, как воздушные шары на ниточках.

Варламов продолжает допрашивать Рубинина:

- Ну, и как, нравится?

- Как видишь.

- Да, сейчас хорошо. А утром, когда шел дождь и когда я чуть не скovyрнулся с одной льдины в воду, честно говоря, пожалел даже, что поехал.

- Это с непривычки.

- Может быть. Но в то же время возникает вопрос: зачем привыкать? И вообще к чему все это? Кому польза от наших добровольных страданий?

Рубинин тоже высовывается из мешка:

- Гена, а ты себя хорошо чувствуешь? Не простудился? Или с животом что? Лекарства не надо? Пенициллин, фталазол..,

- Подожди, не перечисляй дальше. Ты лучше скажи: какая от нас польза людям? От скитаний геологов и топографов, это понятно, польза есть. Они делают дело. А мы ведь просто бродяги. Какой же толк от наших рискованных путешествий?

- Есть, Гена, есть.

- Кому?

- Людям.

- Каким людям?

- Прежде всего нам самим. Мы что - разве не люди? Не равноправные члены общества, для которых отыскивают уголь, нефть и всякие там камни те же геологи?

- А ты не думаешь, что мы принесем себе и, значит, человечеству вообще больше пользы, если проведем отпуск в доме отдыха, а не здесь? В этой потасовке с рекой и льдами.

- Нет, не принесем.

- Почему?

- Просто это неинтересно. Дом отдыха - это не для меня.

Мне надо другую пользу. И всем нам, а не только мне. И еще многим другим, таким, как мы.

- Почему же, скажи?

- Потому. Так как ты насчет лекарства? Есть еще и тройчатка. Одновременно от головной боли, от насморка и как закрепляющее средство.

- Вот ты и готов. И не можешь доказать, что ты не авантюрист. То есть мы все вместе.

Рубинин молчит. Все молчат. На бурой скале за рекой зашевелились извилины пород. Это блики. Солнце приподнялось над дальним гребнем и, скользнув по зыбкой воде и по неровным снежникам, заиграло отраженными волнистыми лучами. Когда мы проснемся, солнце окажется уже позади скалы, и на ней не будет видно никаких извилин.

Действительно, к чему же эти наши самодеятельные странствия? И есть ли от них кому-нибудь польза? И что означает само это занятие - странствие, путешествие - сейчас, после того как оно претерпело столько превращений за долгую историю человечества? Ведь было время, когда путешествия считались обычным делом, как заготовка дров, ловля рыбы и тому подобное. Люди все время совершали путешествия, почти всегда в новые края, и ничего особенного в том не видели. А такие понятия, как "войти в историю географических открытий", "бессмертие в названии на карте", вообще не существовали.

Затем, стремясь к приобретениям, к увеличению богатств и власти, сильные мира стали посылать подданных на поиски сказочных земель. Для самих же путешественников такие странствия были привлекательны тем, что обещали разбой и вольницу в дальних краях и дары их господ по возвращении. В эту пору путешественниками становились в основном авантюристы. Но видимо, от них берет начало тот зуд странствий, который охватил затем чуть ли не все человечество.

Новый этап в развитии путешествий возник с началом интенсивного обмена информацией. Тогда путешествия стали иметь уже новый смысл - как научный поиск, как средство увеличения знаний о Земле. При этом стремление к опасным странствиям питалось, видимо, не одним благим порывом послужить науке, но также и желанием сделать в науку о Земле свой личный вклад и увековечить себя в названии горы, хребта, острова, а то и целого материка.

Неослабевающим ветром в парусах путешественников стало честолюбие. Особенно после того, как появились газеты, журналы и прочие массовые издания, с помощью которых слава первооткрывателей стала разноситься по всему свету. Доблестные честолюбцы эпохи Великих географических открытий потомкам своим "белых пятен" на картах почти не оставили. А если и оставили, то лишь в полярных областях и в глубинных, труднодоступных районах. Продолжатели их в течение последних двух столетий только подчищали крохи. Некоторые из этих крох, правда, оказались довольно значительными, например Арктика, Антарктида, пустыни Центральной Азии и горы Восточной Сибири, а еще позже – побережье севера Америки.

Потом путешествия наряду с исследовательскими приобрели и спортивные черты – стало звучать: "Я первый!", "Я быстрее всех!" Так люди добрались до обоих полюсов, нанеся заранее их на карты. Так поднялись на Джомолунгму, измерив до этого ее высоту и имея сотни фотоснимков. Наконец – и это уже наше время – путешествия стали носить чисто практический характер. Геологические, геодезические, ботанические экспедиции. Все "самое-самое" уже достигнуто, открыто, пройдено. Спасибо, земной поклон отважным странникам всех времен и народов за создание карты нашей планеты.

Но почему-то кажется иногда, что у нас – у того же Мальчика Гены, у Деева, у Петра и вообще у очень многих людей, живущих сейчас на земле – они в то же время что-то отняли. Что оставили они нам для свершений дерзких и бессмертных? Описания своих путешествий – чтобы еще больше возбуждать аппетит, который мы не в силах утолить? Большое спасибо, но этого нам мало, нам нужны еще и сами необычные, загадочные путешествия. Хорошо еще, что люди неиссякаемые выдумщики. Когда не будет хватать хлеба и мяса, они научатся делать их из нефти. Когда не стало неведомых земель, они выдумали дальние походы. И нам, советским, еще повезло. У нас еще столько мест – на Севере, в Сибири – где не ступала нога человека и где иллюзия небывалого путешествия очень близка к действительности.

Вот река Лагорта. Наверное, мы первые плывем по ней на байдарках. А в такое время уж наверняка первые. Урал. Он рядом. Чтобы видеть его, надо лишь отойти от костра на десять метров. Мы первые "переплывем" его здесь на лодках. Это очень приятно – первые. Как Амундсен на Южном полюсе. Не тот масштаб, конечно, но зато первопокорение полюсов, высочайших вершин, глубочайших впадин и вообще всяких уникальных точек из-за ограниченности их числа заранее было предназначено лишь горстке самых выдающихся и удачливых, а такой маршрут, как у нас, доступен многим. Земля изучена, но все равно миллионы людей еще могут совершать настоящие странствия. Пусть маленькие, пусть только для себя, но полные приключений и открытий...

Но вот странное дело – эту тягу к небывалым (своим собственным!) путешествиям в наше время часто называют туризмом. Какое заблуждение! Туризм – совсем не то. Туризм – прежде всего отдых. Отдых активный, в передвижении, а также особый, приятный, а поэтому и действенный способ культурного и эстетического самовоспитания. Все это очень хорошо и полезно, больше того, современному человеку даже необходимо. Туризмом занимаемся и мы, когда по воскресеньям катаемся по лесу на лыжах. Или когда совершаем на автобусе экскурсию в Суздаль. А то, что делаем сейчас мы и еще сотни тысяч таких, как мы – это совсем другое. Если определить приблизительно, то это – спортивные путешествия. Но не только. Это еще и возможность в необычной и доступной всем форме проверить себя. Свои возможности и свой характер. И не только именно свой, индивидуальный, а свой как представителя рода людского.

Шестидесятипятилетний Френсис Чичестер, английский мореплаватель, совсем недавно поразивший всех кругосветным путешествием в одиночку на парусной яхте... Его пример и отклики во всем мире на это плавание – разве они не говорят о том, что человек, если он смел и мыслит самостоятельно, никогда не согласится с утверждением, что на нашей планете не осталось места для географического подвига? И о том, что яркий и мужественный поступок, даже совершенный 53з практической и научной цели, а ради самоутверждения, имеет безусловную ценность, как демонстрация величия человеческого духа? А это всегда будет нужно. Как хлеб и воздух.

Почему же мы – а именно те, кого неудержимо тянет в трудные дальние походы – отделяем себя от туризма? Что это – неуважительное отношение к любителям несложных познавательных путешествий? Нет. Просто мы считаем, что

различать нас и туристов необходимо в обоюдных же интересах. Чтобы каждая "ветвь" заняла в жизни общества и в его сознании свое собственное место. Пока же распространенные представления о спортивных походах и о туризме путанны и противоречивы. Больше того: с некоторых пор весьма достойное, приносящее людям пользу занятие – туризм стало изображаться как какой-то порок или недостаток. К распространению и утверждению такого представления приложил руку, пожалуй, каждый, кто только мог. Кто имел доступ к массовому слову.

Выдающиеся спортсмены конькобежец Гришин и лыжник Ацентьев заверяют корреспондентов, что на Олимпийские игры в Гренобль туристами они не поедут (а только, мол, полноценными борцами за медали).

Начинающий поэт трубит громогласно, что он-де, ветру подставив лицо, не праздным туристом, а как работяга идет по земле.

Известный писатель Солоухин (наибольшей известностью, кстати говоря, пользующийся именно у туристов), выходя на владимирские проселки, недвусмысленно отмежевывается от своих поклонников, которые так и норовят в походах ночевать не в селах и деревнях, среди людей, а в лесу, в палатке.

Художник Рубан картину, на которой изображены снежные горы на острове Врангеля, называет "в духе времени" – "Не для туристов". Не для них, конечно: до острова Врангеля, например от Москвы, билет стоит около двухсот рублей. Только в одну сторону.

"Советский спорт" печатает статью о Хемингуэе-спортсмене. В ней подчеркивается, что великий писатель много путешествовал и никогда при этом не был туристом в "плохом смысле этого слова". Вот оно что – у туризма, оказывается, есть и "плохой смысл".

Е общем турист – это неженка, верхогляд и бездельник. Рабочий, или инженер, или врач, или колхозник, или артист, приехавший после своего трудового года на юг и валяющийся целый месяц на пляже – почетный труженик на отдыхе, а тот же рабочий или инженер, решивший съездить в отпуск на Север, чтобы познакомиться с памятниками деревянной архитектуры (и прочитавший перед отъездом десятки книг по истории и искусству) – презренный турист.

Но будем оптимистами. Будем верить, что общественное мнение в конце концов отсеет ходячие и легковесные представления от истинных и справедливых. При этом оно, видимо, прежде всего наведет порядок в терминологии и, не сваливая все в одну кучу, найдет свои названия и для комфортабельных путешествий иностранных туристов, и для оздоровительно-познавательных экскурсий, и для сложных спортивных походов.

...Солнце светит уже точно вдоль среза скалы на том берегу, и по теням на скале видно, какая она негладкая, бугристая. От снежника под скалой отваливаются ломти. Падая в воду, они раскалываются и плывут по реке нетающими и неровными сахарными кусками. Еще немного, и солнце соскользнет со скалы и она потонет в тени. Спать нам осталось еще часа четыре, Хорошо, что легли под открытым небом – говорят же, что два часа сна на воздухе заменяют восемь в помещении.

Выше лагеря, за поворотом – наледь. Зеленовато-голубой наплыв льда через всю реку. Напирающая весенняя вода прорезала в наледи глубокие желоба. Извилистые, с отвесными краями. Поверхность наледи неровная, с буграми и лужами на льду, с темными округлыми полосами. Издалека кажется, что кто-то выводил на льду округлые черные линии и размазывал затем их, стараясь добиться плавности перехода от черноты к бледно-зеленому. Если подойти ближе, эти полосы – скопление разной древесной мелочи: сучков, кусков коры, жухлых прошлогодних листьев, хвои, Зимой река, прорываясь где-то сквозь наледь, накатывалась на лед и, ровняя на нем мусор, оставила до весны эти четкие и стойкие следы. Байдарка по грязным натекам на льду еле скользит, скрипит поддон, и до звона натягивается капроновая веревка. Поглядев, как тяжело тянут байдарку Петр с Рубининым, мы с Геней решаем протащить свою через наледь по воде, в желобе.

В крутом, пенистом потоке байдарка дрожит от напряжения и роет носом воду, а на первом же повороте ее прижимает струей к ледовой стенке. Мы пытаемся подтянуть байдарку чуть выше по течению, чтобы там выдернуть на лед, но не можем. Не хватает сил. Собираемся уже звать на помощь своих, но вдруг поток выдергивает байдарку у нас из рук и тащит ее вниз по желобу.

Сейчас заклинит в узком месте и переломит. Или перевернет. Мы бежим за байдаркой по наледи. К счастью, ее пронесит благополучно до конца желоба, и она выкатывается там стальным днищем на плоский ледяной блин.

Но самым трудным для нас оказался не подъем к верхнему краю наледи: труднее было сплыть затем с нее на берег. Наледь кончалась острым мыском, справа и слева от которого гудела река, и в байдарки приходилось садиться, стоя в потоке на скользком, отполированном водой льду.

Высокая одинокая скала горбится на повороте реки. На вершину скалы ведет полоска земли, заросшая мхом. Со скалы Лагорты как на ладони. Она пенится среди камней и пытается сдернуть застрявшие на них льдины. По левому берегу уходят вдаль две полосы. Одна, ближе к реке, белая; это снег. Вторая полоса, буро-зеленая – лес. Последние ели и лиственницы. За лесом радужными пятнами мхов и лишайников сверкает освободившаяся от снега тундра. Вдалеке, в проеме долины, виден Урал. На хребте острая, как зазубрина, впадина – перевал, на который мы полезем. Правее перевала – остроконечная вершина Хордьюс. Над Уралом бледно-голубое небо, а на нем полосы золотистых облаков. И сами горы голубые, может быть, лишь чуть лиловые. Река сверху шустрая, но не злобная. Сверху не видно, что снежные берега отвесно обрываются к воде. Сверху не видно никаких будущих забот.

...Из-под скалы появляется байдарка, за ней другая. Они медленно плывут против течения, приближаясь к порогу, затем резко разворачиваются и летят наперерез потоку к противоположному берегу. Там они причаливают к льдинам. Из байдарок на лед вылезают маленькие человечки и тянут их по двое на бечеве. Сверху, со скалы, хорошо видно, как человечки в капюшонах, обводя байдарки вокруг прибрежных камней и затопленных водой кустов, легко, почти без задержек, продвигаются вверх по реке.

Сверху все как игра, и не видно, что движение по весенней реке – тяжелая работа.

В высоком березово-еловом лесу по берегу Лагорты – пролысина. Поляна. Но вряд ли кто-нибудь тут косит сено – наверное, когда-то давно от пожара погиб лес да так и не заросло. Посредине пролысины кривая раздвоенная ель. На нижнем суку ее висит корзина. С одной ручкой, круглая и крепкая корзина. До ближайшего поселка километров сорок напрямик. Для чего тут корзина – грибы собирали? Ягоды? Или для рыбы? Хозяйственный Деев подошел, снял с сучка корзину, повертел в руках, огляделся – нет ли кого рядом, хотел идти уже с ней к нашему костру, потом махнул рукой и повесил корзину обратно на сук под кривую ель.

Снежный обрыв. Метра на два вверх от воды. Дальше вдоль берега на бечеве не пройдешь. Нельзя и по снежнику – метров на двести вперед видно, что узкая полоса снега между рекой и лесом вся рассечена обвалами и промоинами, а местами ее и вовсе нет. Надо переплыть реку, вылезать на том берегу на снежник и по нему уже двигаться дальше. Внизу к снежному обрыву прижалась байдарка. Возле нее с веслом в руке Петр. Капюшон штормовки накинут ему на голову. Он собирается садиться в байдарку. Рядом стоит Рубинин. Прислонившись плечом к срезу снежника и упираясь ногой в торчащую из воды зеленую льдину, он крепко держит нос байдарки. Петр влезает в нее, упирается веслом в камни на дне, ждет Рубинина. И вот они уже вдвоем молотят веслами по воде. Опасливо оглядываясь, чтобы кормой не нанесло на камень или льдину, приближаются к противоположному берегу. Еще минута – и байдарка качается на мелких волнах в тихой бухточке. Теперь наша очередь, моя с Генной. Мы подводим байдарку к тому месту, где влезали в свою Петр и Рубинин, и начинаем операцию "посадка".

Мы еще сухие. Еще не знаем, что через несколько минут будем барахтаться в ледяной воде. А затем, прибывшись к берегу на галечную отмель, начнем выкидывать на снег мешки, разыскивая тот, в котором сухая одежда. И всем нам еще неизвестно, что в этот день мы не пройдем намеченных пятнадцати километров, что лагерь наш будет в редком лиственничном лесу, совсем рядом с тем местом, где мы сейчас садимся в байдарки...

Рано утром Варламов и Рубинин отправились на разведку вверх по реке. Вернулись они к обеду. Развешивая на веревках вокруг костра вымокшую одежду, рассказали, что выше Лагорты почти все время течет в наледях и снежниках. Местами река совсем исчезает – там можно по снежным и ледовым перемычкам переходить с берега на берег. Километрах в трех от лагеря лес кончается.

Выше встречаются лишь отдельные перекорезанные лиственницы. Там, где уже нет леса, снега по берегам заметно больше, но таких высоких снежных обрывов, какие были накануне, они не встретили. Почти всюду вдоль реки есть снежные или ледяные полки, по которым удобно тащить байдарки.

Выслушав все это, мы решаем не задерживаться в лагере, несмотря на то что тут лес и дрова, а собираться и выходить. И побыстрее, пока не испортилась погода.

Поначалу по набухшему водой снегу двигаться очень тяжело. Чтобы стронуть байдарку с места, приходится разом, вдвоем, наваливаться грудью и плечами на лямку. Когда это не помогает, ослабляем веревку и рывком сдергиваем прилипшую к снегу байдарку. Но потом, когда выходим к наледи, становится намного легче. Особенно легко идут байдарки по самому краю наледи, вылизанному водой. На скользких участках один из каждой пары идет впереди, тянет за веревку, навалившись на лямку, а другой подталкивает байдарку сзади. Второму совсем легко, он идет, смотрит по сторонам. Иногда, задумавшись, и вовсе не толкает байдарку, а лишь слегка прикасается к ней веслом. Но и первому на ровных наледях нетрудно, и обычно он не сразу замечает, когда отключается задний.

Пользуясь тем, что по чистым и ровным наледям байдарки можно тащить и одному, мы трудимся по очереди, а свободные в это время уходят вперед, чтобы выбрать получше путь, или поднимаются на высокие прибрежные склоны.

Мы движемся по Лагорте медленно, как альпинисты при восхождении на сложную вершину, и поэтому сверху, с прибрежных склонов, можно увидеть почти весь наш путь за два предыдущих дня.

Сверху в некоторых местах видны и дальние, покрытые лесом увалы, среди которых находится начальный пункт нашего движения к Уралу – железнодорожная станция с запоминающимся названием Сивая Маска.

Впрочем, это еще что – в тридцати километрах от Сивой Маски, возле Абези, есть поселок Фион-Пион.

Веселые люди обживали Север. Истоков всех оставленных ими на карте имен теперь не сыщешь, но кое-что известно.

На Севере же, в низовьях Оби, есть поселок Елка-Шапка. Была на его месте небольшая рыбацкая деревушка. Как-то неказисто называлась. И вот однажды, когда ее жителям стало известно, что мимо должно проплыть высокое начальство (а именно, тобольский губернатор – это было лет семьдесят назад), они взяли и "украсили" свою деревню: у всех елок, что стояли вдоль реки, обрубали нижние сучья, а верхние оставили. И стали елки в шапках.

(Но разумеется, не только на Севере есть чудеса топонимики. В двадцати километрах от Москвы по Рогачевскому шоссе среди обычных Агафоних и Рыбаков вдруг – село Габо. Появилось это Габо не со времен войны 1812 года, а совсем недавно, когда в один колхоз "укрупнились" четыре деревни – Глазово, Акишево, Бабиха и Овсянково...)

Лукавая поэзия диковинных названий... Одни из них способны породить недоумение или улыбку, другие же просто ласкают слух и вызывают желание увидеть их обладателей. Хотя бы вот такие, тоже северные: Шурышкары, Вонзетур, Лабытнанги...

...Иногда там, где поток по наледи ровнее и в нем нет больших волн, мы спускаем байдарки на воду и на бечеве, слегка подправляя веслами, чтобы не задевали ледяную кромку, тянем их против течения. Подъем по воде вносит разнообразие в наше движение вверх по Лагорте, но облегчение, которое он дает, обычно непродолжительно; сверху то и дело прорываются заряды колотых льдин, и тогда байдарки приходится опять выдергивать на "сушу" и тянуть по наледи.

Была река – и нет реки. Распластавшись по каменистой отмели, она тихо ушла под снег. Метров через триста, в конце снежного заноса, перекинутого, как плотина, с берега на берег, она опять явилась на белый свет. Как язык из пасти чудища, вылезала там Лагорта из большой снежной пещеры.

Обледеневший неровный свод покрыт крупными, продолговатыми каплями. Падая, они гулко стучат по гладкой поверхности реки, обессилевшей под тяжестью снега. На неярком свету в стекле студеного потока дрожит каменистое дно. Мы проходим редкой цепочкой по снежному мосту и, убедившись, что он крепкий, волочим по нему байдарки на другой берег.

Снежная пещера – чуть ниже развилки Лагорты, где сливаются два ее

истока. Оба они идут с Урала, оба текут в одинаковой местности – по бугристой тундре, но один из них в наледях и снежниках, а другой голый. Крутым потоком бурлит среди камней, и, сколько видно, нет вдоль него ни белой полоски, ни пятнышка. Вот те раз... А мы-то думали, что теперь до самого Урала будет снег. Каким же истоком Лагорты идти дальше? Может быть, легче по тому, где наледи и снежники, но зато другой прямиком ведет к хребту. И хоть нам известно, что в пути далеко не всякая прямая есть кратчайшее расстояние, решаем подниматься бесснежным истоком Лагорты, среди камней и бурунов.

По крутой каменистой речке тянуть байдарку вверх тяжело. Течение напирает, не пускает, а глубины нет – всюду камни. Один из нас с веревкой от байдарки в руке бродит в сапогах поперек потока, высматривает, где меньше камней и поглубже, но, ничего хорошего не найдя, начинает выковыривать ногами камни на дне. Поток подхватывает их и относит. Появляется канава. Проводим байдарку по канаве, но она все равно ползет по камням. Передний наваливается всем своим весом на веревку, а второй, тот, что у байдарки, не только тянет ее вперед за фальшборт, но еще и приподнимает. Второму особенно тяжело. Он то и дело выпрямляется и переводит дыхание. А байдарка потихоньку ползет. Даже сквозь шум бурлящей вокруг воды слышен скрежет металлического поддона. Резкий, как гвоздем по стеклу. И кажется, что поддон рвется пополам, а следом за ним не выдерживает и оболочка. Вытаскиваешь байдарку, где чуть поглубже и потише, смотришь – нет, все в порядке. А никак не привыкнешь. Очень противный звук.

Металлические животы для байдарок – великая выдумка (надо признать это без ложной скромности). Но даже они не в состоянии предохранить нас от всех бед. Больше того, иногда могут доставить лишние хлопоты. Так было у нас в середине подъема по каменистому истоку Лагорты, когда Петр перезаряжал на берегу кинокамеру и мы на время лишились двух рабочих рук. Тут как раз одну байдарку швырнуло струей в сторону, зажало между двумя камнями, легко, как лист бумаги, сорвало с нее поддон и прилепило его под водой к большому валуну. Мы провозились часа два, прежде чем вырвали у речки поддон и снова поставили его на место.

От нагретой солнцем тундры поднимается волнистое тепло. Мы сидим на высоком берегу Лагорты, Камни вокруг щедро, словно лишней краской, обмазаны цветастыми лишайниками. Пухлые мазки эти на камнях и скалах лежат круглый год, но только весной, промытые солнцем и ветрами, они так разноцветны и ярки. Каждый заросший лишайниками и нагретый кусок скалы – как смиренный зверь. Приятно, прислонившись к нему, вдруг ощутить плечом или щекой теплую и добрую шершавость.

...Горы, присыпанные снегом. Небо за ними темно-лиловое, с розовым отблеском. А горы, словно их макнули в краску, малиновые. И горит, и сползает та малиновость по их бокам в забитые тенью ущелья. Это солнце. Низкое ночное солнце, процеженное сквозь пелену влажного весеннего воздуха. Солнце топит в краске горы. Снежные полосы в морщинах и складках гор седыми волосами спускаются с вершин и растворяются среди темных, мглистых скал.

Лагерь мы устроили в безлесном ущелье вблизи хребта. Рядом, подтачивая наледь, бормочет речка. На бурой подушке тундры вокруг палаток розовые брызги – цветы, живучая полярная мелкота. На низких ивах редкие желтые шарики. Но рядом, у каменистой осыпи, желтого больше. Желтым там все залито. Цветет сиверсия.

#### **Отступление биологическое. О цветах, птицах и хариусах**

Очнувшись от долгой зимней спячки, северные растения цветут торопливо. У здешних цветов трудная жизнь, они не могут позволить себе ждать устойчивых теплых дней – слишком коротко отведенное им лето. И поэтому, едва пригреет солнце, едва оголится земля на южных склонах, как на бурой подушке тундры появляются цветы. Восьмиконечные звездочки дриады, колосья горлеца, подушки бесстебельных смолевков. В пестром братстве северных цветов выделяется желтая мохнатоногая сиверсия. Звучностью имени и величиной. И неистребимым жизнелюбием.

Сиверсия – краса Севера. По садовым меркам она не очень крупный цветок, как гвоздика, может быть, даже и меньше, но рядом со своими северными

соседями сиверсия - исполин. И в то же время цветок-старик. Многолетник, достигающий порой ста и даже ста пятидесяти лет. (Дуб, под которым сидел, например, Пушкин - это еще куда ни шло, к этому мы уже привыкли, но обыкновенный низенький цветочек, желтевший тут в лицейские годы поэта...)

Словно показывая пример своим приземистым землякам, сиверсия встречает лето одной из первых. Еще в начале весны, когда принимается по-настоящему пригревать солнце, темный куст сиверсии под слоем снега привлекает к себе солнечные лучи (которые так яростно отражает чистый снег) и, нагреваясь, обтаивает пространство вокруг себя. Сверху, словно стекло, появляется тонкая ледяная корка. Так образуется парничок - естественное укрытие от мороза и ветра с температурой на несколько градусов более высокой, чем снаружи. Отжившие резные листья сиверсии скапливаются у земли и посмертным тлением своим еще сильнее утепляют хижину. В прозрачном куполе под снегом растение начинает жить, дышать, питаться соками корней и прошлогодних листьев. Увеличивается и наклеивается бутон. А когда наступает резкое потепление, парничок разрушается и из-под снега появляется распускающийся цветок.

В умении продлить весну и лето сиверсия не одинока. И в этом мудрость северной природы.

Живая природа вообще хитра и изворотлива, она умеет отлично приспосабливаться к разным условиям (лишь потому она и существует!), но "мудрость" северных растений особенно бросается в глаза. Это и понятно - уж очень трудно бороться им за свое скромное место под скупым солнцем.

Многого не хватает северным растениям, но кое от чего они вынуждены и спасаться. Им не хватает тепла и света. И, как это ни странно для заболоченного и дождливого Севера, им не хватает влаги. А спастись надо от холода. От ветра. И - это тоже удивительно - от того лее света.

Отсюда и особое строение цветков, стеблей и листьев, придающее северным растениям вид жителей знойного юга. Все как в пустынях, но в других размерах.

Растения Крайнего Севера, как правило, очень мелкие, приземистые и стелющиеся. А если у растения и есть вертикальный стебель, то он лишь для цветка, листья же расположены низко, у корней, и собраны в ершистую розетку. Прильнув к земле, цветы спасаются от сильных и холодных ветров. Кроме того, листья, собранные в кучу, отжив свое, гниют и согревают корни и стебель.

Несмотря на такие уловки, ветры все равно добираются до растений и стараются высушить их на корню. Но у растений есть еще защита - листочки у них мелкие, резные, а ножки, как стебли кактусов, покрыты иголками или пушистым и шелковистым ворсом. Но иногда и наоборот - листья гладкие, блестящие - чтобы сильнее отражать солнечные лучи. Это нужно летом, когда яркое круглосуточное солнце обжигает и сушит растения. Ранней весной обратная задача - добыть тепло. И вот одни из них, такие, как сиверсия, приспособляются цвести еще под снегом, в темно-зеленой листве других появляется фиолетовый оттенок: так лучше поглощается свет.

Вмешательство ветра в жизнь Севера сказывается не только на размерах и строении травянистых растений, но также и на форме кустарников и деревьев, сумевших пробраться в тундру вплотную к Полярному Уралу.

На буграх кустарников и деревьев здесь не встретишь: мелкий снег и нет защиты от ветра, в логах же и понижениях кустарник весь подстрижен, словно в городском сквере. Это ветер жесткими морозными снежинками срезает за зиму все ветки вровень с поверхностью снега. У деревьев, растущих в лесотундре - у одиноких лиственниц и елей, наоборот, обглоданы лишь нижние сучья, те, до которых может добраться стелющаяся внизу метель - поземка. У редких забравшихся на склоны гор лиственниц стволы и сучья кривые, перекорезанные, словно застыли в судороге, а все деревья - как флаги: вытянулись сучьями в одну, подветренную сторону, на восток.

Сильные ветры Севера решительно вмешиваются не только в жизнь растений - достается от них и разным насекомым. Опасаясь ветров, маленькие северные мухи крыльями своими почти не пользуются: добравшись по стеблю до наполненного нектаром цветка, назад из него они не вылетают, а камнем падают в траву, в лишайники и мох и понизу пробираются к следующей лакомой кормушке.

Ветер вблизи Полярного Урала, как и повсюду на Крайнем Севере, выполняет не только роль "садовника" при помощи своих "ножниц" - снежинок,

он же еще и мелиоратор. Надувая за зиму в долины ручьев и понижения многометровые пласты снега (в глубоких оврагах это "забой", в понижениях и на подветренных склонах "перелетки" -от слова летовать, оставаться на лето), ветер защищает таким образом растительность от зимних морозов и тех же ветров, а летом обеспечивает постоянное орошение. Кроме того, ручьи, текущие весной и летом от снежников, глубоко протаивают мерзлую почву, и по их берегам особенно привольно кустарникам, цветам и травам.

Цветение в тундре начинается на проталинах и идет вдогонку за снежниками, когда они, стаивая, уменьшаются в размерах и отступают. Весь этот путь цветов по следам снега устлан пестрым и ярким ковром, название которого на научном языке звучит красиво, но туманно: "мозаика структуры растительных сообществ".

Цветут растения, когда их высота в несколько раз меньше той, которой они достигнут потом, в зрелую пору плодоношения. Но, несмотря на свой хилый рост, северные цветы не неженки. Они спокойно переносят и снегопады, и внезапные морозы градусов до десяти - чуть лишь пригреет и растает снег, они продолжают цвести как ни в чем не бывало.

Северные цветы, как правило, не имеют запаха и в привлечении насекомых для опыления "рассчитывают" только на свою неотразимую окраску.

Насекомых, опыляющих цветы, на Полярном Урале немного - лишь огромные арктические шмели. Зато хватает здесь других, маленьких крылатых кровопийц - комаров и мошек. Здесь (не только на Полярном Урале, а на Севере вообще), как кажется многим, их даже больше, чем нужно. Но нестерпимыми они становятся лишь летом и еще позже, ранней осенью, а весной комары безобидны.

Комары и мошки, доставляя страдания животным и людям, как это часто бывает в природе, одновременно полезны. Больше того, они просто необходимы для существования животного мира Севера во всем его многообразии. Откладывая в многочисленные водоемы свои яйца (которые затем превращаются в личинки), мошки и комары не только заботятся о своем потомстве, но и "снабжают" пищей многих водоплавающих птиц. Питаются северные птицы и взрослыми насекомыми. Особенно много они ловят их в период откармливания птенцов, для которых насекомые что-то вроде птичьего молока. Словно выручая птиц в их заботе о потомстве, мир насекомых в эту пору достигает наибольшего расцвета.

Из северных насекомоядных птиц, обитающих у воды, наиболее распространены кулики. Их тут множество видов - от суетливых плавунчиков до важных кроншнепов. Кулики - самые бойкие и любопытные птицы Севера. Без них весенняя тундра, безусловно, многое потеряла бы.

Прилетают кулики ранней весной, едва на реках и озерах появятся полоски воды. И тогда в солнечную пору над всеми водоемами Севера стоит многоголосый звон. Кулики порывисто бегают по оттаявшим галечным косам, по прибрежным снежникам, устраивают игрушечные петушиные бои и наполняют все вокруг пискливой суетой.

Весной на реках и озерах Полярного Урала много уток. Большинство из них пролетные, совсем северные, но немало и местных. В числе их и обитающие на озере Варчато черные, как угли, турпаны. Они кричат, как будто стонут, и, когда летит большая стая турпанов, все вокруг заполняется тысячеголосым звоном.

Вблизи Полярного Урала, особенно на Варчато и Войкаре, много гагар - крупных водоплавающих птиц, питающихся исключительно рыбой.

Гагара - летающая лодка. Птица, никогда не садящаяся на землю и не умеющая ходить. При взлете гагары долго "бегут по воде, шумно хлопая по ней крыльями, и, лишь набрав достаточную скорость, поднимаются в воздух. На узких, маленьких речках гагары не водятся: как лайнерам на районных аэродромах, им не хватает там места для разбега. Гагара известна еще и тем, что она единственная "меховая" птица. Из ее прочных пушистых шкур, похожих на мех, делали в старину дамские сумочки и воротники.

По долинам рек, текущих с Полярного Урала- (особенно на восток, к Оби), там, где эти реки из горной тундры входят в зону лесов, часто встречаются огромные гнезда. Они устроены обычно на сухих разлапистых верхушках высоких лиственниц. Это гнезда орланов-белохвостов - самих крупных птиц Севера. Орланы прилетают очень рано, в марте. Одновременно с самой большой птицей прилетает на Север и самая маленькая- пуночка, "арктический воробей".

Пуночка появляется в тундре, когда она еще покрыта снегом, когда еще

нередки сильные морозы и пурга. Это ее не пугает; лишь бы было светло, чтобы она могла на каменистых россыпях найти себе корм – прошлогодние семена растений, мелкие почки, сухие листики.

В зимнюю темень пуночки не улетают в теплые страны, а живут по соседству, в лесотундре, где хоть и чуть-чуть, но светлее. Дайте ей только немного света – нет у нее больше никаких претензий, у этой неутомимой крылатой малютки, провозвестницы полярной весны.

Так же недалеко, как и пуночки, улетают на темное зимнее время и наиболее распространенные птицы тундры и Полярного Урала – куропатки. У куропаток здесь, на пустынных северных просторах, мало укрытий, но много врагов – хищные птицы, волки, песцы и даже олени, поедающие яйца и птенцов куропаток, поэтому они берут числом. Птенцов у куропатки обычно больше десятка. Как без писка куликов нельзя представить себе северное лето вблизи рек и озер, так нельзя представить и здешнюю весну без хлопочущего и скрипучего крика куропаток-самцов, то и дело взмывающих над тундрой.

Злейший враг куропаток и вообще всех северных птиц – от пуночек до гусей – сокол-сапсан. Он-то как раз странник, прилетает на Север из Южной Америки, из Австралии. У сапсана свой способ охоты. Парить, как орлы и коршуны, он не умеет, а набирает высоту и, высмотрев добычу своими зоркими глазами, падает на нее, как пикирующий бомбардировщик. У сапсана небольшое, но плотное и крепкое тело, ударом которого он и оглушает свою добычу. Бросается сапсан на птиц обычно с высоты больше километра и развивает скорость до ста метров в секунду. В таком свободном падении сапсана почти не видно, лишь, немного опережая его, доносится свист крыльев. Гнезда сапсаны делают на высоких обрывистых берегах или на скалах поблизости от гнездовий гусей.

На Полярном Урале, как и всюду на Севере, в реках и озерах много рыбы. И опять-таки благодаря все тем же проклятым комарам и мошкам, которые, размножаясь, непрерывно поставляют пищу во все водоемы. Яйцами и личинками насекомых питаются мальки, мальками – крупная рыба. (Можно и продолжить: рыбой – птицы, теми и другими – звери и люди, а ими, теплокровными, питаются мошки и комары. Цепь, таким образом, замыкается. Разумеется, она не так проста, эта цепь, у нее много разветвлений, но это дела не меняет. На Севере очень четко прослеживается "круговорот еды в природе", вся сложная и равновесная связь одних живых существ с другими.)

В реках Полярного Урала водится рыба, заходящая сюда на нерест: сырок, муксун, нельма, семга, голец, кумжа, сосьвинская сельдь (тугун), и своя: таймень, налим, окунь, щука. Но ни те, ни другие не могли бы из своей среды выделить представителя Полярного Урала для участия, например, во всемирной выставке рыб. Первые тут хоть и не случайны, но все-таки они прохожие, вторые – не диво и в других краях. К если бы устраивалась такая выставка, то Полярный Урал послал бы на нее, конечно, хариусов.

Хариусы встречаются во многих реках – в Сибири, на Северо-Востоке, повсюду на Севере, но по сравнению с хариусами Полярного Урала разве это хариусы? Здешний – великан в килограмм, в два весом и красавец. Спинной плавник у него, как хвост у павлина – огромный, лилово-красно-зеленый и в пятнышках.

Может быть, в этом виноваты солнце,, сверкающий лед и всеобщее северное цветение, но у нас на Полярном Урале появилось такое ощущение, что хариусы, как и цветы, в полной краске бывают лишь весной.

### **Паруса над Уралом**

- Взались за фальшборта! – кричит Деев. – Ну, сразу!

Подхватывая все вшестером грузеную байдарку и стоя в воде, мы выталкиваем ее носом на высокую кромку наледи. Наледь начинается за рекой, напротив лагеря. Тянется она метров на пятьсот, а может быть, и еще дальше. Мы обходим высокий край наледи и по ее обломкам вылезаем наверх. Оттаскиваем байдарку от края. Деев входит в роль бригадира.

- Пошли за другой. Быстро!

Напарник Анатолия по байдарке Юра Фатеев вернулся за второй раньше всех, вцепился крепко в фальшборт и ждет нас, поглядывая, словно из-под козырьков, из-под своих мохнатых и выцветших на солнце бровей.

- Взялись все сразу! - опять командует Деев.

Мы переносим через речку и другую байдарку. И третью. И бросаем рукавицы на лед. Четыре утра. Солнце косо скользит по наледи. Еще очень прохладно, может быть, даже небольшой мороз, но чувствуется уже, что днем солнце себя еще покажет. Днем оно зальет и горы, и тундру.

Накидываем на плечи ляжки и бодро тащим байдарки по студеной, хрустящей наледи.

...Растущее солнце. Светло-голубые горы. Цветы по ручьям. Сверкают лишайниками камни.

Наледь с перерывами. Метров триста ослепительного свежего снега, ровным слоем покрывающего всю наледь, и перехват - земля, а на ней высохшая прошлогодняя трава.

Мы тянем байдарки на поддонах прямо по траве. Тяжело, но легче, чем на плечах. Протащив три перехвата, мы садимся отдыхать у начала следующей наледи. Ветра нет. Мы снимаем рубашки и сидим. Впитываем своей еще белой кожей упругий и солнечный воздух весны. И чтобы не скучно было, толкуем. О чем угодно, о чем вздумается.

О эти разговоры на привалах... Безответственная болтовня, в которой все перемешано - и стремление шегольнуть красным словцом, и серьезные раздумья, и гнусное желание подразнить собеседника, и наивная жажда истины, и просто потребность почесать язык. Приятно, нежась на солнце или у костра, купаться в этих разговорах, не ввязываясь в них, лишь изредка бросая одну-две фразы, как ветки в пламя. Шальные разговоры на привалах...

Мы идем по наледям, перетаскиваем байдарки через полосы земли. Устаем и, отдыхая, затеваем споры. И все это у нас как пьеса. А каждая остановка как действие (вернее, бездействие) на фоне пышных декораций - камней, обломков льдин, лиловых гор. И в каждом таком бездействии - почти все актеры. Все, кто не дремлет, повернув лицо к солнцу и отвалившись на рюкзак в байдарке. Потом смена декораций - переход. И новое бездействие. Новые темы, новые слова и, может быть, новые роли...

...Байдарки расставлены рядком на траве. Наледь начинается от них в трех метрах. Солнце низко справа. Все лежат, провалившись по двое в каждую байдарку. Как лягушки, раскинули ноги - за фальшборта, на деки. Лицом к солнцу, глаза закрыты. Ковыряя в зубах сухой травинкой - нетрудно догадаться, что на завтрак были куропатки - Варламов говорит:

- Леша, тебе уже тридцать с гаком, да? С хорошим гаком? А ты скажи нам, когда ты намерен кончить вот это - бродяжничество и самоистязание? И перейти к нормальной дачной жизни?

Рубинин настороженно оглядывает Гену:

- Не каркай.

- До пятидесяти, да? Или даже до шестидесяти? Дольше такого ведь не выдержишь...

- Арифметика твоя, Гена - отвечает Рубинин - требует оговорок. Надо учитывать, что, отправляясь ежегодно в увеселительные экскурсии, подобные нашей, мы несколько уменьшаем свои шансы дожить до шестидесяти. Очень может быть, что любого из нас еще раньше прихлопнет льдиной или лавиной. Ну, а если пронесет, то когда-нибудь мы, конечно, состаримся. И что же из того, что стариком я перестану ходить в дальние походы? Когда чего-то не можешь, тогда и не обидно, что ты этого не делаешь: тебе просто не хочется. Это закон природы, милый...

В разговор включается Лукоянов. В качестве вступительного взноса всем, кто не прикидывается, что спит, он кидает по куску сахара.

- Опыт молодости - пища для воспоминаний и рассказов в старости. Представляешь, Гена, как приятно будет тебе, сидя лет через сорок с удочкой на тихой речке, вспомнить Лагорту. Наши маленькие битвы с ней, поражения и, главное, победы. Начнешь рассказывать приятелям-пенсионерам, так они рты откроют. Если поверят, конечно. А то может случиться, как в той грустной песне про бродягу, знаешь? Как он, бродяга, после долгих лет странствий возвратился домой. Там такие слова: "Все равно рассказам не поверят, не поверят старческим слезам..."

- Что ж, выходит, мы путешествуем лишь для того, чтобы было о чем порассказать в старости? - ехидно спрашивает Варламов.

- Не упрощай - отвечает ему Рубинин.- Отчасти - да, но главное... Знаешь, есть еще одна песня? Вот эта...

- Хватит мне про песни. Поют их в основном странствующие по Подмоскovie. С гитарой, у огромного костра, воображая при этом, что они уже великие бродяги. Флибустьеры и авантюристы. Лаперузы.

- Не упрощай, Гена - повторяет Рубинин.- Гитара - это лишь артподготовка. А потом они идут в атаку. На Урал. На Саяны.

Спустя час - бездействие второе.

Но вначале происходит смена декораций. Мы преодолеваем несколько коротких наледей и, увидев, что правым берегом Лагорты дальше идти нельзя, перебираемся на другой. Речка стала совсем мелкой, лишь местами воды в ней до колен, но в русле много скользких камней, через которые трудно перелезть с большим грузом; поэтому приходится сначала переносить вещи, а затем, вторым заходом, байдарки. Теперь мы сидим на снежнике. Рядом - нагромождение скал. Где-то в глубине их шуршит и булькает вода. Так как за время, прошедшее с последнего отдыха, солнце заметно переместилось, а мы упорно продолжаем загорать, повернувшись к нему лицом, перед нами уже не лиловая гора, а седловина. Снизу к седловине тянется тонкий снежный хвост.

Варламов лежит и в металлическое зеркало, в полированную алюминиевую пластинку, рассматривает свои губы, опухшие и покрытые белым налетом. Как и большинство из нас, Гена в походе не бреется. Щетина у него жесткая, торчком, на щеках огненно-рыжая, а на подбородке черная.

- Петр, вот скажи... Ты, я вижу, квалифицированный спортсмен. Мастер своего дела. Благодаря чему ты стал таким?

Что ты считаешь основным - воспитание в детстве, армейская и военная школа, опыт походов? Или это у тебя от природы?

- Интервью номер семь - тоном спортивного комментатора вставляет Рубинин.- Записывай, Гена, а то ведь потом откажется от своих слов.

- Кто его знает - задумчиво говорит Петр, не обращая внимания на выпад Рубинина.- Думаю, что важно все. Но основное, конечно, опыт. А природа... Какая у меня природа? Родился в городе. Рос тоже в городе. На войне научился в основном терпеть и ждать, А всяким путевым премудростям уже потом, в походах.

Деев поворачивается к солнцу голой спиной и, зажмурившись, широко зеваает.

- В Москве есть такой водник - говорит он.- Точнее, плотовик. Юшманов. Известный плотовик. Так вот он настойчиво утверждает: главное - опыт. Причем опыт особый, спортивный. Благодаря тому, что опыт сложных водных походов в последние годы был большим и серьезным, говорит Юшманов, теперь водники уже ходят на плотах по таким рекам, на которые местные лощманы, плотогоны-профессионалы, не решаются и соваться. Я с ним согласен - это так и есть. Вот, например, Каа-Хем. Водники по нему табунами идут с верховьев, а местные гоняют плоты только от Байбальского порога.

Надо признаться, что в подобных спорах я обычно примыкаю к лентяям, придерживающимся удобной формулы "все от бога", и поэтому молчать больше не могу:

- По-твоему, приезжают на серьезную горную реку мальчишки с Арбата и начинают учить профессиональных, больше того, потомственных плотогонов? Так?

Деев опять поворачивается животом к солнцу.

- И учат. На тот же Байбальский порог специально приходят каахемские лощманы, чтобы посмотреть, как его проплывают на плотах спортсмены. Среди которых, вполне возможно, есть и жители Арбата, Не имеющие речного воспитания в детстве и не получившие по этой части ничего путного по наследству.

Но я продолжаю упрямо гнуть свое:

- Арбатские мальчишки могут научить плотогонов игре в бадминтон. Или подводной охоте с аквалангами. На воде же, на которой люди всю жизнь трутятся, возле которой живут... Да они эту воду нутром чувт!

- Для того чтобы проплыть по горной реке - прерывает меня Деев - кроме "этой воды"должен быть еще и плот.

А твои потомственные профессионалы на маленьких спортивных плотах не плавают. Они гоняют плоты-громилы, по несколько сотен кубометров и по два-три става, И не по спортивным, узким и забитым камнями, рекам, а по

большим, широким, с порогами, но по широким. Кроме того, они плотами рисковать не могут. Поэтому и реки, по которым плавают, не те.

- Почему не могут рисковать? Спортсмены-водники рискуют же своей шкурой, не то что какими-то бревнами...

- Шкуры их в спасжилетах. И потом это их частное дело.

Никто не просит, не заставляет. А плотогоны на работе, и плоты их - это лес, а то еще и груз. То есть государственное имущество. Ты слышал, что раньше по Енисею с верхних приисков пудами сплавляли золото?

На помощь мне приходит Рубинин.

- Некоторые считают, товарищ Деев, что вы напрасно противопоставляете друг другу скромных тружеников периферии и столичных бездельников-спортсменов. Послушать вас, гражданин Деев, то получается, что арбатская интеллигенция превосходит плотогонов. То есть народ. Это снобизм, а может быть...

Петр, видимо, о чем-то задумался и не уловил тона Рубинина, и поэтому он принимает его всерьез.

- Бросьте вы - говорит Петр. - По-моему, все ясно. Горожане, совершающие сложные водные походы, в искусстве вождения маленьких плотов действительно добились большего, чем профессионалы-плотогоны. Но их искусство растет на зыбкой почве редкого и нерегулярного опыта. Ну сколько времени они плавают - двадцать дней в году? А начинают ходить по серьезным рекам когда - лишь в двадцать пять лет? Парень, родившийся и выросший у горной реки, сын лодчана, проплыв пару хороших рек на спортивном плоту, станет им управлять увереннее и лучше, чем любой ас-водник из города. В общем та же проблема, что и в горнолыжном спорте: из кого делать слаломистов на уровне мировых стандартов - преимущественно из мальчишек, живущих в горах, или из тех, что приличный склон впервые видят в двадцать лет.

- Ясно, товарищ Деев? - с угрозой в голосе спрашивает Рубинин,

Большой антракт. Он вызван тем, что мы подходим к длинному разрыву в цепи снежников и наледей, километра в полтора. Мы дошли почти до самых верховьев Лагорты, почти добрались до Урала, и на тебе - снега нет. Через разрыв этот груз и байдарки придется переносить в несколько приемов.

...Опытный и рассудительный Петр аккуратно складывает рюкзак, кладет на него печку, хорошо увязанную вместе с паяльными лампами, и идет туда, где под крутой осыпью видна полоса снега. Петр не перегружен, он предпочитает вернуться лишний раз и поэтому без отдыха быстро шагает по крепкой почве горной тундры.

А Деев набрал всего. Нацепил на плечи кособокий рюкзак, закинул на него комом палатку, в одну руку мешок с продуктами, в другую - канистру. Поверх палатки закинул еще свой замасленный овчинный полушубок. Руки у Деева заняты, палатка соскальзывает, он пытается на ходу ее поправить и все время взбрыкивает. Из рук падает то мешок, то канистра.

Они идут вдвоем по тундре, Петр и Деев. Для нас, еще подготавливающих себе груз, чтобы тащить его к снежнику, они словно иллюстрация: "Как нужно и как не следует".

И еще у нас развлечение - соревнование с солнцем. Кто быстрее: оно завалится за высокую гору на юго-западе или мы перетащимся со всем своим барахлом. Рюкзаки, продукты, палатки - это все не груз. Байдарки, утяжеленные поддонами и разной "мелочью" (топорами, веслами, банками со стуженкой) - вот это груз. Когда мы их волочим на плечах, по двое каждую байдарку, тундра из крепкой и ровной превращается в кочковатую и болотистую. И мы, препираясь друг с другом и толкаясь, перекладываем их с плеча на плечо, но наконец, не выдержав, опускаем, почти бросаем на землю и сами валимся рядом. И лежим на просохших уже кочках, вытираем рукавом пот с лица и, повернувшись к солнцу, набираемся от него сил, чтобы тащить байдарки дальше, туда, где можно снова передвигаться по снежнику.

И все-таки мы обгоняем солнце. Оно еще греет нас, когда, перетащившись со всем грузом, мы распластываемся на белом хрустящем ягеле, спрятавшись от свежего северного ветерка за бугор.

Наконец солнце закатывается за острую вершину. Мы в тени, впереди нас и позади все освещено. Залит красноватым светом и противоположный склон ущелья. Матовый свет вокруг - отблеск солнца от наледей, от оставшихся еще снежных полей. Над хребтом - узкие и отчетливые облака. Мы накидываем на

плечи лямки и тянем байдарки по снежнику, завалившему доверху неглубокий каньон, который прогрызла в скалах в самых своих верховьях Лагорты. Снежник с наклоном в сторону речки, и байдарки все время надо направлять немного вверх, чтобы не соскользнуть с трехметрового обрыва в каменистое русло Лагорты. Мы посматриваем на речку и молча тянем байдарки вкось по склону; наконец в заключение траверса наклонного снежника общий вздох:

- Озеро!

...Краски Севера считают скромными, приглушенными, серыми. Может быть, это и так в пургу или в дождливые осенние сумерки, но только не весной. Весной здесь - половодье красок. Они внезапны и различны, их множество, но в яркости северной весны ничто не выпирает. Очевидно, это потому, что нет чистых красок - все в смеси, все в оттенках, все в согласованном сочетании. И все в цветении.

Мы остановились в безлесном ущелье вблизи хребта. Рядом сбегает по камням ручей. На бурой подушке тундры вокруг ручья - мелкие цветы. Они еще как следует не распустились, но ручей уже весь в розовых берегах. На бугре, вблизи покрытых лишайниками скал, колышутся на ветру желтые головки сиверсии. Сиверсия - выскочка, зацветающая раньше других, но в ту пору, когда она в полной силе, и остальные ранние цветы уже высовываются из своих бутонов, и так их много, что рябит в глазах от яркого весеннего разноцветья.

Весной в горных тундрах Севера цветут не только растения. Торжественно и всякий раз внезапно расцветают горы. Особенно если вдруг похолодает и уже оттаявшие их бока слегка присыплет снегом. Тогда весь день острые зубцы хребтов сверкают серебристой белизной. К вечеру они тускнеют и вдруг вспыхивают, когда густые солнечные лучи вырвутся в щель между облаками и дальними увалами.

В тихие дни облака висят неподвижно и очень высоко и не мешают солнцу господствовать над тундрой и горами. К полуночи солнце приближается к земле. Оно подходит к ней не круто, вскользь, будто самолет при посадке, и кажется порой, что остывающий и краснеющий кругляш, коснувшись горизонта, покатится по нему, подпрыгивая, как на кочках, на далеких лиловых буграх. А то и вовсе отскочит от них - и снова вверх. Но солнце, прокатываясь где-то за горизонтом, медленно убывает, тонет и наконец скрывается совсем. И тогда облака, собравшись вместе, спускаются к светлому краю земли и замирают, как лодки у причала, уткнувшись носами в ту точку, где спряталось солнце. И всю недолгую прозрачную ночь меняется цвет облаков - они голубые, зеленовато-желтые, потом вишневые и вдруг начинают плавиться по кромкам. Лепестки гигантского цветка, наполовину скрывшегося за горизонтом.

Живые полярные цветы - куропатки. Самцы. Самки в разгар весны, притаившись на гнездах под кустами, сливаются с бесснежной тундрой, а самцы еще кичатся своей избыточной красотой. Оглашая окрестность криками, они вертикально, как вертолеты, взлетают над зарослями ив и сверкают голубоватой белизной крыльев, оранжевым ошейником и красными, в кровь, бровями.

Весенние северные тени. Тени от скал, из-за которых выползает солнце. Фиолетовые тени на покрытых снегом наледях. Ранним утром, тонкие и длинные, скользят они, замедляя свое движение и расходясь по снегу зубчатым цветком.

Из-под тающего льда горных озер в закраины у берегов выплывают хариусы. У них тугие красноватые бока и темные ленивые хвосты. Огромные спинные плавники, разноцветные и радужные, колышутся, как крылья. Выплывая один за другим, хариусы парят над обломками скал, неторопливо кружат в солнечном пятне и так же не спеша, как появились, исчезают во мгле под льдинами.

Хариусы занимают заметное место в нашей походной жизни. Мы ими любимся, они нас развлекают, мы их едим. Такова неблагодарность, но ничего не поделаешь - не мы придумали подобные взаимоотношения с природой...

Развлекать нас хариусы начали еще у подножия Урала, когда мы поднимались по крутому истоку Лагорты. И вот там Анатолий, отойдя однажды во время остановки в сторону от байдарок, обнаружил рядом с рекой неглубокое проточное озерко, а в нем - стаю хариусов. Заметив человека, они спрятались, как страусы головой в песок, носами в углубление под берегом, а хвосты их да и сами они чуть ли не наполовину соблазнительно торчали из укрытий.

Деев вернулся к байдаркам и, пригласив нас к озерку, устроил представление. Засучив рукав рубашки до плеча и свесившись с края земляного берега, стал осторожно подводить ладонь к хариусу. Хоп! Рыбина полетела на

берег, А другие, в метре от нее, стояли спокойно, уткнувшись носами, и ждали своей очереди...

На Лагорте мы были только зрителями, здесь же, на большом горном озере, резвились все.

Озеро покрыто льдом. Вернее, одной оттаявшей у берегов и плавающей льдиной. На поверхности льдины крупные кристаллы льда. Когда мы, почти не затрачивая сил, тащили по льдине свои байдарки, еще подсвечивало низкое солнце и было видно, как кристаллы смерзлись цветами и букетами. Они звенели под байдарками, и звон их гулко отдавался среди сжимающих озеро вершин.

В озеро вдается горбатый мыс с крупными камнями у воды и ярко-зеленой лужайкой на макушке. Там, на лужайке, как копны сена, две палатки. У палаток никого, все ловят хариусов у береговых закраин.

Чернеют на льду фигурки. Все врозь. Каждый выбрал себе место по вкусу. Все подались вперед, согнулись над водой. Вздрагивают над фигурками короткие удилища, и вылетают из воды и падают на лед бьющиеся блески. Хариусы. У каждого под ногами растет горка рыбы, и, вглядываясь в прозрачную воду, где дергается и дразнит хариусов маленькая блесна или искусственная мушка с красной тряпочкой, каждый косит глазами в сторону соседей. Как там у них? Не лучше ли?

Насытившись ловлей, мы собираемся вместе у палаток, и каждый вываливает из мешка свой улов. Хариусы бьются на снегу, слабеют и, распутив плавники, замирают.

Проходят минуты первобытной жадности, и возникают практические проблемы. Что делать с рыбой? Тащить с собой на перевал? А вдруг на верхнем озере хариусов еще больше? И в речках, там, за перевалом?

Но эта проблема дальняя, а срочная – как их чистить. В ледяной воде, на северном ветру. Вдобавок начинает подмораживать... Все смотрят многозначительно на дежурных. Но Рубинин и Петр не хариусы. Их голыми руками не возьмешь.

– Ну-ну – говорит Рубинин. – Ловить – так наперегонки, а чистить в очередь? Пойдем-ка к озеру. Каждый со своим уловом.

– Командор, поднимем паруса? – предлагает Петр,

Это мы вместе надумали еще в прошлом году, когда шли по тундре с нартами. Тогда нам дул в спину ветер, и мы попытались поставить на нарты парус из палатки. Но у нас ничего не вышло – ветер то и дело рвал веревки, которыми мы привязывали к нартам мачту из лыжных палок. Тогда мы бросили возиться с парусом и решили, что соорудим его когда-нибудь потом. Сделаем мачты с хорошими растяжками, крепкие реи и прямоугольный парус. На снегу можно и прямоугольный – перевернуться и трудно, и не страшно. Когда же собрались идти на байдарках с поддонами, вопрос о парусе уже не обсуждался. Прикинули, что для этого надо, и сделали.

И вышли паруса – под ними не ходить, ими любоваться. Вишнево-красный, желтый и голубой. Друг другу мы говорили, когда шили такие паруса, что яркие и разные цвета – для дела. Чтобы байдарки на белом фоне, на снегу можно было заметить издали. Чтобы их нетрудно было отличать друг от друга. И вообще так приятнее, когда на белом три больших пятна – желтое, вишнево-красное и голубое. Как цветы. Эстетика труда.

Думали, конечно, и о том, что желтое, вишневое и голубое должно неплохо смотреться на цветной киноплёнке. На диапозитивах. Об этом мы не говорили, но это, видимо, явилось главным, что заставило нас подобрать такой букет.

И вот момент настал. Мы только что прошли верхнее озеро. Впереди – пологий подъем на перевал. На подъеме – снег. Паруса в байдарках, наготове. И все оснащение тоже там. Нет только мелочи – ветра.

– Ну, как – повторяет Петр. – Поставим мачты?

Он слякнвит палец и поднимает его над головой.

– К перевалу тянет. Может, разойдется...

Дней пять до этого дул северный и северо-западный ветер, сегодня же ветра нет совсем. И все задержки из-за поломок байдарок, из-за возни при сборах перед выходом. Вчера бы... Ох и взлетели бы мы под парусами на перевал! Как раз подмораживало...

– Ладно, пока забросим на перевал рюкзаки. Глядишь, к этому времени и дунет.

Мы набиваем рюкзаки и по привычке направляемся к перевалу без лыж.

Просто в сапогах. Лыжи, как и паруса - одна насмешка над нашими задуманными кино- и фотосюжетами. Они топорщатся на деках байдарок ненужным грузом. Кто же мог знать, что будет мало снега? Что станет так тепло? Мы что, пророки?

Деев идет первым и метраж в тридцати от байдарок проваливается в снег по пояс. За ним - Фатеев. И Гена.

Мы сбрасываем рюкзаки на снег и возвращаемся к байдаркам за лыжами. На лыжах - другое дело. Хотя солнечно, снег влажный и нет скольжения, но зато мы не проваливаемся.

К перевалу идем гуськом. Склоны вокруг все в снегу, снегом забиты ложбины, но на перевале голо. Так и должно быть - на перевале всю зиму ветром сдувает снег, он лежит там тонким слоем, весной пригреет солнце - и нет его. Здесь, на Полярном Урале, снегом распоряжается не высота, а ветер.

На восток с перевала спускается большой снежник. Конца его не видно. Конец там, в долине Большой Лагорты. И вообще на восток от хребта всюду снег. Намного больше, чем с западной стороны. Это работа преобладающих северо-западных ветров, перетащивших сюда через Урал снег из тундры, из чахлой тайги вблизи хребта. Преобладающие... Почему же сегодня они не преобладают?

Мы возвращаемся к байдаркам, а Петр с камерой лезет выше. У него так задумано - далеко внизу по снегу ползут три маленькие черточки. А впереди каждой из них - мелкие, как запяты, согнутые фигурки. Это мы волочим байдарки. 'А если будет ветер, совсем хорошо - над черточками тогда появятся разноцветные прямоугольники - паруса. Не будет ветра - тоже неплохо: лишь черточки и запяты - загадочные насекомые на снегу.

Недурно задумано, но для этого надо лезть в гору. Сначала на лыжах по снежнику, а потом, оставив лыжи у скалы, по крупнокаменистой осыпи. А вечером, в палатке, когда все уже заснут, сидеть над черным мешком и перематывать и упаковывать отснятые пленки. И готовить кассеты на следующий день. А потом, глядишь, еще ничего из этого и не выйдет - "недодер", или "передер", или вообще не так снимал - и выбросишь полпленки, а с ней вместе и километры, найденные по крутым склонам, недосланные часы и неизвестно какими единицами измеряемые сладкие муки хоть и любительского, но истинного творчества.

Петр кричит и машет своей белой шапочкой со склона: мол, пошли. Потом кричит что-то еще. Не туда, оказывается, идем. Фон не тот. Мы меняем направление и, картинно упираясь палками, снова ползем по снежнику к перевалу и тянем за собой байдарки. Петр опять кричит. Мы останавливаемся и, сняв рубашки, загораем. Ждем, когда он спустится по осыпи к лыжам и на лыжах по снежнику к нам. Едва отдышавшись, Петр снова начинает нас снимать. Теперь крупным планом. Окованный металлом нос байдарки, как воду, рассекающий снег. Болтающийся узел веревки. Петр залезает в байдарку и с нее, в движении, опять снимает тот же нос байдарки, уходящую от камеры веревку и переломившуюся пополам от тяжести спины Варламова.

- Ты что, до перевала поедешь? - спрашивает Гена.

Петр, не отвечая, прыгивает, проваливаясь, бежит вперед и плюхается животом на снег у нас на пути. Крупный план снизу. Мы движемся на камеру, входим в нее и заполняем весь кадр байдарками.

Но на этом киносъемки не кончаются. Киношный зуд совсем распалает Петра. На перевале он заставляет всех взять лыжи на плечи, и мы идем по камням, по хлюпающим кочкам туда, где снежник круто спускается в долину. Там мы опять снимаем рубашки и, обвязавшись ими вокруг пояса, носимся по склону на лыжах, изображая "лучший отдых в выходной день". Нам вообще-то нравится кататься, и мы пришли бы сюда сами, без Петра, но кинокамера все портит, вот эти "левее", "правее", "стоп", "пошли все сразу" (или "друг за другом"), "Деев, падай!".

Зачем подсказывать Дееву, он и так упадет, но только там, где ему самому захочется...

...Вечером в лагере Рубинин, отбросив лыжи в сторону, садится на камень и сокрушенно спрашивает:

- Кто первый предложил взять с собой кинокамеру?

## Снежное болото

Перевал для нас двойной рубеж. И географический – именно на нем произошло магическое превращение снежника Европы в снежник Азии – и моральный. Теперь вниз, только вниз. Вначале по снегу с байдарками-саями, затем по воде на байдарках-лодках.

Спускаясь с перевала по длинному снежнику, мы считали, что к своим нормальным, лодочным функциям байдарки вернутся очень скоро. И вдруг...

– Не тяни ты... Стой! – кричит Деев и зло смотрит на Юру. – Не видишь, что ли? Засосало лыжу.

Фатеев бросает на снег веревку и подходит к байдарке.

– Руку.

Деев поднимается, вцепившись в руку Юры, но совсем выпрямиться не может. Правый сапог держит провалившаяся в водянистый снег лыжа.

– По-другому давай – говорит Деев. – Тяни меня к себе за пояс. Ну!..

Юра тянет Деева, но опять ничего не получается. Крепко засосало. Тогда Деев опирается на лыжные палки и, сморщив лицо от напряжения, выдергивает ногу. Без сапога и без носка. И ставит, ежась, ее, голую, на другую лыжу. Некоторое время стоит так и, чтобы не упасть, держится за палку, потом решительно шагает голой ногой в снег и роется в нем. Разгребает руками, ищет лыжу. Находит и, отстегнув крепления, вытаскивает сапог, а за ним и лыжу. Потом он осторожно отходит от того места, где провалился, обувается, поднимает со снега веревку и перекидывает ее через плечо.

– Поволокли.

Деев и Юра рывком сдергивают байдарку и подтягивают ее к себе, погружаясь при этом почти до колен в топкий, водянистый снег. Выдирают ноги, хлюпая лыжами, отходят метров на пять и снова подтягивают байдарку к себе. Наконец Деев садится на байдарку и, сняв с головы темно-синюю шерстяную шапочку, вытирает ею пот с лица. Рядом барахтаются в снегу остальные – Петр с Рубининым и я с Генной. Все мокрые и злые.

– Попали... Хоть "ура" кричи, хоть "караул" – говорит Деев и, напялив на сбившиеся волосы мокрую шапочку, идет помогать Петру. Л Юра – мне с Генной.

Влипши мы действительно крепко. До реки метров семьсот. И все они, наверное, такие. Глубокий снег, пропитанный водой.

А как все хорошо началось с перевала... По отлогому снежнику мы спускались километров семь, вдоль ручья. Потом снежник оборвался, но мы провели байдарки по ручью, протащили между камнями и снова выбрались на снег. С пригорка увидели реку. Чистую воду. Обрадовались – вот, мол, она, река. Сейчас доскребемся до нее и поплывем. Чтобы не пробираться к реке по кустам, решили чуть срезать и взяли влево. И влетели – в низину, где под снегом скопилась вода. Поворачивать назад? Может быть, так и нужно было сделать, но только сразу. А не теперь, когда мы проползли через снежное болото метров двести и переправились через глубокий ручей. Только вперед. Но как – напрямик к реке или еще взять влево? Там, кажется, повыше и под снегом должно быть меньше воды.

...Густая стена кустов в желтых сережках. Старые льдины, умирающие на гальке. Байдарки наши тоже на камнях. Мы сидим на них, как на скамейках, и смотрим туда, где кусты и льдины. Моросит. Но мы не спешим. Вырвавшись из снежно-го болота, мы наслаждаемся твердостью галечной косы. Между байдарками и кустами быстрая и глубокая вода.

Теперь нам с ней по пути.

– Левым, Левым сильней! Хватит. Проносит... Правым теперь. Правым!

Позади нас с Генной тоже кричат. Слышен лязг восел, задевающих о льдины на берегах, о камни на дне реки. Вот оно наконец! Плыдем. По течению.

– В воду! Мель!

Из-под байдарки в прозрачной воде выплывает пестрое каменистое дно, раздаётся оглушительный скрежет. Мы налетели с ходу на отмель. Металлическое днище байдарки тащится по камням. Выпрыгиваем с разных бортов в реку и, не давая байдарке развернуться на потоке, подхватываем ее за борта и продергиваем на глубину.

Справа с берега нависает льдина, слева – кусты. Нас зажимает тисками узкого прохода, веслами уже ничего не сделаешь. Мы поднимаем их левыми руками над головой, а правыми отталкиваемся от льдины. Но справиться с потоком не можем. Нас затягивает под нависающий край. Опасности большой нет

- слева видно дно, а впереди близок конец льдины, но кому охота купаться? Байдарка прижалась бортом к льдине и остановилась. Мы еле ее удерживаем. А других байдарок за нами почему-то нет, застряли где-то там сзади. Сколько времени мы так можем держаться? Пять минут? Полчаса? Что-то надо делать... Пока я думаю, не позвать ли на помощь, Гена находит выход. Он бросает свое весло на льдину и, упираясь в нее уже двумя руками, отводит нос байдарки в середину потока. Потом хватается за куст, нависший с левого берега, и полностью вытягивает байдарку на струю. Продавив сквозь кусты, течение выкидывает нас на спокойный отрезок реки. Весло лежит на льдине. Но для того чтобы причалить к берегу, нам достаточно и одного.

Гена выпрыгивает из байдарки, задергивает ее нос на камни и бежит назад, за веслом. А там уже подплывают байдарки Петра и Деева.

- Левее! Вдоль кустов! - кричит Варламов.

Ему, видимо, кажется, что подплывающие байдарки все равно набросит на льдину - он подбегает к ее краю и веслом, как шестом, отталкивает одну и другую к левому берегу, в кусты. Я наблюдаю за Геной с интересом и с тревогой. Обломится льдина, на которую он забрался, или нет? Варламов поворачивается и осторожно, стараясь не поскользнуться, идет по льдине к берегу. Вдруг раздается сочный звук, словно трескается арбуз, и льдина вместе с Геной опускается в реку. Но там мелко, она так и остается лежать на месте, а Гена, как муравей, карабкается по ней на четвереньках. Не выпуская из рук весла, он подбирается к берегу, перелезает через свежую трещину и бежит по камням к нашей байдарке. Сталкивает ее с берега, разворачивает и, впрыгнув внутрь, сразу начинает молотить по воде веслами. Я невольно увлекаюсь его порывом и тоже торопливо гребу. И думаю, почему он так спешит - рвется в бой с рекой, или ему хочется плыть первым, пока не обогнали другие?

- К левому берегу - повернувшись ко мне, говорит Гена.-

Справа опять льдина.

Мы скребемся левым бортом по кустам и сползаем по течению. Что там впереди? Гена что-то увидел, он кричит:

- К берегу! Ледовый затор!

Прижимаемся вплотную к кустам и, табаня веслами, стоим на месте. Нет там затора. Просто так кажется - изгиб реки, и поэтому ледовая кромка с правого берега сливается со снежником на левом.

- Фу ты, дьявол - ругает себя Гена и отталкивается на глубину, упираясь лопаткой весла в крепкий куст. Поток снова тянет нас вдоль кустов и осевших на камнях льдин. Позади слышны голоса, лязг весел. Наши рядом. Вот оно, долгожданное. Плыдем. По течению, Дождь. Тучи, тяжелые и грязные, как льдины в мутной реке, давят нам на плечи. Гор нет. Горы пропали в тучах. Извилистая река с травянистыми высокими берегами. Будто все это не вблизи Урала, а где-нибудь в равнинной архангельской тундре. Или даже в Подмосковье, на реке, текущей среди полей, среди осушенных болот. Например, на Ламе. Или на Яхроме у Дмитрова.

И все-таки река другая, не подмосковная. Какая-то разностильная. Полоса воды - ледовая перемычка. Полоса воды - перемычка. Льдины метровой толщины, как моржи, выползшие на берег. Слышны крики куропаток. Над рекой пролетают утки и скрываются в завесах дождя.

Мы стоим на берегу, прикрыв плечи полиэтиленовыми пленками, и наблюдаем за Петром. Не обращая внимания на дождь, он ползет по влажной прошлогодней траве. В правой руке у него, как автомат, кинокамера. За бугром, на снежнике, квохчет куропатка. Еще белая, не полинявшая самочка. Петр выползает на бугор и, прицелившись, снимает. Потом, не отрываясь от камеры, взмахивает левой рукой, чтобы куропатка взлетела. Но она сидит, ощущая, наверное, себя на снегу невидимкой. Тогда Петр поднимается во весь рост и, вспугнув куропатку, провожает ее объективом. Потом он идет к реке и крупным планом снимает переливающиеся края льдин, капли дождя, разбивающиеся о поверхность воды и рассыпающиеся по ней мелкими серебристыми шариками, мутные ручейки на льдинах.

- Обратите внимание на Петра - негромко комментирует Рубинин.- Пленка у него давно кончилась, но он и не подозревает. Впрочем, скоро он это обнаружит и, расстроенный, сядет где-нибудь задом в грязь и будет перезаряжать. А затем - для верности - начнет все снимать по второму разу. А

точнее - по четвертому. И высохшие былинки на фоне реки. И тающие льдины. И реку - вдоль, с обрыва. А потом еще раз перезарядит камеру, залезет по грудь в воду и будет оттуда кричать нам, чтобы мы плыли прямо на него. По ходу, чуть-чуть правее. И чтобы быстро плыли. Пока не появится белый бурун под носом байдарки... И мы будем раз по пять возвращаться и снова проплывать мимо Петра. Чуть-чуть правее. А вечером он обнаружит, что уложил пленки в дырявый мешок и все, естественно, промокло. Или вспомнит, что по ошибке снимал на те пленки, которые уже один раз отснял. Неделю назад. Со снежной пещерой при идеальном освещении. Еще по ту сторону Урала. Знаем мы этих кинолюбителей.

- Сам был им - закидывает удочку Деев.- Приходилось,,

Рубинин все угадал. Петр садится на чахлый куст полярной березки и, заслонив от дождя телом своим камеру, меняет кассету. Потом он ходит, что-то высматривая, вдоль берега и вдруг, разбежавшись, прыгает на льдину в реке. Кричит оттуда, чтоб мы плыли. Сначала прямо на него, а потом чуть левее. Мимо льдины. Чтобы быстро плыли и с небольшими интервалами между байдарками. Мы посмеиваемся и, стряхивая воду с полиэтиленовых накидок, спускаемся к байдаркам. Рубинин плывет один. Дека его байдарки темно-синяя, а на корме, там, где раньше была привязана печка, теперь большой желтый сверток. Это в парус завернуты хариусы, которых мы наловили на озере за перевалом и приволокли сюда через горы. Один парус уже пригодился.

- Пошел! - дает отмашку Петр.

Мы берем курс на него и разгоняемся до бурунов под носами байдарок. Начинаются голливудские штучки.

А потом пошла работа. Это только вначале, первые два часа среди ледовых перемычек, мы играли с рекой, Нас увлекла и необычность плавания, и вездеходность наших байдарок. Ледоколы, точь-в-точь ледоколы, думали мы о них, залетая с разгона на льдины, ломая и продавливая самые слабые из них. Чистая полоса воды - ледовая перемычка. Разводье - затор. Даже Петр в азарте забыл про кинокамеру и спохватился только тогда, когда мы остановились перевести дыхание.

Отдых этот стал рубежом, отделяющим игру от работы. Все то же самое - разводья, перемычки, заторы. Все то же самое, но мы уже другие. Спокойные, привыкшие к реке, сосредоточенные. Слышатся лишь всплески весел и шелест металлических поддонов.

- Так. Еще левее. Пошли. Резче.

Байдарка выскочила носом на льдину. Кромка льдины лопнула и отвалилась в воду, но дальше лед крепкий.

- Вылезай.

Тот, кто сидит впереди, выбирается на льдину и вытаскивает на нее байдарку еще на метр. Задний переходит внутри байдарки к носу. Нос мягко опускается на лед, корма висит над водой. Теперь оба стоят на льдине. Каждый берет в одну руку конец веревки, в другую - весло.

- Потасили. Туда, в заливчик.

Не выпуская из рук ни весла, ни веревки, оба идут по ледовому полю, перепрыгивают через трещины, обходят черные промоины. Теперь надо столкнуть байдарку обратно в воду.

- Лезь.

Передний залезает в байдарку и, придерживаясь за фальшборта, пробирается на свое место. Задний проталкивает байдарку на поддоне вперед, она клюет носом и, надломив кромку льдины, соскальзывает с нее совсем.

- Держи весло.

Сидящий в байдарке протягивает весло тому, кто остался на льдине, и они, уцепившись вдвоем за одно весло, разворачивают байдарку и ставят ее бортом вдоль ледовой кромки. Теперь самое трудное и опасное - влезть второму. Он кладет весла одним концом на льдину, другим на борт байдарки и, вытянувшись, почти ползком, добирается руками до фальшбортов. Главное - взяться крепко за оба фальшборта. Это все равно что за холку лошади. Пусть теперь ломается льдина: рывок, и ты в "седле".

- Влево. Там дальше заходит клин чистой воды.

Плывем метров пятьдесят, а если повезет, то и все сто по чистой воде. И снова перемычка.

Работа как работа. Наверное, потом, когда все это кончится, мы будем с

умилением вспоминать свои байдарки, так ловко штурмовавшие забитую льдом реку. А теперь для нас все обычно. Работа.

Семь вечера. Идем с трех ночи. Все нормы выбраны, пора становиться на ночлег, но цель, которой мы решили достичь сегодня, еще впереди. Это – слияние двух истоков Большой Лагорты. Напрямик до него полкилометра. А четыре часа назад был километр. Поди угадай, что река будет выписывать такие коленица, что после целого часа сражения с льдинами мы будем возвращаться почти в то же место.

Одну большую петлю мы все-таки срезали. Перенесли байдарки через перешеек шириной метров сорок. Времени мы затратили на это меньше, чем если бы прошли всю петлю на байдарках по реке, но очень уж накладно получается: влезть с грузом наверх, на бугор, протащиться по нему, а потом с крутого, как обрыв, снежника спуститься к реке. Лучше уж как раньше: с разгона на льдину, веревку в руки – и до следующего разводья.

И все же сегодня мы идем неплохо. Прошли километров двадцать пять. И пройдем, наверное, еще три. Будет рекорд за поход. Несмотря на то что часа четыре бултыхались в снежном болоте и два часа, не меньше, потратили на киносьемки. И хотя по реке не плывем, а то и дело карабкаемся по льдинам. Просто мы вошли в форму. И не только втянулись физически, но и научились наконец меньше тратить времени на всякие "непроизводительные операции". На сборы утром, на приготовление пищи днем, на разведку.

Один мой знакомый, поклонник очень сложных походов, говорил как-то, что в зимних спортивных путешествиях по существу уже достигнут предел. Теперь с большим грузом в гористой северной местности за две недели проходят километров триста. Чтобы заметно повысить скорость, надо, говорил он, идти на крайние меры. Например, брать с собой значительно меньше продуктов, облегчая тем самым свой походный груз.

Мой знакомый – опытный спортсмен, но тут он, по-моему, сильно перегибает. Уменьшать походный груз за счет продуктов... Очевидно, это то же самое, что марафонцу перед ответственным стартом или велосипедисту перед многодневной гонкой стараться сильно похудеть. Причем дополнительно, против своего нормального веса. Поначалу, может быть, и тот и другой смогут двигаться быстрее, но в середине дистанции... И потом, если бы действительно мы подошли к пределу возможностей в путешествиях, а то ведь к нему еще приближаться и приближаться. Наверное, ни в одном виде спорта нет таких резервов. Если, например, в прыжках или в беге на короткие дистанции человек использовал свои возможности процентов на восемьдесят, а то и на все девяносто, то в спортивных путешествиях вряд ли он перевалил за половину. Резервы прежде всего в тренировках (если бы мы тренировались хотя бы как прыгуны!). В продуманной до мелочей организации движения: никакой лишней возни. Резервы в снаряжении, в уменьшении его веса, в создании принципиально новых конструкций. Резервы в таком подборе группы, когда каждый обладает хотя бы одним полезным для похода талантом, а все вместе дополняют друг друга. То есть когда в группе есть и толковый охотник, между делом снабжающий всех мясом и рыбой, и "костровик", умеющий в дождь и при сырых дровах обойтись одной спичкой, и ориентировщик, быстро выбирающий наиболее экономичный и правильный путь движения.

Смешно говорить о пределе. Другое дело – стоит ли стремиться его достигнуть. Стоит ли превращать свой отпуск в многодневное соревнование? Но этот вопрос, видимо, не имеет смысла. Что значит стоит или не стоит, если сложное спортивное путешествие в современном довольно уютном и благоустроенном мире удовлетворяет потребность, которую ощущает не одна тысяча людей, особенно молодых. Что значит стоит или не стоит, если это уже делается. А если что рожденное жизнью упорно и по доброй воле делается, значит, оно необходимо. Пусть же в таком случае оно делается как можно лучше – тогда даже самые сложные путешествия будут не столько изнурительными, сколько эмоциональными. И еще: разве не приятно сознавать даже тем, кто смотрит на все эти "предельные усилия" со стороны, что современный человек достиг такого уровня моральной и физической подготовленности, что в состоянии, например, пройти со средствами Амундсена до Южного полюса и обратно вдвое быстрее? Правда, пока он такого или подобного подвига не совершил, но...

Впрочем, позвольте. А тот же шестидесятипятилетний Френсис Чичестер?

К вечеру стало светлее. Поднялись тучи. Кое-где в них появились синие дыры. Задул ветер и начал рвать и растаскивать тучи по небу. Мы продвинулись к цели километра на полтора. На берегах высоко над водой лежали и сочились мутными каплями льдины. Видимо, недавно где-то ниже по течению был большой затор и вода тут держалась метра на три выше, чем сейчас, а потом затор прорвало...

Около льдин в земле виднелись глубокие борозды – это льдины, как плугами, острыми краями ковыряли землю, сдерживая другие, напирющие сверху.

Прошедший тут ледоход не только пахал, но и косил – на льдинах висели пучки жухлой прошлогодней травы. В старых льдинах виднелись круглые раковины: ясными солнечными днями пучки эти нагревались и лед под ними протаивал.

Попадались и ледяные грибы – льдины со шляпками и на тонких ножках, обвитых "сеном".

Снежные обрывы по берегам стали выше. Но не везде – местами снега не было совсем. Мы заметили, что снегозадержание происходит лишь на тех участках реки, которые параллельны хребту и расположены напротив глубокого ущелья, прорезающего здесь хребет. Зимой ущелье работает, как труба: усиливает ветры и направляет их в долину Большой Лагорты.

От того, что появились снежные забои, льдин на реке не стало меньше. Наоборот, разводья сделались совсем короткими, и нам приходилось то и дело перелезать с байдарками через льдины. Наконец мы уперлись в сплошное ледовое поле. Лед был весь в трещинах, забитых мелкими осколками. Мы долго разглядывали ледовое поле, надеясь найти в нем удобный проход, но все же нам пришлось вылезать со всем своим грузом, с байдарками на берег и двигаться по верхнему краю снежника.

На снежнике попадались глубокие трещины шириной до метра. Это делало его похожим на засыпанный снегом горный ледник. Но все же поверху мы шли быстрее.

Перед слиянием двух истоков Большой Лагорты лед на реке опять поредел, и, разглядев сверху извилистую и узкую полосу чистой воды, мы на веревках спустили байдарки со снежного обрыва в реку и опять поплыли, расталкивая веслами льдины.

Чистой воды становилось больше, и наконец мы подошли к участку реки, полностью свободному ото льда. Нам очень хотелось порезвиться на чистой воде, но ветер был уже такой сильный, что мы не рискнули даже высунуться на плес, и, не доплывая до него, вытащили байдарки на крепкую выползшую на берег льдину и по ней отволокли их подальше от воды.

Кругом было голо, ни куста, ни деревца, но мы еще издали увидели большой, метра в полтора, кусок скалы и решили остановиться возле него, рассчитывая укрыть за скалой от ветра хотя бы костер. Валявшиеся вокруг крупные камни можно использовать для того, чтобы как следует укрепить палатки: мы знали по прошлому году, что с ветром на Полярном Урале шутки плохи.

Когда поставили палатки, прошли ровно сутки с тех пор, как мы сняли их в предыдущем лагере, и половина суток после того, как мы в последний раз ели что-то горячее. От голода мы еле держались на ногах и все же сочли более благоразумным ограничить свой ужин сухарями и забраться в спальные мешки, чем варить на ветру ужин. Тем более что опять напоззли тучи и пошел дождь.

...Я проснулся в десять. Наверное, все-таки в десять утра. Ветер свирепо дергал веревки, и конек палатки совсем провис – выходит, камни, которые мы навалили на веревки, сильно сдвинуло. В палатке кто-то завозился, тот, кто лежал у правой стенки. Я вспомнил, что там обычно спит Рубинин. Он затих, затем опять стал возиться, и сквозь свист ветра послышалось хлюпанье воды. Все-таки натекло со стенок на пол. Хорошо, что у нас надувные матрасы, а то бы плавали сейчас в спальных мешках...

– Гена – позвал Рубинин.

Варламов наполовину выбрался из мешка и сел в нем, упираясь головой в отвисший конек. Он как был вечером в мокрой штормовке, так и забрался в ней в спальный мешок. Интересно, подсохла ли она хоть немного? Я ощупал себя в спальном мешке и убедился, что тоже лежу в брезентовом костюме. Хорошо еще, что не в сапогах.

– Кто первый вылезает из палатки? – спросил Рубинин.

- Ты - ответил Гена.

- Брось. Разыграем на пальцах. С тебя считать. Выкидываем на одной руке. Готовы?..

Выпало Рубину. Он горестно вздохнул, вылез из спального мешка и стал в ворохе вещей искать носки и сапоги. Вспомнив, наконец, что сапоги он оставил снаружи, засунув их под палатку, Рубинин проворчал, что все это несправедливо и надо было сначала вылезать тому, кто спит в середине, то есть Варламову. Потому что ему просторнее и удобнее одеваться.

Поправив свою голубую шапочку с белым шариком на макушке, Рубинин еще раз шумно вздохнул и, выбросив из палатки пустой мешок из красной клеенки, вылез и встал на него в носках, чтобы там же, снаружи, натянуть на ноги сапоги.

В соседней палатке, видимо, поняли, что из нашей кто-то вылез. Может быть, там этого даже ждали.

- Ну как? - крикнул кто-то звонко и бодро. Нетрудно было догадаться, что это Деев.

- Отличная погода - весело, в тон Дееву ответил Рубинин. - Не очень сильный, теплый ветер. Прекрасный вид на Урал.

Мы с Геней понимающе переглянулись. Ясно было, что Рубинин врет, но стало как-то радостнее. Толкая друг друга, мы начали возиться в палатке, решившись все-таки вылезать. Гена меня обогнал и, выбравшись наружу, сначала что-то пробубнил, а потом громко возвестил, что давно уже не было такого хорошего дня.

Едва я высунул голову из палатки, чтобы взглянуть в сторону Урала, как в лицо мне ударил плотный заряд снега. Кругом все тонуло в белом. Не видно было никакого Урала, лишь река чернела в этом снежном месиве, но и она закипала белыми гребнями волн. Обломок скалы, за которым мы собирались спрятать костер, высился над тундрой, как одинокий сугроб. Сгребаясь под напором ветра, Рубинин таскал камни и укреплял ими растяжки палатки.

Завалив камнями все веревки, мы нырнули обратно в палатку. Там мы мгновенно залезли в мешки и, согрившись, стали ждать, когда будут восхищаться погодой соседи.

Первым из соседней палатки вылез Петр и, к нашему удивлению, тоже нашел погоду неплохой, но восторгался ею почему-то недолго. Мы решили, что он уже забрался назад в свою палатку, и вдруг услышали, как Петр дает указания Дееву: "Стой здесь, неси камень сюда, клади его на веревку, снова возьми, опять клади, повтори все на этом фоне". Мы поняли, что Петр занялся своим обычным делом - документальными киносъемками...

Скоро все затихли. О том, плыть нам или не плыть, никто даже и не заговорил. Еще не хватает в такой ветер ковырнуться кому-нибудь в реку...

Мы еще немного полежали, и вдруг я вспомнил... Гена лежал рядом со мной, но его не было слышно. Он тоже, наверное, вспомнил и теперь от страха затаил дыхание. Так мы лежали и ждали исполнения приговора в слабой надежде, что палачи уснут и казнь немного оттянется. Но из соседней палатки крикнули:

- Эй! Кто сегодня дежурит?

Вот оно...

- Какое будет меню? - спросили соседи.

Мы взяли пятиминутную отсрочку, чтобы посоветоваться. Потом Гена ответил:

- На первое - два часа сна, на второе - сухари с маслом,

на третье - стуженка и по ложке какао.

- Вот вам с маслом - откликнулись соседи. - Горячего хотим.

Гена тотчас же с надеждой предложил:

- Вместо горячего по пятьдесят граммов. Согласны?

- Горячего и по сто!

Ясно было, что мы не выкрутимся. Гена спросил, чего именно горячего. Оказывается, неплохо бы уши. На это Гена ответил, что будет жареная рыба. На закуску это годится. И еще лапша с мясом. И какао со стуженкой. Соседи меню одобрили, согласился с ним и Рубинин. Я не понял сразу хитрости Варламова и решил, что сейчас придется идти к реке и чистить проклятых хариусов. При этой мысли у меня, наверное как при ревматизме, заныли руки. От боли я сморщился.

- Спокойно - шепнул мне Гена, понимая всю жестокость своей шутки. -

Вместо жареных хариусов мы им дадим банку килек. Разницы никто не заметит. Лапшу, правда, придется варить, но это же в тепле, возле печки. Ищи две банки тушенки, а я пошел раскапывать паяльную лампу. За скалой снегу было по колено. Мы раскидали его веслами и сделали из камней стенку рядом со скалой. Щели в камнях мы замазали снегом. Но ветер все равно задувал. Тогда Гена притащил из байдарок две мачты, прицепил к ним вишнево-красный парус и установил его рядом с кухней, хорошенько привалив камнями.

Теперь за скалой, за каменной стенкой и за парусом ветра почти не чувствовалось.

- Петр! - крикнул Варламов и, прислушавшись, крикнул еще раз. Петр отозвался.- Вылезай с камерой. Отличные кадры. Как в Антарктиде.

- Хватит с меня - ответил Петр.- Летом вылезу. Летом.

- Лампу не могу раскочегарить. Помогите. Это я уж так насчет камеры. Нужен ты мне со своей камерой.

- Сразу бы и сказал.

Через некоторое время, заплатками на заду вперед, появился из палатки Петр. С кинокамерой через плечо. Быстро распалив лампу, он принялся бродить вокруг нашей кухни, вокруг скалы и паруса и, приседая (всем киношникам и фотографам почему-то обязательно надо приседать), стал выбирать ту самую единственную точку. Что-то он все-таки отснял, прежде чем мы с Геной увидели, как, сверкнув заплатками, Петр надолго исчез в уютном полумраке брезентовой хижины.

Завтракали в палатке у соседей. Во время завтрака мы, конечно, слегка уменьшили запасы одного не очень-то и ценного медикамента. Еда и этот самый медикамент забывали нам сил и решимости. Выкинув наружу вылизанные до блеска миски и ложки, мы последовали за ними, чтобы оглядеться и всерьез обсудить, не пора ли двигаться дальше.

Снег прекратился. По небу, то проглатывая друг друга, то снова рассыпаясь, метались обрывки туч. Среди них было много голубого, и, так как тучи подолгу на месте не задерживались, часто появлялось солнце.

Пятнами солнца и темными пятнами теней рябил Урал. Снега на нем было много, но в основном старого, зимнего, спускавшегося по ложбинам широкими языками; свежий снег едва припорошил черные скалы. Вокруг нас, по берегам реки, свежий снег лежал сплошным толстым слоем.

- Это он куда весь снег припер - догадался Гена.

Он, то есть ветер, ничуть не ослаб с тех пор, как мы в первый раз вылезли из палаток, но снег за собой тащить уже не мог: от солнца заметно потеплело, и мокрые снежинки крепко цеплялись друг за друга. Зато на реке на ветер не было никакой управы - он рвал и разбрасывал по сторонам волны и даже на коротких прямых участках реки ухитрялся разгонять их до белых гребней.

- Погода меняется. К лучшему - сказал я не без надежды на то, что мои спутники поддержат и разовьют это в общем-то сомнительное утверждение. Но никто не стал распространяться на эту тему - все повернулись и молча полезли в палатки.

Проснулись опять почти одновременно. По темным скатам палатки можно было догадаться, что солнца нет. Стрелки часов показывали два, но что это было - два ночи или дня? Если бы после трудной работы, на ветру и в дождь, да еще светлым полярным летом мы проспали бы целые сутки, это бы нас не удивило. Тем более что внутренние часы, которые природой даны каждому, при таком неровном распорядке, какой был у нас, могли и отказать. Пытаясь все же установить, что сейчас - ночь или день, мы вспомнили, что наш сон, с небольшим перерывом на приготовление и поглощение завтрака, длился с предыдущей ночи. Значит, и сейчас ночь - не могли же мы проспать десять часов, а потом еще двадцать четыре! А если действительно не могли, то наши внутренние будильники исправны и "зазвонили" через двенадцать часов после завтрака.

Установив таким образом время суток, мы пришли к выводу, что в сущности не имеет никакого значения, что сейчас - день или ночь. Важно лишь то, что пошли другие календарные сутки. А это означает, что по кухне дежурируем уже не мы. Было особенно приятно прийти к такому выводу, так как ветер снаружи стал усиливаться.

Вместе с ревом ветра до нас донеслись крики из другой палатки. Похоже,

что нас звали.

- Эй, дежурные! Давайте обед!

Мы посоветовали Петру поискать дежурных где-нибудь в другом месте. Например, в своей же палатке. При этом мы напомнили ему, какое сегодня число. Ответ был неожиданным.

- Дежурство кончается, когда сделаны три вещи - сказал Петр.- Завтрак, обед и ужин. А мы пока видели только завтрак...

Оставалось лишь развести руками. Что можно возразить госпоже арифметике? Мы вылезли из спальных мешков и прямо в палатке стали натягивать сапоги.

- Хорошо - проворчал Гена.-Мы вам такое устроим...

Мы вам приготовим обед и ужин сразу...

Рубинин, наивно решив, что теперь-то он наконец поест досыта, одобрительно потер ладони.

- Снегу-то! Сугробов! - заголосил Варламов, вылезая из палатки.

Я представил себе, как придется сейчас крутиться на ветру среди июньских сугробов, и у меня опять занули руки. Но, высунувшись вслед за Геной, я облегченно вздохнул. Снега не было совсем. Ни снежинки. Шел мелкий-мелкий дождь. Он, видимо, и докончил славное дело, начатое еще солнцем - доел весь снег.

Мы подошли к кухне. На тонких, поставленных ребром камнях высилась кастрюля с водой, под ней лежали сухие щепки. Рядом - и это нас просто ошеломило - стояла большая сковорода с очищенными и нарезанными хариусами. И тут же наготове - наша розовая канистра с подсолнечным маслом. Мы невольно огляделись и увидели Деева, идущего от реки к костру. В руках у него была еще одна сковорода и тоже - с хариусами. Деев поставил сковороду на камни и вполне скромно, не задаваясь, спросил, нет ли у нас спичек.

Вот это Толя! Мы с Геной покраснели, вспомнив свои мелочные препирательства с Петром насчет дежурства, и бросились помогать Дееву готовить обед, а также и ужин.

В суматохе кухонных дел я все же заметил, что Деев изрубил на дрова четыре лыжи. Осталось, значит, только четыре (еще четыре мы сожгли с Геной, когда готовили завтрак). Бензина - лишь на дне паяльной лампы. Этого хватит, чтобы дважды распалить костер. Выходит, горючего у нас еще на одну варку.

Все ясно: не позже чем через сутки мы отсюда уйдем. Вниз. К лесу.

Непривычное ощущение появляется иногда - какое-то отчужденное восприятие своих друзей по походу, своего лагеря. Оно возникает, когда, увлеченный чем-то, например фотосъемкой, отойдешь в сторону от палаток, задумаешься, глядя на безжизненную и неземную снежность тундры, на холодные камни, и вдруг обернешься.

...Ветер. Солнце. На реке на покрытых свежим снегом льдинах стоят груженные байдарки. Возле них суетятся какие-то странные люди. В высоких блестящих сапогах, в темных защитных очках, с облупленными красными носами. Все в пестром и необычном облачении. У одного, с рыжей щетиной, вызывающе синее на голове модная дамская шапочка. Гена Варламов. У другого из-под штормовки виден оранжевый спасжилет и красный парус кушаком на поясе. Это Петр. Третий в ярких желтых рукавицах и, как шарфом, обвязался вокруг шеи вкладышем из спального мешка. Рубинин. Каждый сам по себе. Сосредоточенные, слитные с природой люди, забравшиеся в буйное цветение весеннего Севера и сами как полярные цветы.

На левом берегу - высокий снежный обрыв. Отколовшиеся от него глыбы айсбергами высятся в реке. Течение тихое - плес. Река не подтачивает, не размывает снежные глыбы, а дает им спокойно и не торопясь умирать от солнца. Слабый северозападный ветер, и солнце такое яркое, что даже непонятно, почему с нависающих снежных берегов не льет ручьями. Почему эти айсберги так гордо торчат посреди реки, а не оседают с шипением в воду? Семь утра - вот в чем дело. Солнце яркое, но оно лишь недавно вывалилось из-за гор и еще не успело разогреть снег, сопротивляющийся солнцу своей невинной белизной.

Отвалившись, видимо, в неустойчивое полуденное время, снежные глыбы образовали тоннели, своды. Мы проплываем по извилистым узким проливам между этими айсбергами и снежными обрывами и опасно царапаем веслами по их гладким зеленым бокам. В тоннели и под ледяные козырьки нас загоняет Петр. Он вошел в очередной кинематографический раж и готов истратить на эти

айсберги всю оставшуюся пленку. И грех не истратить. Такое бывает не часто.

Перед тем как заплыть под нависающие льдины и в узкие проходы между наклонными снежными глыбами, мы их проверяем. Гена складывает руки трубой и громко кричит: "Гоп!", полагая, что именно от такого звука должны рушиться неустойчивые горы. Ледяные глыбы стоят неподвижно. Тогда мы въезжаем внутрь и плывем, отталкиваясь от их боков то веслами, то руками. Или сидим неподвижно, повинувшись слабому течению, и слушаем в ледяной тишине редкий стук капель по воде и жужжание кинокамеры.

Окончив съемки в одном нагромождении снега и льда, мы не спеша плывем дальше.

Мы плывем и говорим о много дикости этой реки, Большой Лагорты. Вначале - быстрая, узкая, вся в мелях. Затем - глубокая, извилистая, исполосованная ледовыми мостами и заторами. И вот теперь - в снежных обрывах, утыканная грузными белыми глыбами. Что-то будет еще?..

А что-то будет. Мы слышим гул. Река поворачивает влево и упирается в снежный обрыв. Перед обрывом видно мелькание. Волны. Справа искрится на солнце плоская наледь. Река наплывает на нее и разливается блинами, как жидкое тесто на сковородке. Еще правее тоже бурлит. Там поток устремляется в широкий желоб, прорезающий наледь вкось. Неужели опять пойдут такие наледи, какие попадались нам до Урала?..

Деев с Юрой выскочили впереди нас. Они бросили грести и плывут, вытянув шеи, как гуси. Затем, что-то увидев, начинают яростно табанить, но удержаться на течении не могут - их сносит туда, где буруны. А вдруг там непроходимый порог? Или начинается глубокое и извилистое русло в наледи, которое заведет их в ледяную пещеру...

- Вправо! Выбрасывайтесь на лед!

Второе гидрометеорологическое отступление. В основном о наледях

Удивительная штука - наледи. Там, где они появились, могут наблюдаться одновременно, казалось бы, несовместимые явления. Сорок градусов мороза - и затопленная водой долина реки. Тридцать пять жары - и ледяные поля.

Эти внушительные и странные фокусы природы давно подмечали и описывали исследователи Севера. Но они долго не могли установить причины возникновения наледей. Споры не все прояснили и до сих пор, но теперь среди мерзлотоведов уже есть единодушное мнение (изложенное, например, в "Краткой географической энциклопедии"), что наледь - это "ледяное тело, образовавшееся при замерзании поверхностной (речной) или подземной воды, излившейся на поверхность земли или в подпочву в результате промерзания водоема или водоносного горизонта".

Наледи бывают разные.

Речные наледи. В сильные морозы и на участках с подходящей формой русла они могут образовываться в течение всей зимы. От морозов происходит утолщение льда и стеснение "живого сечения" потока, и тогда он, стараясь вырваться из ледяных тисков, образует во льду трещины, через которые вода выливается, растекается и намерзает сверху слоями. При этом стиснутый в русле поток сначала приподнимает лед и появляются бугры, вытянутые по течению, затем, при увеличении давления в потоке, на бугре этом возникают трещины и может даже произойти ледовый взрыв. Речные наледи образуются главным образом на перекатах или на широких и мелких участках реки, где она во время затяжных морозов может промерзнуть до дна. Возникают наледи также в местах резкого изменения уклона реки, например на водопадах. Зимой на многих северных речках из-за уменьшения их грунтового питания резко падает расход воды, и мощный в летнее время водопад стекает "дамскими слезами" по скалам. "Слезы" эти, намерзая друг на друга, и образуют висячие наледи - ледопады. Благоприятные условия для появления наледей и на открытых пространствах горных тундр Крайнего Севера, где на некоторых участках рек сильный ветер сдувает снег, снимая таким образом с них "шубу".

Ключевые наледи - дети ключей и родников. Постоянные глубинные струи зимой не промерзают и стремятся вырваться на поверхность земли своими привычными выходами, родниками. И когда в морозы эти выходы затыкаются ледовыми пробками, струи их выталкивают и упрямо лезут наружу, чтобы там, на морозе, замерзнуть, растекаясь по ледяному бугру. И так всю зиму. Тут уж не

помогает утепляющий слой снега - родник все равно действует, пропитывает водой снежную крышу, все это замерзает, сдерживая напорающую снизу воду, но та набирается сил и, разрывая оковы, снова выходит наружу. Ключевых наледей много в Якутии и по всей Восточной Сибири. Однако встречаются они не только на Севере и Востоке страны, но и в средней полосе. Большая ключевая наледь образовалась, например, в 1957 году в Подмоскowie, в Раменском районе.

Грунтовые налееди. Они образуются в местах наиболее активного выхода грунтовых вод - на резких переломах верхних земных слоев, на естественных или созданных человеком срезках водоносного горизонта. Возникают они также внутри земли, без выхода на поверхность, проявляя себя лишь большими буграми. Многолетние наледные бугры в Якутии называются булгуньями. Грунтовые налееди встречаются в основном в районах с большим и подвижным слоем мерзлоты - на Крайнем Севере и на востоке страны.

Кроме трех основных видов наледей бывают и другие, небольшие по величине. Например, налееди, возникающие при таянии снега зимой (от солнца или в оттепель). Водосточная труба, забитая льдом, тоже наледь.

Налееди, переставшие расти, называются мертвыми, еще живые - мокрыми. Налееди бывают наземные и подземные. Наконец, налееди могут быть сезонными и многолетними; последние, не успевая полностью растаять до следующей зимы, накапливают лед годами.

В своем движении и росте налееди способны на всевозможные, главным образом неприятные, проделки.

Три страны в мире страдают от наледей - СССР, США (в штате Аляска) и Канада. Одно из наиболее известных мест, где налееди натворили немало зла - знаменитая на востоке нашей страны дорога АЯМ - Амуро-Якутская магистраль.

Построен АЯМ был в 20-х годах, когда на Алдане открыли богатые россыпи золота. Но з первый же год эксплуатации дороги выяснилось, что зимой автомобильное движение по ней почти невозможно. Здешние налееди объявили дорожникам войну, которая порой смахивала на настоящую.

Вот одна из сводок об этой войне:

"28 марта 1928 года произошел взрыв наледного бугра на реке Онон вблизи зимовья Онон (АЯМ). При взрыве были разбросаны в стороны глыбы льда длиной до 19 м, шириной до 5 м, толщиной до 2 м. Некоторые глыбы (самые массивные) отнесло потоком хлынувшей из кургана воды более чем на 120 м. Ледяные глыбы за несколько секунд сострогали небольшой мост, оставив на месте моста обрывки вмерзших в землю бревен. В момент взрыва был сильный гул, напоминающий пушечный выстрел. Вода разлилась полосой в 5 км длиной и 75 м шириной. Лдины неслись в потоке поверх льда с грохотом железнодорожного поезда".

Это была шумная диверсия природы. Но часто на том же АЯМе налееди причиняли неприятности, не стараясь привлечь всеобщее внимание, а действуя тихой сапой. Сползая со склонов, они переплывали дорогу длинными ледовыми языками и на долгий срок останавливали автомобильное движение.

Иногда лее налееди занимались просто озорством.

В дорожном поселке на АЯМе жители в одно прекрасное утро проснулись, а выйти на улицу не могут - за ночь все двери домов и даже ставни затопило внезапно нагрнувшей наледью.

В другом селении наледь расползлась по двору дома, появившись из-под опрокинутой бочки: земля под ней не промерзла, и грунтовые воды нашли там себе лазейку наружу.

Наступление наледей на поселки не редкость. На Северном Урале и в Горной Шории, например, налееди неоднократно затапливали селения, поглощая при этом своей холодной лавой гаражи, мастерские, жилые дома. В 1898 году в Забайкалье, на реке Бодайбо, в районе богатого Захарьевского прииска, всплывший и забивший все русло донный лед образовал плотину, вокруг которой затем возникла большая наледь. Вызванный всем этим зимний разлив реки затопил значительную часть прииска, из-за чего добыча золота уменьшилась вдвое.

На совести у наледей не только машины, здания, золото, но, видимо, и немало человеческих жизней. Вспомним рассказ Джека Лондона "Костер". Человек с рыжей бородой в пятидесятиградусный мороз брел по ручью Гендерсона и провалился в запырошенную снегом наледь. Промочив в ней ноги, он не смог отогреться и замерз.

В 30-х годах наледи регулярно образовывались в тоннелях на Амурской железной дороге. Чтобы тоннели не заплыли ледяной лавой совсем, лед приходилось регулярно скалывать и вывозить; при этом стоимость работ за зиму достигала нескольких тысяч рублей. В конце концов дело дошло до того, что с обоих концов тоннелей стали делать ворота, которые открывали лишь перед самым поездом.

Немало хлопот доставляют наледи и на сплавных реках севера и востока страны. Они перегораживают реки на перекатах, и для того, чтобы весной, по большой воде, начать сплав леса, приходится прорубать в наледях широкие канавы.

Справедливости ради следует все же сказать, что наледи иногда приносят и пользу. На тех же сплавных реках. Когда они образуются в самых верховьях и, медленно стаивая, значительную часть лета поддерживают достаточный для сплава леса уровень воды в реке. Заметив это, сплавщики разработали простой и дешевый способ намораживания ледовых плотин и сами стали создавать верховые искусственные наледи. Понятно, что такие наледи могут использоваться и для улучшения летнего водоснабжения поселков и промышленных объектов.

Способы борьбы с наледями и способы предупреждения их образования так же разнообразны, как и сами наледи.

Один из наиболее действенных и своеобразных способов разработал инженер Петров, в конце 20-х годов вступивший в многолетнюю схватку с наледями АЯМа. Он попробовал наледь останавливать наледью же.

Как это уже не раз бывало в истории научных открытий, возникновение счастливой мысли обязано случайности.

Дорожный сторож пункта Китайка возил к своему дому на санях дрова из леса и постепенно накатал поперек ключа плотную ленту снежной дороги, под которой почва промерзла глубже, чем рядом, под рыхлым снегом. И вот сползавшая по ключу наледь, словно змея перед волосяной веревкой, остановилась у этой дороги. Остановилась и, горбатясь буграми, стала расти вверх, но через дорогу не пошла. Этот случай натолкнул Петрова на мысль о создании на пути наледей мерзлотных поясов – очищенных от снега канав, способных вызывать глубокое промерзание грунта и появление искусственных наледей.

Мерзлотные пояса на АЯМе стали создаваться также и по берегам, возле мостов – таким образом было обеспечено регулярное движение транспорта по этой важной дороге.

Возникновению речных наледей в свое время пытались помешать и другими, не менее экзотическими способами.

В 1915 году под Томском на расстоянии ста метров от одного из мостов в прорубях были установлены сорок чугунных котлов и в самую стужу в них четверо суток горели костры. Наледь у моста не образовалась.

На североамериканской автостраде Алкан (Аляска – Канада) образование наледей предотвращается при помощи расположенного вдоль дороги парового отопления. Там же, где наледи все-таки появляются или спускаются со склонов на дорогу, их растапливают огнеметами, расходуя на это огромное количество нефти.

Однако наледи, причиняющие столько хлопот людям в северных районах земного шара, карлики по сравнению с самыми большими наледями, существующими в природе. К счастью, эти ледовые исполины живут в безлюдных районах.

Крупнейшие в мире наледи являются ключевыми и находятся в верховьях Яны и Индигирки. (Их называют там "тары ны".)

Начало исследованиям крупных тарынов было положено петербургским географом Майделем во время его путешествия по северо-восточной Якутии в 1868-1870 годах. Тогда он обнаружил Кыра-Нехаранский тарын площадью около двадцати пяти квадратных километров и с толщиной льда до пяти метров. После этого на картах появился еще ряд гигантских тарынов. А самая крупная в мире наледь, Улахан-Тарын, была открыта совсем недавно, в 1931 году, экспедицией Наркомвода. Это была, пожалуй, одна из последних великих географических находок в истории изучения поверхности нашей планеты. Улахан-Тарын находится на реке Моме в ста пятидесяти километрах от ее впадения в Индигирку. Растаивает эта наледь полностью лишь в конце лета и то не каждый год. Размеры ее внушительные – длина двадцать шесть километров, ширина – до

восьми километров, площадь – сто семьдесят квадратных километров, объем льда – пятьсот миллионов кубометров. Одной такой наледи хватило бы, чтобы снабжать водой в течение года жителей города с населением в три миллиона человек.

Кстати, в некоторых поселках Крайнего Севера, например на побережье Чукотки, водоснабжение зимой так и производится – с помощью льда. Специально подготовленные ямы – копани – с осени заливают водой; зимой они промерзают до дна, образуя таким образом ледяные водохранилища. Из этих искусственных наледей затем выпиливаются куски льда и складываются возле домов. И лежат запасы пресной воды, как дрова, до весны.

До гигантских тарынов пила пока не добралась и, очевидно, в районах, богатых реками, доберется не скоро, но, когда необходимость в них появится, надо надеяться, что хоть одну из великих наледей, например Улахан-Тарын, люди не тронут. Сделают там заповедник. Все-таки наледь – это и необычайное явление природы, и зрелище. Даже маленькие, по мировым масштабам, наледи на реках Полярного Урала.

...Толстые, в несколько метров, ледяные плюхи лежат на перекатах. Когда-то зимой наледь была хозяйкой реки. Останавливала ее, выталкивала на берега, заставляла сочиться поверх льда и замерзать на нем неровными слоеными буграми. Но весной река, набравшая сил, решила свести с наледью счеты. Она набросилась на нее и принялась грызть. Зло и свирепо, словно торопясь отомстить за свои зимние мытарства. Прорезая лед, потоки воды проваливаются все глубже и глубже, и вот уже в наледи появились извилистые и узкие, как щели, русла, дыры, мосты, раковины.

Смотришь на причудливо излоданный рекой наледь и невольно вспоминаешь тот знаменитый ледяной дом, что был построен в Санкт-Петербурге по прихоти императрицы Анны "в лютом генваре" 1740 года. Чего только не сотворили тогда дворцовые мастера – и пушки из льда, стрелявшие ледяными же ядрами, и ледяного слона, и настоящую парную баню в ледовом доме, но и они бы многому могли поучиться у мастерицы-природы.

### **Ледовое побоище**

...Они не слышали нашего крика и по-прежнему табанили, стараясь войти в порог с минимальной скоростью. Похоже было, что они разглядели там какую-то лазейку и теперь вырुливали на нее.

Я оглянулся. Петра и Рубинина рядом не было. Отстали, снимая какой-нибудь ледяной грот. А мы с Геней налетели на отмель у левого берега. Что могли мы сделать, распяты на камнях? Мы превратились в зрителей. Чтобы лучше выполнить хоть эту маленькую миссию, на которую еще были способны, мы бросили байдарку и стали карабкаться на торчавшие из воды рядом с нами большие камни. В этот момент мы выпустили из виду первую байдарку – всего на несколько секунд. Этого было достаточно...

Когда мы вылезли на свои смотровые камни, байдарка Деева, развернувшись, уперлась в какую-то преграду, а незадачливый экипаж стоял рядом с ней по пояс в воде и выбрасывал на наледь вещи. Видно было, что вода переливается через борт байдарки и, значит, залила ее и еще крепче прижала к камням или льдине. Ниже виднелся довольно спокойный отрезок реки с высоким снежным обрывом слева.

Надо было помогать. Мы кинулись к своей байдарке и поволокли ее через камни к левому берегу, туда, где был еще один рукав реки. Добравшись до глубокого места, мы проплыли под высоким снежным карнизом и причалили к наледи чуть ниже застрявшей байдарки. Выскочив на лед, заметили третью байдарку. Петр и Рубинин, не видя предупреждающих сигналов, решили, наверное, что все просто, и спокойно двигались вниз. Но вот они заметили Деева и Юру, копошащихся в воде возле байдарки, и резко замолотили веслами, пытаясь выгresti назад, против течения. Но было поздно. Убыстряющийся поток тянул их вниз, туда, где в камнях уже торчала одна его жертва. Не хватало им столкнуться с деевской байдаркой, получится такая каша... Но Петр сообразил, крикнул что-то Рубинину, и они рванулись вперед, поворачивая к наледи. Успех или нет... Метрах в трех от разбросанных в беспорядке весел и мокрых вещей они вылетели на лед и, когда корму закинуло потоком, выскочили из байдарки и четко, словно делали это уже сотни раз, выдернули ее дальше,

метра на два от кромки наледи.

Теперь во власти реки находилась лишь одна байдарка. Вещей в ней уже не осталось, но она, залитая до краев и прижатая кормой к большому серому камню, а носом к застрявшей на отмели льдине, сидела крепко. Ясно было, что, если мы все шестером не заберемся в воду, байдарку не вытащим.

Мы стянули с себя одежду и двинулись на спасение деевской байдарки. Единственное, что в этот момент согревало, и то в основном душу – солнце. Безудержное, ослепляющее, но прохладное. Ветра почти не было, и это обстоятельство также придавало нам бодрости. А ведь мы могли вот так, посреди потока, влететь на камни и два дня назад, во время той снежной бури. Наверное, тогда мы бы уж не полезли за байдаркой, а так и оставили бы ее посреди реки. Впрочем, может быть, и наоборот. Отчаяние придает сил. Очень возможно, что мы, не раздумывая, бросились бы за байдаркой и, вытащив ее, мокрые, сразу бы поплыли дальше. Мы себя совсем ведь еще не знаем, свои возможности и пределы. Во всяком случае знаем меньше, чем эту суровую и странную реку.

- Два - ноль - говорит Деев, рассматривая поврежденный кильсон (кильсоны - нижние деревянные рамы, на которых крепится весь каркас байдарки).

Согнуты в дугу и три тонкие трубки каркаса - стрингеры. Байдарка, освобожденная из плена, стоит на льду среди груды вещей. Другого ущерба, кроме этого, пока не видно.

Два - ноль, надо полагать, в пользу весны и Урала. Одну байдарку поток помял о камни еще по ту сторону хребта. Теперь вторая.

- Три - два - поправляет Деева Рубинин. - И притом в нашу пользу.

У Леша своя арифметика. Он поясняет ее - у нас всего три байдарки, а серьезные повреждения получили пока две.

Он так и говорит: "Пока". И смотрит при этом на меня с Геной. Мол, гиганты. Молодцы. Теперь все зависит от вас, сохранится ли этот победный счет.

Поврежденную байдарку, видимо, придется разобрать, чтобы выпрямить металлические детали каркаса и наложить шины на кильсон. Мы налетаем со всех сторон на пострадавшую посудину и начинаем отвязывать поддон и выдергивать крючки фальшбортов.

Солнце свирепеет. Добралось оно наконец и до снега и начало выжимать из него соки. Вода в реке заметно прибывает. Она накатывается на наледь и растекается по ней тонким сверкающим слоем. Льдина, на которую налетели Юра и Деев, срывается с отмели и уплывает. Оттуда, где наледь прорезает правый рукав реки, то и дело доносится глухой рокот - рушатся ледовые мосты, соединяющие нас с крепким высоким берегом. Мы расположились на низком ледовом острове. Пока еще остаются два или три моста на правый берег...

Вдруг раздается звук, похожий на скрип тяжелых ворот. Мы видим, что снежный обрыв за протокой напротив нашего острова медленно отделяется от берега и падает плашмя в реку. Резкий, как выстрел, удар, раскатистый грохот и густое шипение снега, поглощаемого водой.

Прямо на нас от обвалившегося снежного берега идет высокая волна.

- Цунами! - не то с восторгом, не то с ужасом кричит Петр.

В заливчике у края наледи стоит наша с Варламовым байдарка. Она не привязана, а лишь закинута носом на выступающий из воды камень. Гена бросается к байдарке, но она, поднятая волной выше наледи, летит уже ему навстречу и, сбивая Гену с ног, мягко опускается на лед рядом с нами. Все имущество, выкинутое на лед из байдарки, тоже отлетает от кромки льдины и веером рассыпается вокруг.

- Где бидон? - оглядев разбросанные вещи, спрашивает

Деев. - Там, на краю, я поставил бидон с маслом...

Нет бидона, но нет и Варламова. Где Варламов? Вдруг мы видим, что выкинутая на лед байдарка зашевелилась, затем наклонилась и из-под нее вылез Мальчик Гена. Как ни в чем не бывало он отряхивается и, сев на борт байдарки, начинает снимать сапог, чтобы выпить из него воду.

- Отделались легким испугом - замечает Рубинин.

Я думаю, что это он о бидоне. Ничего себе "легким". Килограмма три сливочного масла. Потом, когда Леша возбужденно похлопывает Гену и меня по спине и говорит, что мы, наверное, родились в рубашках, я вспоминаю - ведь

там, куда упал сейчас весь снежный берег, полчаса назад, торопясь на помощь Юре и Дееву, проплыли мы с Генной. Опоздай мы, задержишься где-нибудь, и прихлопнуло бы вместе с байдаркой...

Выше по течению, метрах в ста от нас, тоже грохочет. Падают в реку кусок берега в несколько десятков тонн. И еще один, немного поменьше, чуть ниже нас. Наступило время рождения айсбергов.

Петр вспоминает вдруг о кинокамере. Он спешит к байдарке, вытаскивает камеру из футляра и становится на изготовку на краю наледи. Ему почему-то кажется, что скоро должен обвалиться угол снежника возле скалы, но грохот раздается у него за спиной, и Петр успевает снять лишь волны, расплзающиеся во все стороны от упавшей глыбы снега. Теперь он поворачивается к свежему обвалу, надеясь, что за первым последует и второй, но откалывается тот угол снежника, который он облюбовал вначале. Так он и крутится с камерой на краю наледи. Наконец, устав от тщетной охоты за обвалами, Петр прячет камеру в футляр.

Вода прибывает. Приходится оттаскивать вещи и байдарки на середину наледи. Ясно уже, что часа через два вода зальет всю наледь. Нам надо успеть до этого уйти.

Обвалился еще один ледовый мост через правую протоку. Остался лишь один, но и он в этом непрочном, меняющемся мире льда и снега не вызывает доверия. Особенно если проходить по нему с байдарками. Выход один – плыть вниз прямо с острова. Несмотря на то что ниже его снова начинается порог и всякие ледовые штучки. И вообще неизвестно, что дальше: метрах в двухстах за островом река круто поворачивает и все закрывает черная скала с левого берега.

- Ну, поплыли.- сказал Варламов. Позевывая и заложив ладони под спасжилет, он прохаживался по нижнему краю наледи.

Мне показалось, что он слишком уж неестественно демонстрирует свое спокойствие. А у меня слегка запершило в горле. Я даже подумал, отчего бы: вроде все как обычно. Река. Камни, Волны. Льдины по берегам. Только вот реку-то видно лишь метров на двести. Что там за поворотом? Пристать к берегу в случае чего вроде бы можно, а все же что там? Но главное было не в этой неприятной неизвестности, а в том, что деевская байдарка, распятая на камнях, еще стояла в глазах. Как грустное напоминание. И сами мы не отогрелись еще как следует от ледяной ванны. В общем настроение было как у вратаря после пропущенного мяча.

Я тянул время. Подошел Рубинин.

- Значит, нам по вашему следу? Правее того камня?

- Да, сначала чуть правее. А потом резко вправо. В залив.

- Вещи привязали? - спросил Деев, не перестававший оглядывать реку в надежде где-нибудь у берега увидеть темно-синее пятно - бидон с маслом.

Петр встал на изготовку с камерой. Все было слишком предусмотрено и чересчур торжественно. Мне это очень не нравилось. Провожают как космонавтов. Даже байдарку спустили за нос в воду, развернули носом вниз, и Юра сидел на корточках возле самого края наледи и, придерживая корму, терпеливо ожидал, когда же мы решимся.

- Поплыли, поплыли - теряя спокойствие, стал торопить меня Гена.

Мы сели в байдарку. Гена, как и условились, уперся веслом в наледь и в тот момент, когда Фатеев отпустил корму, плавно и сильно оттолкнул нос байдарки в поток. Нас отбросило точно в сбой струй обеих проток реки. Затем мы развернулись почти поперек потока, чтобы принять носом крутой вал, поднимающийся от ледяного мыса справа. А пройдя его, снова повернули носом по течению.

Проплыли уже метров пятьдесят, когда я увидел, что за скалой, стоявшей на повороте, возле которой с берега так часто отваливались снежные глыбы, влево уходила протока и сразу же, метров через двадцать, исчезала. Слева была пещера. Нам некогда было ее разглядывать, так как впереди уже кипели камни и приходилось внимательно следить за рекой.

Мелькнула каменистая гряда, и мы стали разворачиваться вправо, чтобы обойти торчавший посреди реки большой камень. Ниже нас по течению и чуть правее, как раз там, куда мы собирались идти, появился плывущий осколок наледи. Толстый и грузный, он вздрагивал, как поплавок при слабой поклевке, и приподнимался, задевая камни на дне. Мы не решились таранить этот осколок

носом и довернули еще направо, чтобы обойти его сверху. Вдруг этот вздрагивающий кусок льда остановился и стал расти, вылезая из воды. Мы поняли, что он застрял, налетев на какой-то камень под водой, и перестали грести, но по инерции продолжали плыть поперек реки. Я раздумывал, что делать, и вдруг заметил, что мы идем прямо на застрявшую льдину, а если затабаним и остановимся, нас нанесет на торчащий из воды камень.

Гена потом рассказывал, что я вначале крикнул: "Назад!", затем: "Вперед!", потом закричал, чтобы он разворачивал нос влево. Я ничего не помню, но, наверное, так и было - взгляд мой действительно метался между камнем и льдиной. Длилось все это очень недолго, секунды две или три. Потом у меня появилось такое ощущение, будто левый борт байдарки кто-то плавно приподнял. Это мы наползли боком на льдину. В следующее мгновение я уже стоял по пояс в воде и, не выпуская из рук весла, держался за байдарку. И только тут я увидел Гену, стоящего в воде рядом со мной и как-то странно съжившегося. Он глубоко вздохнул и полез из воды обратно в байдарку, наклоняя ее при этом так, что она грозила перевернуться. Я закричал и, наверное, что-то очень грубое: Гена испуганно взглянул на меня и прыгнул с байдарки в воду.

Байдарка лежала на льдине боком. Ее залило уже наполовину. Мы посмотрели, все ли вещи привязаны, и попробовали перевернуть байдарку совсем, чтобы сдернуть ее с льдины, но преодолеть напор течения не смогли, а только еще больше залили ее водой.

До берега было метров пятнадцать. Тогда мы решили вытащить на камни часть вещей и весла, которые продолжали цепко держать в руках, затем вернуться и еще раз попытаться столкнуть байдарку с льдины.

Отвязывая рюкзаки, вдруг увидели позади, там, откуда мы поплыли, своих. Мы совсем про них забыли... Они столпились на стрелке ледяного острова и смотрели на нас, пригнувшись, СЛОЕНО старались не пропустить ни одной подробности из того, что случилось.

Прошло, наверное, не больше минуты с тех пор, как мы налетели на льдину, но мне показалось, что они стоят так, безмолвно наблюдая за нами, уже не меньше часа. Ничего себе, спутнички. Друзья-товарищи... Я заметил, что Петр нацелил на нас кинокамеру. Нашли кроликов! Я хотел уж крикнуть им что-нибудь соответствующее, но вдруг понял, что им делать-то больше нечего. Они на острове. Отрезаны от нас протоками и совершенно бессильны чем-нибудь помочь. Они не могут и плыть к нам, потому что мы загородили единственный проход между камнем и льдинами с правого берега. Не дай бог. поплывут левее камня - врежутся в пещеру. Надо следить, чтобы не поплыли.

Мы услышали крики и увидели, что на стрелке остался лишь Петр, а трое побежали назад, на другой конец наледи. Мы не могли понять, что они там задумали, тем более что у нас уже околели ноги и было не до разгадывания всяких ребусов. Мы стали отвязывать вещи и перетаскивать их на берег.

Когда делали третий заход на байдарку, вдруг услышали за спиной голоса. Все четверо были рядом. На берегу. Наверное, перелезли через правую протоку по сохранившемуся ледовому мосту.

Они побежали к нам. Рубинин и Петр остановились возле выброшенных на берег вещей и стали развязывать мешки, чтобы вытащить то, что не успело намокнуть, а Деев и Юра бросились в воду. Вместе с ними мы смогли приподнять залитую водой байдарку и вытолкнуть из-под нее льдину. Цепляясь за дно, она отплыла метра на три и опять застряла. Но байдарка освободилась. Мы провели ее по воде ближе к берегу, там наклонили, вылили воду и вытащили подальше от воды на сухие камни.

Повреждений больших не было, срезало лишь две петли на шпангоутах и погнуло несколько стрингеров. Увидев, что с байдаркой ничего страшного не случилось, мы с Генкой стали стягивать с себя мокрую одежду, чтобы переодеться.

Мимо нас по реке пронеслись обломки льдин. Может быть, мост уже обвалился? Надо было, конечно, Петру кого-то оставить на острове у байдарок, но разве все предусмотреть!

- А вот вы зря переодеваетесь в сухое - сказал Юра, что-то обмозговав. - Тебе и Дееву, раз все равно намокли, надо

перебираться на остров и по одному плыть на байдарках вниз. А я и Гена залезем в реку подальше, туда, где вас набросило

на льдину. В случае чего поймаем...

Неплохо придумано. Наверное, Юра единственный из нас, кого острые события, которые в этот день произошли, и ледяные купания не лишили способности рассуждать трезво. Мы с Геной отжали как следует мокрую одежду и стали опять натягивать ее на себя.

- А мне что делать? - смиренно спросил Рубинин.

- Стой пока на мелких камнях возле берега, метрах в двадцати ниже нас. Если мы дадим трещину - бросайся в воду, хватай байдарку.

Напротив нас звонко хрустнуло, захлопотало, и шумно заурчала вода, всасываясь в какую-то большую воронку. Пещера исчезла: наледь, горбатаясь обломками льдин, проломилась ее свод по всей длине и легла на камни.

...Мы с Деевым сидим по одному в байдарках, и каждый держится веслом за шершавый край наледи. Мы ждем, когда войдет в воду "страховая контора" - Юра, Варламов и ниже их Рубинин.

Деев и я - те самые битые, за которых дают двух небитых. Оба мы сплеховали возле этого острова, зато успокоились. По крайней мере Деев совершенно спокоен.

Петр занимает место на высоком камне у самой воды и уже прильнул к камере. Интересно, как это все будет выглядеть потом, когда проявится пленка? Жаль, что откуда-нибудь сверху нельзя снять и Петра. Юра машет. "Страховая контора" лезет в воду.

Спустя часа два мы уже метрах в трехстах ниже, там, где река растворяется в следующей наледи, расплетается на десяток отдельных речек, одни из которых исчезают подо льдом, а другие бурлящими лентами петляют по наледи. Попробовать плыть тут - нелепость. Вообще невозможно.

- Левым берегом надо обходить - предлагает Варламов - по снежнику. По самому его краю.

- Нельзя, снежник нависает над рекой. И кроме того, он очень наклонный.

- Прямо по наледи тогда. Волочить байдарки по льду.

- Плохо. Очень бугристый лед. Много промоин и поперечных трещин,

- У нас же поддоны на байдарках - говорит Деев, сторонник острых вариантов. - Надо плыть по наледи, и все.

Хотя бы вот этим самым широким руслом. Мы что - и вниз будем ползти по льду и по снегу? Зачем же нам тогда байдарки? Как сани? Для вещей?

- У тебя много осталось сухого? - спрашивает Петр.

Мне уже легче провозгласить осторожное, но, видимо, единственно верное решение:

- Обносим наледь правой стороной. По земле.

Мы перелезаем с байдарками через крутой бугор, обрывающийся к реке скалой. Сверху наледь видна хорошо. Чистый голубоватый лед, заполнивший всю долину. Паутина извилистых желобов на льду. Блестки небольших луж и темные колодцы, пробитые потоками. Сверху наледь как на ладони. Слово искусно выполненная из каких-то синтетических материалов модель наледи.

Через три часа мы уже далеко за наледью.

Мы еще сверху просмотрели отрезок реки ниже наледи. Там река раздобрилась - подарила нам метров двести открытого и единого русла. В нем виднелись и камни, и крутые повороты, и бьющая в ледяные берега струя, но то была уже большая вода. Спустившись к реке, мы прошли вниз по течению и еще раз оглядели открытый участок.

...Приближается пасть с клыками - нависший край наледи и сосульки, свисающие чуть ли не до воды. Но препятствие это лишь для слабонервных. Там ничего не стоит отвернуть. Сам поток, наклонившись, как вираж на треке, заворачивает влево.

Нависшая льдина промелькнула рядом с бортом. Теперь прямой участок. Но близко к берегам идти нельзя - острые ледяные плиты нависают над водой. Слева, чуть спереди, раздается грохот. Обвалился край ледяного берега. Волна бросает нашу байдарку вправо. Вдруг мы видим, как, вынырнув из глубины, словно живая, наперерез нам плывет льдина. Гена выставил вперед весло и ждет. Хочет от нее оттолкнуться. Льдина уже рядом, он упирается веслом в край льдины, давит на него... вдруг весло выскальзывает, и Гена, резко подавшись вбок, едва не переворачивает байдарку, успевая рукой удержаться о льдину, которая уже подползла под нас. Весло медленно скользит по льдине и

тихо опускается в воду. Гена хочет встать на льдину, чтобы взять весло, но она уходит у него из-под ног, и байдарка еще дальше наезжает на льдину. Весло уплывает. Гена поворачивается ко мне и вдруг кричит: "Олени!"

Там, куда он показывает рукой, высоко на берегу по снежникам, по тундре цепочкой идут олени. Впереди стада - олени с нартами. И еще несколько нарт в середине и в конце. Люди...

А весло уплывает. Нам бы сползти с льдины, тогда мы сможем догнать весло. Впереди пока сравнительно тихо, но течение идет к левому берегу, и вместе с льдиной нас может затянуть под нависающий край наледи. А еще ниже шумит порог. Там наша льдина наверняка налетит на камень...

Вдруг мы видим, что по берегу, по краю наледи, кто-то бежит с веслом в руках, обгоняя нас. Юра.

Значит, они там, позади, заметили, что случилось, быстро причалили, и теперь Юра стремится забежать вперед, чтобы как-то помочь.

Нас подносит к берегу. Юра осторожно приближается к краю наледи, дотягивается веслом до носа нашей байдарки и сталкивает ее с льдины. Подплывает Деев, и Юра сползает с высокого края наледи в свою байдарку. Мы пускаемся вдогонку за веслом.

Впереди, чуть выше порога, взметнулись брызги, и до нас долетает раскатистый гул. Кажется, что-то произошло. Нам видно лишь, что река впереди нас сузилась, и там, где было все гладко, появились прыгающие макушки волн. Вверх по течению мимо нас пронеслась, как тень, едва заметная прямая волна. Наверное, ледовый обвал сразу с обоих берегов перекрыл реку, и сейчас начнет резко прибывать вода. Надо скорее причаливать. Надо вообще кончать, пока все в порядке. Тем более что по берегам в ложбинах появился редкий лиственничник.

Надо кончать плавать во второй половине дня, когда солнце разогревает снег и льды и начинает демонстрировать, на что оно способно.

Выбрав в узкой ложбине на высоком берегу место для лагеря и перетаскав туда байдарки, Рубинин, Гена и я отправились вниз по реке, чтобы набрать дров - мелких засохших корней и сучьев одиноких лиственниц. И посмотреть заодно, что за подарки приготовила для нас Большая Лагорта на ближайшее время.

Там, откуда недавно до нас донесся гул, в реке, перегораживая ее наполовину, лежала куча снега. И виден был свежий срез на крутом берегу справа - оттуда и рухнула вся эта масса. Наверное, вначале обвал перегородил весь поток - на голых камнях противоположного берега валялись снежные комья, но затем река смыла рыхлую преграду, и она, оседая и крошась, продолжала быстро уменьшаться.

Снежный обрыв, возле которого мы остановились, крутой дугой протянулся по реке метров на двести. Ниже его на обоих берегах было голо, лишь скалы и камни, но там потемневшими буграми горбатилась наледь. Издалека казалось, что она занимает все русло и вода уходит куда-то под наледь, но, наверное, и эту наледь, как и все предыдущие, прорезал ледовый канал.

За наледью к реке полого спускался снежник (опасности он, слава богу, никакой не представлял), затем долина круто заворачивала на юг. Мы не могли, стоя у обвала, разглядеть, далеко ли еще тянутся по реке эти снежные обрывы и наледи.

- Сходим до поворота, посмотрим, что дальше - предложил Гена.

- А потом пойдем до второго поворота, чтобы узнать, что за ним? - спросил его Рубинин. Судя по всему, он уже настроил себя на то, что наледи будут тянуться до самой Оби.

- Осматривать реку дальше, чем нужно, чтобы плыть по ней - добавил он наставительно - все равно что заглядывать в конец интересной книги.

Я подумал, что тут уж Леша загнул. Когда река как игрушка, например в коротком походе, может быть, это и так, может быть, и стоит свои путевые впечатления распределять равномерно, но здесь нам важно знать о реке как можно больше, чтобы правильно рассчитать силы и время на оставшуюся часть похода.

Я не стал спорить с Рубининым, отдал ему корни и сучки, и Гена отдал тоже. Мы сказали Леше, чтобы он нес их к костру, а сами, обогнув снежник подальше от края, пошли к повороту долины.

За поворотом река была прямее, она просматривалась там километра на

полтора, и на всем этом отрезке, как и предсказывал Рубинин, виднелись наледи. К следующему повороту мы не пошли: ледовых и снежных преград на реке и так хватало для размышлений и для серьезного общего разговора, который я давно уже должен был начать, но все оттягивал, на что-то надеясь.

Дело в том, что настало время определить заключительную часть нашего маршрута. Собственно, маршрут у нас был давно определен – с Юньяхи по Лагорте через Урал на Большую Лагортку и вниз к Оби, но у этого маршрута было два окончания: окончание-максимум и окончание-минимум.

Первое, с большим размахом, было рассчитано на выход к Оби по Сыне – по реке, берущей начало на Урале и впадающей в Обь километрах в семидесяти южнее Войкара. Чтобы попасть на Сыню с Большой Лагорты, нам надо было спуститься по Войкару до его правого притока Кокпелы, подняться в верховья Кокпелы (по воде бечевой или, если будет мешать ледоход, по прибрежным снежникам на поддонах), перевалить затем пару невысоких хребтов (используя при этом поддоны, как при переходе через Урал) и спуститься в долину реки Лапта-Пай, притока Сыни. А дальше один путь – по рекам вниз до Оби.

Окончание-минимум рассматривалось в качестве запасного варианта (на случай задержки, аварии и так далее) и предполагало выход с Большой Лагорты на Обь кратчайшим путем – по Войкару. Оно требовало всего четырех дней, а спуск по Сыни – на неделю больше.

Оба этих варианта заключительной части маршрута были записаны в нашем спортивном документе – в маршрутной книжке, значит, на оба из них мы имели официальное право. Дело было лишь за нами самими: по-прежнему ли, как в Москве, мы хотим пройти длинный вариант окончания маршрута и есть ли у нас в сложившейся обстановке основания рассчитывать при этом на успех.

Я не знал пока, что скажут по этому поводу мои спутники, но сам-то еще не оставил мысль выйти на Сыню. Конечно, перелезть через Урал, не складывая байдарок в мешки, подняться и сплавиться по рекам, покрытым наледями – это достижение, но перевалить еще через один водораздел – уже нечто похожее на рекорд. Вряд ли в ближайшее время кто-то сможет его превзойти. Кроме того, важен принцип: перейти еще раз через хребет – это значит доказать, что байдарки на поддонах весной и в таких районах – настоящие вездеходы и нет для них никаких ограничений в выборе маршрута.

Очень неплохо было бы приплюсовать к своему походу окончание-максимум, но вот вопрос: реально ли это?

Я не могу упрекнуть себя и своих спутников в чрезмерной азартности при планировании похода – мы исходили из прошлогоднего опыта, из своей физической подготовленности, предполагали мы и возможность неожиданных задержек з пути, но эти наледи... Этот ветер, при котором невозможно было плыть даже по сравнительно неширокой реке... Конечно, если бы весна оказалась такой же поздней, как и в прошлом году, если бы в тундре был снег, мы бы уже подошли к Сыне. Но то все "если бы о, а на деле до контрольного срока, когда нам нужно дать телеграмму об окончании похода, осталось две недели, отпуска у всех кончатся через десять дней, а нам еще надо доехать до Москвы...

Нужно решать все сегодня. Я давно тянул, а теперь пора решать. Откровенно говоря, сомнение в том, что нам удастся пройти маршрут с выходом на Сынта, появилось у меня еще на Юньяхе. когда мы увидели бесснежную тундру и кусты, затопленные водой. Сомнение отчасти прошло, когда по берегам пошли снежники, и мы стали передвигаться значительно быстрее, но потом, среди наледей на подъеме к Уралу, оно опять окрепло. И все же надежда еще оставалась, если бы не тот ветер, загнавший нас на два дня в палатки, и не наледи, начавшиеся сегодня утром.

Надо было решать.

Мы сидели у костра. У хорошего жаркого костра. Склоняющееся к вершинам солнце светило как раз вдоль той ложбины, где был наш лагерь, и вместе они, костер и солнце, заливали нас теплом и уютом. И хотя на огне еще булькала в ведре каша, и хоть мы были зверски голодны, от тепла нас разморило, все дремали полулежа и покорно ждали ужина.

Для начала разговора о наших дальнейших планах я хотел все же изложить, что думаю сам о том, пробираться нам на Сыню или довольствоваться Войкаром. Наверное, где-то в глубине души я уже примирился с тем, что к Оби придется спускаться по Войкару; так я хотел и сказать, но в последний момент какой-то

самолюбивый человек, притаившийся внутри меня, попридержал мой язык, разрешив лишь задать вопрос, что делать дальше, и предоставляя возможность присоединиться к тому, кто первым проявит благоразумие.

В ответ на мою просьбу высказаться по нашим планам Деев лишь поинтересовался, сколько осталось продуктов и патронов, и, убедившись, что того и другого хватит еще на неделю, пожал плечами: мол, о чем еще говорить? Даешь Сыню!

Мальчик Гена спросил, какое сегодня число, пошевелил губами, что-то вычисляя, и возвестил, что его начальник уходит в отпуск как раз через пять дней. Так что все в порядке.

Юра Фатеев удивился:

- Разве мы устали? Или сильно выбились из графика?

Петр и Рубинин без колебаний присоединились к предыдущим ораторам. Даешь Сыню!

Такого поворота я никак не ожидал. Мне даже показалось, что все стоворились, чтобы меня разыграть. Все это выглядело действительно забавно. Я всегда, возможно несколько нескромно, считал себя от природы довольно выносливым, усиленно тренировался к походу и был как будто не слабее своих спутников (а кое-кого вдобавок и моложе), но тем не менее чувствовал, что устал на этих наледях и что переход на Сыню будет уже сверх меры. А им хоть бы что, они как пионеры. Всегда готовы.

В прошлом году бы такую компанию.

И все же в связи с возникшей перспективой снова тянуть байдарки бечевой в глазах Петра мелькнула холодная тень. И Рубинин не так оживлен, как обычно. А Мальчик Гена выглядит просто плохо - лицо похудело, осунулось. И Юра тоже не огурчик. Лишь под Деева не подкопаешься. Он, как всегда, свеж и на все готов.

И вдруг мне показалось, что я понял, в чем дело: во мне сидит тот самолюбивый человек, шепчет на ухо, чтобы не выкидывал белый флаг, не признавался в своей слабости, а у спутников моих разве нет таких же хитрых маленьких советчиков? И каждый честен перед другими, каждый знает, что если надо будет, то сможет не только дойти до Сыни, но и еще раз перелезть с байдарками через Урал. Конечно, если будет надо. Но ведь пока не было разговора о том, целесообразно ли это - после всех наледей за Уралом и на этой стороне, после того, что еще предстоит на Большой Лагорте, продолжать рваться на Сыню. Пока еще только начало разговора.

А в продолжение его мне ничего не остается, как играть в открытую, то есть выступать против общего горячего желания одолеть и Сыню. И приводить существенные доводы. Сроки. Ограниченный запас продуктов. Вряд ли есть снег на перевале в бассейн Сыни. Кроме того, неизбежна новая потеря времени среди наледей, которые еще ждут нас на Большой Лагорте.

Я сказал обо всем этом и замолчал. Некоторое время все тоже молчали. Затем Деев вздохнул:

- Ну что же, если так, тогда придется скатываться вниз по Войкару.

Рубинин, словно извиняясь, что ему приходится поддерживать меня и Деева, утешил всех:

- Ничего, не огорчайтесь. Еще и на этих наледях работы хватит.

- Особенно мне, чтобы отснять как следует технику их преодоления - добавил Петр.

Мальчик Гена и Фатеев молча кивнули, давая тем самым понять, что они присоединяются к предыдущим ораторам.

Все сразу оживились и, словно подводя итоги всему походу, стали вспоминать, что было с нами до Урала. И сложнее ли та Лагорта этой, Большой. А я подумал о том, что, укуси меня какая-нибудь муха или внуши мне кто-нибудь идею, что нельзя нам возвращаться в Москву, не побывав на Сыне, вот тогда я не смог бы убедить остальных, что надо опять лезть с байдарками через горы. Нет, не смог бы. В сложном походе "вольнонаемными" своими спутниками лишь тогда легко управлять и руководить, когда производишь вслух то, что думаешь-гот тобой руководимые.

В прошлом году бы такую компанию...

- А мы неправильно тогда поплыли - сказал Варламов, откинув в сторону

пустую кружку.- От ледяного острова. Когда стукнули байдарки и искупались сами.

Солнце уже завалилось за склон горы, у подножия которой наш лагерь. Сразу похолодало. И главное - ветер. Он не сильный, но холодный, северный. Хоть мы и в глубокой расщелине, ветер туда задувает и заставляет нас, кутая спальными мешками плечи, придвигаться к костру.

- Надо было плыть левее большого камня. Там глубже, и даже если бы появился на реке кусок льда, отколовшийся от наледи, он там бы не застрял.

- А если бы все же застрял и наткнувшись на него байдарку откинуло в левую протоку? К пещере?

Это хорошо, когда ветер, холод, но есть костер. Особенно когда он из сухих лиственничных корней и сучьев. Больше недели не грелись мы у настоящего костра. После такого дня это в самый раз.

- Отгреблись бы, наверное...

Гена притих и подвинулся еще ближе к огню.

Вот кто нам нужен был в прошлом году для спокойствия и мира в нашей разношерстной группе. Не молодая, симпатичная спутница, а Варламов. Простодушный и неугомонный Мальчик Гена. Каждого-то он готов выслушать, от каждого с удовольствием получит совет и разъяснение. Мальчик Гена - просто находка.

И нужен нам был Юра Фатеев. С его спокойствием, деловитостью и неброской решительностью. Он как последняя ступень ракеты, включающаяся в тот момент, когда другие уже выработали горючее. Как неприкосновенный запас бодрости - пока в нем нет настоящей необходимости, его не видно, и, может случиться, он так и не проявит себя в полную силу, но если уж понадобится...

- Правда, вы видели оленей? - спросил Петр.- Вот бы отснять. Это кадры! На переднем плане - байдарки, рядом - лед, буруны, желоба в наледях, а где-то вдали - олени. И оленеводы на нартах. И свет, главное, был отличный. Солнце.

Петр обернулся к реке, надеясь увидеть там оленье стадо, вздохнул и пододвинул жестянку с вываренными чайниками ближе к огню. Высохнут они до хруста, и будет у него "табак". А еще Петр делал себе табак из помета куропаток. Страдает, бедный, без курева. Сколько помню я дальние походы, это обычная история. Покидая населенные места, братцы курильщики берут с собой пачек по пять-шесть на нос, мол, на первые дни, а там бросим. В середине похода действительно неделю не курят, а потом начинается изобретательство.

- Подъем! - противным голосом тянул Деев.

Наверное, он будил нас уже давно, потому что в голосе его чувствовалась некая монотонность. Но вдруг, заметив, что в палатках зашевелились, Деев рявкнул во всю глотку:

- А ну вываливайтесь!

Пришлось вылезать.

Петр за вчерашний день, видимо, очень устал. Напрыгался по камням и наледям с киноаппаратом. Он выбрался из палатки последний и сел на мешок у костра весь какой-то помятый, растрепанный.

- Лови - небрежно сказал Деев и кинул Петру мешочек.

Петр, оживившись, схватил его, как муху, на лету левой рукой, развязал и, увидев целую пригоршню махорки, безмолвно уставился на Деева.

- У оленеводов добыл. Ночью они стояли напротив наше го лагеря. Часа два назад ушли дальше. К перевалу.

Петр оглядел Деева с ног до головы.

- Что смотришь? Думаешь, я идиот, чтобы перебираться вплавь через реку? С Юрой на байдарке переплыли.

Петр достал из кармана приготовленный на этот случай газетный листик и стал сворачивать козью ножку. Мы молчали, не спрашивали ни о чем Деева. Знали, сам все расскажет.

- Из поселка Тильтим олени. Это на Сыне. Вдоль Большой Лагорты шли последние три дня. Говорят, что километр ров десять или пятнадцать еще будут наледи, а ниже - чистая река. Но с порогами.

- Пороги - леший с ними. Главное, что за наледи ниже. Большие ли, сильно ли изглоданы рекой...

- Есть еще два места с высокими снежными обрывами по берегам. Метров по

десять и прямо к реке. Там часто бывают обвалы. Иногда при этом снегом забивает всю реку и образуются плотины. Но ненадолго. Размывает.

Утешительные сведения. Особенно приятно узнать, что снежные плотины на реке держатся недолго. Недели за две, то есть к концу июня, до Оби, значит, доплывем.

- Лес по реке скоро?

- Настоящий, густой - километров через пятнадцать. Как раз там, где кончаются наледи.

- Что пишут центральные газеты? - нетерпеливо спросил Рубинин.

- Они из Тильтима лишь на неделю позже, чем мы из Москвы.

- А приемника разве у них нет, какой-нибудь плохонькой "Спидолы"? Ты что, разве не видел фотографии в "Огоньке"? Из серии "На просторах Севера"?

- Фотографии видел, но то, наверное, были другие оленеводы.

- Оленеводы все одинаковые. Скажи просто, что ты забыл поинтересоваться тем, что творится сейчас в мире.

- Ну и забыл - прямодушно сознался Деев.

Байдарки у нас теперь как новенькие. Туго натянуты оболочки. Кильсоны не потрескивают на волнах. Недаром мы возились, ремонтировали их целый день. Могли бы, конечно, кончить быстрее, но мы не спешили, чтобы не было соблазна выплыть раньше времени. В часы крушения снежных и ледовых берегов. Лучше уж плыть ночью. Когда снег и лед пристынут и сожмутся от холода.

Мы плывем ночью и чувствуем устойчивость оставшихся еще следов зимы. Снег на обрывах, как постоявший сутки бетон, уже крепкий, схватился. И мерзлый лед наледей, когда идешь по нему, гудит под сапогами. И, как от молодого бетона, от снега и льда пахнет свежей сыростью.

Но все это лишь наши ощущения. Рискованно доверять им полностью. Поэтому там, где струя заносит под снежный навес, мы режем струю и с ходу вылетаем в заводи напротив снежников. Подальше от них, подальше. Пусть обратным потоком развернет байдарку - это поправимо.

На реке появляются острые черные скалы. Они клыками торчат над руслом, а снизу, как застывшей лавой, заплыли наледями. Два часа ночи. Солнце уже взошло и прозрачным малиновым лаком вымазало дальние бесснежные горы. Черные клыки скал резко выделяются на фоне гор. А справа по берегу - еще не освещенный солнцем, но уже чувствующий его и готовый воспламениться снежник,

- Петр, а Петр - дразнит нашего доблестного кинооператора Рубинин. - Сейчас бы сюда оленей. Да? Отличный кадр - байдарки поставить у скалы, Деева с веслом на наледь, а оленей с нартами или просто цепочкой пустить по снежнику... Что скажешь?

- Олени! - громко шепчет Варламов. А я с досадой думаю, что опять он увидел их первый. Глазастый этот Мальчик Гена. - Вон на берегу. За скалой у наледи...

Действительно там два оленя. Других не видно. Наверное, это дикие или отбившиеся от стада. Петр не успевает развязать мешок с кинокамерой, как они срываются с места и, перемахнув снежник, исчезают за бугром.

Впереди слышен шум. Я встаю в байдарке во весь рост. Наледь. Образцовая, по всем правилам. Река разделяется на несколько рукавов и впрызается в перегородившие реку пласты льда.

Начинается. Надо приставать.

...А за этой наледью - другая. И еще одна. И так два дня наледей. Два дня трудной работы и различных ухищрений среди извилистых каналов и нависших над ними голубых глыб, среди коварных ледовых мостов. А потом мы вышли на Войкар. На обычную порожистую реку.

На порогах было нелегко, но даже в самых острых эпизодах всех нас не покидало ощущение, что поход закончился еще до Войкара. И рубеж этот, отделяющий трудный и опасный поход от привычного сплава на байдарках, как некая четкая и внушительная географическая граница, проходил там, где кончилась последняя наледь. Он, этот рубеж, был для нас тем же, чем, скажем, для исследователей Севера является Полярный круг.

Не вдаваясь поэтому в подробности плавания по войкарским порогам, автор хочет напомнить читателю, что на всем протяжении этого документального и отчасти научно-популярного повествования он лишь дважды позволил себе привести цитаты. Такая сдержанность, как кажется автору, дает ему право еще раз воспользоваться готовой и весьма подходящей для данного случая

формулировкой.

Цитата будет из книги Юлиуса Пайера "725 дней во льдах Арктики". Заканчивая описание полного открытий и испытаний странствия в просторах Ледовитого океана и подчеркивая свое уважение к Северу, как к достойному сопернику, Пайер пишет:

"С пересечением Полярного круга рассказ об экспедиции должен прерваться сам собой".

## ОГЛАВЛЕНИЕ

### **НА ХВОСТЕ ЗИМЫ**

Тундра и солнечная ночь

Гидрометеорологическое отступление. О снеге, весеннем половодье и ветрах.

Бросок через горы

В ловушке

Отступление историческое

Петр, Борис и другие

На хвосте зимы

Отступление краеведческое

Озеро Варчато

### **ЛОДКИ ПЛЫВУТ ЧЕРЕЗ ГОРЫ**

Продолжение следует

Навстречу льдам

Отступление биологическое. О цветах, птицах и хариусах.

Паруса над Уралом

Снежное болото

Второе гидрометеорологическое отступление. В основном о наледях

Ледовое побоище